

ГОРЬКИЙ ВКУС СОЛИ

Елена Оуэнс

16+

Елена Оуэнс

Горький вкус соли

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Оуэнс Е.

Горький вкус соли / Е. Оуэнс — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96986-5

Роман о послевоенном поколении СССР, поднимавшем страну после разрухи, и об их патриотизме. В то же время роман о том, о чем принято было молчать: о тяжелом труде, драках «улица на улицу» и о домашнем насилии. Два главных героя, Нина Лобова и Витя Тарасов, взрослеют на глазах у читателя и сталкиваются с разными испытаниями, проезжая по просторам великой страны – от Вологодчины до Байкала, от Казахской ССР до Курильских островов. Вдохновленный реальными историями, роман захватит вас судьбами главных героев, их мечтами и тайнами, а мощь их переживаний заставит вас постоянно задавать себе вопрос: «а как бы поступил я?» 2-е издание.

ISBN 978-5-532-96986-5

© Оуэнс Е., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть I	5
Вологодская область, станция Лесоповальная, 1955 год, 1 сентября	5
Чувашия, посёлок Поволжский, 1956 год, бабье лето	10
1	10
2	13
3	15
Вологодская область, станция Лесоповальная, 1956 год, июль	21
1	21
2	26
3	28
Казахская ССР, Талды-Курган, 1961 год, май	31
1	31
2	34
3	35
Вологодская область, станция Лесоповальная, 1962 год, июль	38
1	38
2	43
3	44
4	49
5	51
6	58
7	61
8	63
9	66
10	72
Казахская ССР, 1962 год, лето	73
1	73
2	78
3	80
4	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Елена Оуэнс

Горький вкус соли

Посвящается

*всем детям на Земле... даже тем, которые уже стали взрослыми,
послевоенному поколению СССР, которое вырастило нас и подняло
страну, так и оставшись скромными и невоспетыми героями эпохи,
и в отдельности —
— моим родителям*

Часть I

Вологодская область, станция Лесоповальная, 1955 год, 1 сентября

День сегодня предстоял необычный, как его назвала мама, – большой день – первое сентября. Сашка, первым из всей ребятни, уходил в школу, в первый класс. Нина, конечно, не шибко была этим довольна, но её никто не спрашивал. Как она успела понять к своим пяти с половиной годам, из школы выходили «люди», поэтому она была важнее, чем смотреть за хозяйством и за детьми.

«Хоть ты человеком будешь», – напутствовал папа Сашку, вручая ему новенький портфель, и означало это, что они, малышня, совсем к людям не относятся, а станут получеловеками, когда, как Сашка, пойдут в школу, и полноценными людьми – когда закончат. А покамест они не люди, никто с ними валандаться не собирается. Значит, Нинке надо было ждать ещё два года, Гальке – три, а Тишке – целую вечность: все шесть.

Отец давно ушёл на работу, на лесоповал. Мама, собрав всех четверых ребятишек за завтраком, объявила, что, коли день сегодня праздничный и в школе будут делать фотокарточки, они с отцом решили: пусть и остальную ребятню на карточку снимут. Специально по такому поводу на их станцию приедет фотограф, будет у них дома в одиннадцать часов и после них прямиком направится в школу – поэтому он заранее попросил его не задерживать. А коли такое дело, что никого из старших не будет дома, Нине поручается нарядить младших, Гальку и Тишку, и приготовиться. Мама же заскочит с работы только на пять минут, как раз к тому времени, когда подойдет фотограф.

– Угу, – вздохнула Нина, хлебая жидкую кашу.

Целый день провести дома без Сашки было скукотой. Но, как говорила мама, он и так задержался на целый год, усыкая¹ Тишку, и потому идёт в школу поздно – в восемь лет. Младший брат за год подрос, стал вполне себе большим ребёнком, мог ходить и даже лопотать, так что старшего, Сашку, можно было наконец-то отпустить в школу.

Нина украдкой посмотрела на старшего брата. Тот нахмурился, отчего казалось, что все вснушки разом прыгнули ему на переносицу, и вымакивал тарелку мякишем ржаного хлеба.

¹ Усыкаться (волог.) – нянчиться с ребёнком.

Белобрысые короткие вихры, мокрые, видимо, брат их намочил, чтобы не топорщились, один за другим подсыхали, отсоединялись от приглаженных волос и, как обычно, вставали торчком.

«Ишь, важничает, – недовольно думала Нина. – В школу! Небось, нос воротить начнёт».

Мама взяла свою большую сумку, тяжёлую, со вчерашней магазинной вырубкой, обернулась на пороге и сказала:

– Дак, Нинка, слышь чего говорю-то? За старшую ты значит нонеча².

– Угу, – буркнула Нина в ответ.

– Придём с работы поздно, как обычно. Пообедайте, поужинайте сами, меня с отцом не ждите.

– Добро, – в этот раз ответил Саша, вставая из-за стола. – Мальчишки сказывали, что в первый день тягомотины не будет, так что к обеду ворочусь, накормлю всех.

– Нинка!

– Ау! – отозвалась та, отрывая голову от тарелки.

– Печь, главное, не трогайте. Давеча только уложили, глина не обсохла ишшо.

Нина кивнула:

– Не будем.

– Ну, с Богом, – мама перекрестила ребятню и вышла из дома.

Сашка тут же заторопился, поставил плошку в раковину:

– Нинка, уберёшь со стола после малышни-то? Как бы не обзевать³ в первый день.

– Ты пошто спрашиваешь-то? – спросила Нина, будто взрослая.

Сашка улыбнулся, проходя мимо, потрепал её по коротко стриженным волосам и ушёл в горницу.

Нина с тоской посмотрела на Гальку и Тишку. Сестра уже заканчивала, так же тщательно вымакивая доньшко тарелки хлебом, а Тишка ещё возился.

«Будет полчаса вымнать⁴ с кашей. Пока совсем не остынет. Всё равно ведь не съест», – думала Нина, глядя на братика.

Она пересела на Сашкин табурет, взяла у Тишки ложку и сказала:

– Ну, давай, Тихон-Тихонюшка. Ложечку за маму, ложечку за папу...

Тишка, довольный вниманием сестры, послушно открывал рот.

На кухню вернулся старший брат. В школьной форме: белой рубашке, брюках со стрелочками подпоясанными чёрным кожаным ремешком с пряжкой.

– Нин, – позвал он.

– Дак чего-о?

– Дак пошёл я, – сказал Сашка, замаявшись. – Огляди хоть меня. Первый же день.

– Пошто тебе модничать-то? Дак и дождь был давеча. Дорогу развезло, штаны все перемажешь, – ответила Нина. – В сапоги заправь.

Сашка выглянул в окно. Узкая склизкая тропинка во дворе размокла, трава прижалась к земле под тяжестью крупных капель. Он прислонился к стеклу, пытаясь увидеть сельскую дорогу, но, как ни старайся, её отсюда не было видно: широкий чёрный штaketник да кусты черноплодки с тугими зрелыми гроздьями вдоль забора скрывали обзор. Сашка вздохнул и подмигнул Тишке:

– И ведь даром, что пятилетка, всё-то она знает, смотри-ко! Ты не бери в голову, братишка, девчонки – все воображали. Нинка-то наша, ишь, важничает, что её старшой назначили.

Тишка заулыбался ещё пуще, засучив ножками под столом.

Сашка бросил Нине напоследок:

² Нонеча (волог.) – сегодня.

³ Обзевать (волог.) – опоздать.

⁴ Вымнать (волог.) – долго возиться, затягивать.

– К печке не суйтесь. И в огород пойдёте – осторожно тамotka: глиняную яму обходите стороной, развезло, небось, после дождя – может кромка обвалиться. Я к обеду вернусь, не успеете соскучиться.

Едва за ним захлопнулась дверь, Нинка, оставив Тишку, подскочила к окошку. Вскоре на тропинке во дворе появился Сашка, в картузе, с заправленными в резиновые сапоги брюками. В руке – новый портфель, дерматиновый, коричневый, с блестящей застёжкой. Как только за ним закрылась мокрая, почерневшая от ночного дождя калитка, Нина было поникла, но тут за спиной раздался детский голосок:

– Ника...

Она обернулась. Тишка смотрел на неё своими большущими голубыми глазами и широко улыбался. Разве можно было на него сердиться? В конце концов, он не виноват, что старший брат ушёл в школу. К тому же Сашка честно отнянчался со всеми ими тремя, теперь настала Нинкина очередь.

– Тишка, хватит рассусоливать. Остыло уже, поди, – вздохнула Нина, под села к нему и принялась кормить его с ложки сама.

Еле-еле впахав в него остатки каши, она утёрла брату личико, помогла слезть с табурета с горой думок на нём, и они направились в горницу.

Галька, сидя на кровати, расчесывала тряпичную куклу, напевая ей какую-то незатейливую песенку.

– Тебе что, Тишки вместо ляльки не хватает? – спросила Нина. – Одевайся давай. Я покамест соберу его.

– Как одеваться-то? – спросила Галя.

– Дак фотограф придёт. Баско⁵ чтоб, значит.

Галька слезла с высокой кровати и открыла шифоньер.

– Новые платья, что ли, можно?

– Дак можно, поди. Доставай.

Галя достала два одинаковых платья, синих, в белый горошек, с воланчиками, пошитых им тётей Валею для праздников.

На братика Нина надела белую рубашку, чулки и чёрные короткие штанишки, искусно переделанные всё той же тётей Валею из старых Сашкиных брюк. Наконец все были в сборе: Нина открыла дверцу шифоньера и оглядела всех троих в зеркале. У всех носики – кнопочки, она с Галькой почти одного роста, только у той – волосы потемнее, чем у Нинки, а у Тишки вообще вместо волос – едва проглядывающий пушок; у неё, одной из семьи, нет конопушек, а всех остальных, как говорила мама, «мухи приметили».

«Мама скажет, баско всех одела», – решила Нина и посмотрела на будильник. На часах было полдевятого. А фотограф придёт в одиннадцать.

– Много времени-то у нас, до фотографа энтото, – сказала она свою мысль вслух.

Брат и сестра стояли молча, видимо, ожидая указаний.

– А надо ведь и посуду помыть ишшо... Дров принести, – она пыталась вспомнить, что делал брат каждый день, когда родители уходили на работу, оставляя их вчетвером. – Паданцев⁶ набрать...

Нина почесала затылок:

– Вы вот оно чего... Сходите покамест за яблоками... Только аккуратно, к себе не прижимайте, по кустам не лазьте, а то всю одежду попортите. Так, по краюшку да по бережку. А я покамест посуду помою. Покуда энтот фотограф придёт...

⁵ Баско (волог.) – красиво.

⁶ Паданцы – опавшие яблоки.

Как только Галя и Тишка накинули пальтишки и вышли из дома, Нина подтащила тяжёлый тёсанный табурет к раковине, почерпнула ковшом воды из ведра, аккуратно, чтоб не расплескать, залезла на него и наполнила рукомойник водой.

Провозилась она с тарелками долго, изрядно промочив фартук: на часах уже было полдесятого, когда она сама собралась на улицу.

Досадливо потрогала мокрое на животе платье, размышляя, будет ли видно на фотокарточке, потёрла его утиркой⁷. Так и не решив, что с ним делать, Нина надела новые блестящие ботиночки, приготовленные для фотокарточки, – мама купила им всем четверым на эту осень – и притопнула, чувствуя, как ладно они на ней сидели, словно влитые. Накинув худое пальтишко, она вышла из дома. На крыльце ветер тут же затрепал незапахнутые полы, пробираясь подмышки. Нина застегнулась на все пуговицы, засунула руки в карманы и решительно спустилась с крыльца.

Брата и сестры не было видно. Нина нахмурилась и посмотрела за калитку. Серо и пустынно, на улице – никого: все взрослые – на работе, ребята постарше сегодня пошли в школу, поэтому младших отвели в ясли или детсад, что было в их селе редкостью: в основном, дети сидели по избам, оставленные на попечение бабушек или предоставленные самим себе.

«Надо звать малышню домой, пока совсем не растрепались, да не перепечкались, полоротые. А что? Мама их называет полоротыми, дак и я теперь буду», – по-взрослому поставив руки в боки, Нина пошла в огород.

Влажная трава тут же намочила ноги поверх ботинок. Нина наклонилась, собрала в ладошку капельки с высокой былинки, решив обрызгать Гальку, и завернула за угол избы.

В другом конце огорода, рядом с мокрыми, перевернутыми вверх дном тачками, в которых несколько недель уже перевозили глину из ямы для строительства печки, возились Галя с Тишкой.

«Сказано ведь: нельзя туда!» – Нина разозлилась и быстрыми шагами направилась к ним. – Уходите! – закричала она, махая рукой.

Ребята даже не повернулись в её сторону, видимо, не расслышали, и вдруг Тишка зашатался и исчез за тачкой. Нина бросилась к нему что есть мочи. Когда она, запыхавшись, достигла ямы, разрытой и размытой до размера небольшого пруда, Тишка стоял посредине и жалобно смотрел на сестёр. Слезы текли по его худенькому личику, оставляя белые борозды на коричнево-красных от глины щеках, даже его жидкие волосики были заляпаны грязью. Он боялся пошевелиться: густая вязкая жижа крепко захватила его ноги, полностью скрыв их в мутном месиве и доходя до краёв шорт. Тишку засасывало.

Галя, как вкопанная, застыла на берегу.

Нина, не мешкая, шагнула на край ямы и протянула брату руку.

Кромка тут же просела и рухнула – Нина провалилась по колено, зачерпнув воды в ботинки. Еле-еле успев выскочить, она оглянулась: трясина зычно хлюпнула и моментально скрыла след в своей толще. Тяжёлый пласт сполз вниз и потонул в общем месиве, отдалив брата ещё больше.

Нина быстро осмотрелась, пытаясь прикинуть, кого можно позвать на помощь. Плотная стена малинника вдоль забора отделяла их от других изб, и ничего, кроме верхушек яблонь, не было видно. Она глянула на Тишку. Прибывший ком ускорил дело: братик утонул в жиже всё глубже и глубже, мутная глина уже достигла края коротенького пальто.

Нина крикнула:

– Галька, беги на улицу, быстро! Зови взрослых!

Галя засеменила к калитке.

⁷ Утирка – кухонное полотенце.

– Мигом! – не оборачиваясь, гаркнула Нина сестре и услышала, как та заревела и прибавила ходу.

Нина бросилась плашмя на землю и подала брату руку. Он потянулся в ответ, но расстояние до его ладошки было огромным, и с каждым движением становилось больше. Тишка плакал и тонким детским голоском, еле слышно, сквозь слёзы бормотал:

– Ника, Ника... спаси меня...

До брата было не достать.

Нина твёрдо сказала:

– Тишка. Я сейчас уйду. Но я вернусь быстро. Ты только стой. Только стой, Тишка, не шевелись!

Она опрометью ринулась к дому. Стиснув зубы, напролом неслась по грядкам, перепрыгивая через набухшие борозды картошки. Не дыша, Нина заскочила на крыльцо, распахивая одну за другой двери – к печке, схватила кочергу, вдохнула и рванула обратно.

«Быстрее, быстрее! – набатом стучало в висках. – Я успею, успею! Братик, миленький, держись, держись, только держись!»

Всё смешалось и скакало со всех сторон: дом, сарай, мокрые кусты. Ничего не видя вокруг, не разбирая грядки и тропинок, она мчалась к глиняной яме. Туда, где в самом конце огорода, у малинника, трепыхалось крошечное сердечко:

– Ника, Ника... спаси меня...

Когда она добежала, из бурой грязи торчали только плечики и голова братика. Он не кричал, не бился, просто тихо стоял и звал её. Нина бухнулась на размокшую землю, подползла к краю и протянула кочергу.

– Держи, Тишка, держись за кочергу, крепко.

Брат посиневшими от холода губами прошептал:

– Ботики, Ника, ботики...

– Плевать, Тишка. Плевать на твои ботики... Держись крепко. Очень крепко.

Чувашия, посёлок Поволжский, 1956 год, бабье лето

1

Витя стоял на коленях и, сложив из ладошек подзорную трубу, внимательно осматривал все подступы к поляне через бойницу в навесном шалаше.

Отсюда, из их штаба на большой раскидистой ели, открывался широкий обзор – вплоть до луга, за которым начинался посёлок. Витя усердно вглядывался сквозь густую листву берёз и осин, тёмную хвою елей, но не удавалось найти хоть один крошечный просвет между пышными кронами. Для их тайника не было большой опасности: вряд ли кто-то смог бы заметить и заподозрить в немного скученных еловых ветвях на высоте двух человеческих ростов, куда обычные люди и не смотрят, искусно сплетенный мальчишеский штаб. О нём никто не знал, кроме Вити, его брата, Гришки, и Серёги, с ним дружившего. Риск был только один: если их поймут, когда они будут делать поджиги. И страшнее всего, если узнает отец. При этой мысли сердце замирало на секунду и ледяным булыжником проваливалось куда-то в ноги.

«Не поймают... Сюда никто не ходит... За поляной – только топь, – успокоил себя Витя, продолжая вглядываться в округу. — А если я сейчас уйду, то брат меня с собой потом никогда не возьмёт. Скажет, что я маменькин сынок... Вот бы мне бинокль. Как у деда...»

– Витька! – донёсся крик снизу.

Он перевёл взгляд под ель. Гришка смотрел наверх и почёсывал макушку, вздохматив чёрные, как перья ворона, вихры. Его друг, Серёга, раскладывал на старом пне заранее припасённые металлические трубки и порох.

– Что там? – спросил брат.

– Чисто! – крикнул Витя.

– Возьми изоленту!

– Ага! – Витя юркнул обратно в шалаш и осмотрелся.

Дальний конец настила заканчивался конусом, образованным от связки лап нижнего и верхнего ярусов. У них там был запасник – деревянный ящик, в котором они с братом хранили самое ценное. Витя на коленках прополз к воронке шалаша, чувствуя, как под его весом прогибаются ветки. Хорошо, что они решили укрепить настил досками. Иначе пол бы уже не выдержал вес двух братьев: девятилетнего Вити и двенадцатилетнего Гришки.

Ближе к концу шалаша пространство между связанными лапами сузилось так сильно, что Вите пришлось лечь. Он вдохнул полной грудью – еловый запах приятно щекотал нос. Вытянувшись во весь рост, Витя открыл ящик. Любой пацан позавидовал бы их тщательно собранным сокровищам. Здесь было всё, что нужно для мальчишеского счастья: верёвки, гвозди, разные инструменты и даже подаренная дедом алюминиевая фляга с выцарапанными словами «ЛИНКОР МАРАТ⁸». Витя засунул изоленту за пазуху рубашки и, заметив в углу ящика кусочки вяленой тыквы, один запихнул в рот, а два оставшихся отправил к изоленте. Он прополз к выходу и, придерживаясь за еловые прутья, спустился на землю по едва заметным добротным брускам, прибитым к стволу.

Гришка обернулся на Витю и крикнул:

– Изоленту взял?

– Угу, – ответил Витя, жуя тягучую пастилку, и вытащил чёрный липкий моток.

⁸ Линкор «Марат» – исторический корабль, линкор русского и советского Балтийского флота, стоявший у берегов Кронштадта во Вторую мировую войну и защищавший Ленинград.

– Ты чё жуёшь? – Серёга тут же бросил свою работу и направился к Вите. – Есть ещё? А то жрать охота, – сказал он, на ходу вытирая руки о штаны.

Витя достал два ломтика вяленой тыквы и протянул один Серёге, а второй – брату.

Серёга в свои четырнадцать лет был выше Вити на голову, тощ и вечно голоден, с синюшными провалами под глазами, и, сколько Витя знал его, всегда в мятой и грязной одежде. Вите вообще казалось странным, как их семья выживала: в огороде у них росла одна картошка, скотину они не держали, работала только мать. Гришка объяснил, что отец Серёги бандитствовал, выезжал с налётами в город, после чего надолго пропадал. После его возвращения у них, правда, деньги водились, но недолго. Отец их быстро пропивал, а потом начинал нещадно бить домочадцев всем подряд, что попадётся под руку.

Брат, взяв с Вити честное слово, что тот никому не проболтается, рассказал ему, что пять лет назад Серёгин отец убил Вовку – своего младшего сына.

«Как убил? Зачем?» – Витя тогда не мог поверить.

«Да как обычно, спьяну. Заехал ему поленом по голове и прибил. Вовке тогда пять лет всего было, много не надо».

«А почему его тогда в тюрьму не посадили?»

«Чё, ты думаешь, здесь кто особо разбираться будет? Один участковый на всё село. Милиции сказали, что ребёнок сам упал с чердака. А матери отец пригрозил, что и Серёгу убьёт, если та проболтается. Так что всё шито-крыто. Похоронили – и забыли».

Серёга жадно схватил малюсенький кусочек вяленой тыквы и в мгновение проглотил его.

– Да ёлки! – сказал Гришка. – Её жевать надо. На, возьми мою, только сразу не глотай.

– Это тыква. Вяленая. Бабушка сама делает, – добавил Витя.

– А у нас отец опять в запое, дома – шаром покати, – вздохнул Серёга, засовывая кусочек за щёку. – Вчера опять напился и буйствовать начал, так я на чердаке схоронился, на замок заперся и лестницу внутрь втащил. Тяжёлая, зараза. Сегодня тайком в лес удрал. У тебя есть ещё?

– Нет, там всего три пастилки было, – ответил Витя. – А ты что, и в школу сегодня не ходил?

– Почему не ходил? – ответил Сергей, усиленно работая челюстями. – Ходил. Не на уроки, конечно, чё я там забыл? Так, потёрся вокруг да около. Хлеб у технички спёр, полбуханки, – он улыбнулся. – Да только она, клуша, раскудаhtалась, заметила. Так бы и двинул ей! – Сергей замахнулся кулаком на воображаемую женщину. – Лишь бы в ментуру, гадина, не наступала, а то я и так у них на примете.

– Хорош лясы точить, – сказал Гришка. – Время.

– И то дело, – Серёга вернулся к пню. – Чем быстрее поджиги сделаем, тем больше соседских кур насшибаем.

Гришка достал из карманов штанов несколько коробков спичек и выложил на пень.

– Надо серы начистить.

Брат выдал Вите трубку и деревянный обрубок, напоминающий ручку старинного пистолета, Витя видел такие только на картинках в книжках про разбойников. Серёга и Гришка работали молча, со сноровкой: они счищали серу со спичек на пень, добавляя к уже готовой горке пороха. Витя заметил, как Гришка высыпал его из коробки, каких много стояло в отцовской кладовой. У Вити получалось всё очень медленно, он взволновался, вспотел, встал на колени рядом с пнём, чтобы работать быстрее. Было очень важно не отставать от брата, иначе тот его с собой больше не возьмёт, а нянькаться дома с сёстрами да убирать хлев ему не хотелось. С одноклассниками же он особо не дружил: из-за того, что день рождения у Витьки был осенью, его взяли в школу поздно, почти в восемь лет, и все мальчишки в классе казались ему слишком маленькими из-за разницы в целый год. Гришка жил совсем другой жизнью, полной

приключений и романтики, и Вите во что бы то ни стало хотелось остаться в его компании, даже если для этого придётся сшибать соседских кур.

Всё равно, когда он только-только успел разложить на пне по порядку гвозди и трубки, старшие мальчишки уже начали заряжать поджиги.

– Думаешь, сработает? – спросил Гришка у Серёги.

– Попробовать бы надо. Запала только жалко. Проверь, хорошо ли запыхил порох? – ответил тот.

Гришка натянул пружину на поджиге, как вдруг Витя чихнул. От испуга Гришка дёрнулся и выпустил запал. Поджига с грохотом выстрелила прямо в пень. В тот же миг порох на пне взорвался, трубки и гвозди разлетелись в разные стороны, Витя завопил, повалился на землю и закрыл руками глаза.

– Витя, Витя, что с тобой? – испуганно закричал Гришка. – Покажи, покажи! – он бросил свою поджигу, попытался оторвать руки брата от его лица.

Но Витя, скрючившись на земле, только сильнее прижимал ладони к лицу и стонал. Ему казалось, что веки горели, полыхали пламенем. Огненная вспышка застыла перед глазами, и белый свет, невыносимо яркий, со страшной болью проникал прямо в его мозг, пытаясь просверлить голову насквозь, испепелить её. Тонкий, противный звук, будто от писка гигантского комара, стоял в ушах. Ладони тоже горели, словно глаза прожгли их своим огнём. Витя почувствовал на губах солёный вкус крови.

Серёга тоже наклонился:

– Что с ним? – спросил он Гришку, кашляя от едкого дыма.

– Не видишь, что ли?! – рявкнул тот.

– Это твоя поджига выстрелила.

– Какая разница?! Он глаза потерял! – закричал Гришка. – Мы оба виноваты! Его надо спасать!

– Да пошёл ты, – бросил Серёга. – Я – домой, разбирайся сам со своим молокососом, – он развернулся и направился из леса.

На ладонях Вити показалась кровь. Гришка с силой рванул руки Вити на себя. Лицо младшего брата было чёрным от копоти, глаза – зажмурены; слёзы, кровь и копоть смешались в одно чёрно-красное месиво.

Витя закричал:

– Не надо! Свет!

Гришка испугался, его затрясло, он отпустил руки брата и закричал что есть мочи:

– Стой!

– Ну, чё те? – Серёга остановился на краю поляны.

– Надо врача! Быстро!

– Где я те врача достану-то? – ответил тот.

– В сельсовете! Беги в сельсовет! У них телефон есть!

Серёга смотрел не на Гришу, а куда-то вдаль, в лес.

– Ну прям щас, – равнодушно сказал он, – разбежался, на хрен мне ваши проблемы! По мне и так ментура плачет. А с вами меня и посадить могут, – он развернулся и продолжил путь из леса.

Гришка, обезумев, схватил валявшуюся на земле поджигу, вскочил, в два прыжка догнал Серёгу, поймал его за шиворот и, трясаясь от ярости, приставил поджигу к лицу подростка. Тот оцепенел.

Медленно, сквозь сжатые зубы, Гришка процедил:

– Это мой брат. И если ты, падла, сейчас же не побежишь в сельсовет, я тебя убью. Прямо здесь. Усёк?

И без того бледное, лицо Серёги побелело.

- Да усёк я. Чё ты разбушевался-то?
 - Если не вернёшься с врачом через полчаса, из-под земли тебя достану.
 - Да сказал уже, что схожу. Убери поджигу, – ответил Серёга, но не пошевелился.
- Гришка медленно отпустил его ворот и отвел поджигу от лица.
- Мы дойдём до края леса. Покажешь врачу дорогу.
 - Покажу! – рявкнул Серёга, потирая шею.
 - Мигом чтоб мне!

Серёга послушно потрусил по тропинке.

Гришка засунул поджигу за пазуху и вернулся к брату.

Витя лежал на земле согнувшись. Он уже не стонал, но так же закрывал лицо руками. Сквозь ладони просачивалась кровь. Сердце Гришки защемило.

«Что я наделал! Что я наделал! Это же брат мой! Я его оставил без глаз! Слепым! На всю жизнь! Отец с меня три шкуры снимет!»

Губы дрожали, зубы стучали, слёзы затуманивали всё вокруг. Он почувствовал, как гримаса отвращения и страха передёрнула его лицо при воспоминании об отце.

«Дурак я! Дебил! Зачем я вообще Витьку в эту аферу втянул? Теперь всё поздно. Ничего ему уже не поможет! Глаза не вернуть никогда. Отец убьёт меня. Тогда, из-за пальца Витькиного, чуть насмерть не прибил, сейчас точно убьёт. Вытащу брата из леса, а потом уйду из дома. Навсегда уже. Сбегу в Ульяновск».

Гришка стиснул зубы и подошёл к Вите:

- Вставай, брат. Вставай, идти надо, – он помог Вите подняться.

Витя жалобно скулил, покорно вставая и всё так же закрывая ладонями лицо. Кровь просочилась сквозь правую ладонь и тонкой струйкой стекала к локтю.

Гришка крепко взял брата за предплечье:

- Я тебя буду вести. Постарайся идти как можно быстрее.

Голос Гришки звучал приглушённо, будто он говорил сквозь подушку. Витя почувствовал, что всё прекратилось в один миг: и комариный писк в ушах, и яркий пронизывающий свет, оставив вместо себя только тупую, ноющую боль. Мир погрузился в темноту.

2

Когда Витя и Гришка подошли к краю леса, сельсоветский бобик⁹ с крестом на лобовом стекле как раз тормозил у обочины. С переднего сиденья Серёга пальцем показывал на мальчишек. Из машины вышел человек в белом халате с маленьким саквояжем и побежал к ребятам через луг. Серёга припустил за ним. Они встретились с Витей и Гришкой посередине поля.

- Сядь, я осмотрю, – сказал врач.

Витя послушно сел на землю.

- Убери ладони.

- Не могу.

– Придётся потерпеть. Поджиги хватило смелости делать, значит, и глаза сможешь открыть.

Витя убрал руки – из-под крепко зажмуренных век безостановочно текли слёзы. Доктор осмотрел его, очистил лицо от копоти и крови, что-то закапал в глаза.

– Ну, глаза-то на месте. Это главное. Ладно, не открывай, в лазарете посмотрим. В тени нужно. Ожог глаз, вопрос только – какой степени?

⁹ Бобиком в советские времена называли некоторые марки машин, обычно ГАЗ или УАЗ повышенной проходимости, которые использовались милицией и службой медицинской помощи в сёлах.

Гришка посмотрел на Витю. Его лицо было таким красным, что не стало видно даже веснушек. Ни ресниц, ни бровей, даже чёлка сгорела. Но ран на лице не было. Он облегченно вздохнул.

– Доктор, а откуда кровь? – спросил он.

– Андрей Сергеевич. Фельдшер я, а не доктор, – представился мужчина, перевязывая Вите бинтом глаза несколькими слоями так, чтобы не проникал свет. – Глаза не открывай, повязку сам не снимай. Светобоязнь пройдёт через неделю, – сказал он. – Может, через две. Ну-ка, покажи мне свои ладони, – попросил фельдшер Витю. – Конечно, я так и думал, – ладони и пальцы Вити были изранены и кровоточили. – Здесь всё серьёзно, придётся швы накладывать, – и он стал обрабатывать многочисленные раны на детских ладонях. Витя кричал и морщился.

Андрей Сергеевич продолжал:

– Мне надо бы в историю болезни записать, как всё произошло. Попадёт вам всем, конечно. Кто выстрелил?

Все трое молчали.

Фельдшер закончил с ладонями Вити и внимательно посмотрел на ребят.

– Что мне с вами делать-то? Полагаю, коли вы меня позвали, выстрел был случайным? – Андрей Сергеевич явно подсказывал мальчишкам правильный ответ.

– Так, так, – закивали все трое.

– Даже если случайный, всё равно посадят. Телесные повреждения. Да ещё и изготовление оружия кустарным способом. Сколько вам лет?

– Девять, – ответил Витя.

– Да я не тебя спрашиваю. Навряд ли ты сам себе в глаза выстрелил. Уголовная ответственность у нас в стране с двенадцати лет. Твоя поджига выстрелила? – спросил фельдшер, обращаясь к Серёге.

– Нет.

– Чья?

– Моя, – ответил Гришка.

– Тебе сколько лет?

– Двенадцать.

Все опять замолчали.

– Даже и не знаю, что с тобой делать. По-хорошему в милицию тебя надо сдать. Да ведь пропадёшь ты после этого. Что делать-то мне, спрашиваю вас?

– Отпустите их, товарищ доктор, – сказал вдруг Витя. – Мы никому ничего не скажем, обещаем.

– Так я же должен на вас отчёт составить и заявление написать в милицию, дурачье! Меня ж самого, это... Дело на меня завести могут за недонесение в органы о совершённом преступлении!

«Думай, думай, садовая твоя башка, выручай брата, если ничего не надумаешь, в тюрьму же его заберут», – напряжённо соображал Витя.

– А вы скажите, что я сам сделал поджигу и сам же и выстрелил себе в лицо, – взмолился Витя.

– Что за чушь! Вы что меня за дурака тут держите? Кто этому поверит? – возразил Андрей Сергеевич, тяжело вздохнул и закрыл лицо руками.

– Ну бывает же, что случайно. Чихнул и случайно выстрелил. А в милицию я с вами поеду, а их отпустим, – продолжал Витя всё тем же заискивающим тоном: – Ну, пожалуйста, дяденька-доктор, отпустите их, это я во всём виноват. Сам любопытный, вот и напоролся на поджигу, Гришка тут ни при чём.

– Что же мне делать с вами, что же делать? – Андрей Сергеевич потёр лицо.

– Вы же сами сказали, что глаза быстро заживут. Я могу повязку снять – никто и не узнает, – чуть ли не плача уже проронил Витя и потянулся одной рукой к бинтам, а другой всё так же продолжал сжимать халат доктора.

– Нет, нет! – испугался Андрей Сергеевич. – Только повязку не снимай, хорошо? И швы тебе наложить надо как можно скорей, а то я заболтался со всеми вами тут.

Он поднялся с корточек, держа Витю за локоть и поднимая его вместе с собой.

– Ладно, только никому ни слова, что два других остолопа тоже здесь были, ясно? – он пристально посмотрел на Серёжу и Гришу.

– Ясно, ясно, – забормотали пацаны.

– Марш домой, быстро! И чтоб полная тишина! Будем считать, что вы не знаете, когда младшой домой придёт.

Гришка посмотрел на Витю. Таким беспомощным он его никогда не видел. Тот поворачивал голову в сторону то одного, то другого говорящего, беспорядочно и растерянно ища руками в воздухе какую-то опору. Гришке хотелось пойти вместе с братом, поддержать его, самому повести его за руку и посадить в машину, ехать рядом, но смелости у него не хватило. Он молча смотрел, как фельдшер с Витей удаляются к бобику.

– Тебя как звать-то? – спросил Андрей Сергеевич, подходя к машине.

– Витя.

– Хорошее имя, Виктор, победа, значит. Подходит тебе. Смотри-ка, ещё совсем малой, а уже как настоящий мужик думаешь. Большим человеком станешь, Витя.

3

В субботу вечером, когда уже стемнело, Витя и Гришка валялись на кроватях в своей светёлке, отгороженной от девичьей большим полированным шифоньером и шторой. Они слушали, как их сёстры, Тамара и Зина, играли в куклы. Мальчишки тихонько посмеивались и передразнивали их голоса. Вдруг Витя затих и спустя пару минут сказал:

– Отец приехал.

– Откуда знаешь?

– Да слышь, как Музгарка заливается, радуется.

– Не-а, не слышу.

– Как же не слышишь, когда совсем близко, только на улицу свернули, значит, отец на телеге подъедет минут через пять.

Гришка прислушался. За непрерывной болтовнёй сестёр, маминым гроыханием кастрюлями на кухне невозможно было различить ни один звук с улицы. Однако он ни на мгновение не сомневался в словах брата. Во-первых, за последние дни, что Витя был в повязке, он открыл какие-то неизвестные ему доселе возможности слуха. Он различал звуки на другом конце улицы. А во-вторых, отец обычно возвращался из командировки к обеду, так что он и так уже задержался. Поразмыслив, Гришка решил, что дома ему лучше не оставаться.

– Витя, знаешь, я, пожалуй, пойду-ка на наше место, пока отец не подъехал. А то ведь пороть будет.

– Меня-то тоже пороть будет, а так, глядишь, на двоих каждому меньше достанется.

– Тебя-то он не так пороть будет. Ты у нас раненый, в повязке. Он, может, вообще тебя не тронет. А я – старший, да к тому же моя поджига выстрелила. Он с меня три шкуры спустит – как тогда, с твоим пальцем. Тебе-то что – у тебя палец быстренько прирос, а у меня кожа на заднице долго ещё нарастала.

– Так мы же не скажем, что это твоя поджига.

– А да, точно, я и забыл совсем про наш уговор, – как-то неестественно рассмеявшись, сказал Гришка. Оба помолчали, представляя себе в красках неизбежное наказание.

– Ладно, беги, – вздохнул Витя.

Гришка хлопнул Витю по плечу и, не мешкая, вышел из комнаты.

На кухне дым стоял коромыслом – от печи валил жар, пахло жареным луком и блинами. Мама, распаренная, с убранными под косынку волосами, что-то быстро стругала. Большой нож ходил ходуном в её сильных загорелых руках, отстукивая по деревянной доске громко и размеренно. Гришка поднял крышку чугунка, его обдало ароматом плова и чеснока. Обжёгши пальцы, он бросил крышку обратно.

– Mam, отец скоро придет, – сказал Гришка, засунув палец в рот.

– Да знаю я, не мешайся.

– Блины печёшь? – он схватил один блин из дымящейся горки.

– Не трожь! – мама шлёпнула его по руке, но Гришка только перебросил горячий блин в другую руку и отошёл от стола.

– А клубничное варенье достала? Отец шибко любит.

– Ох, батюшки, совсем забыла, хорошо, что напомнил. Ну-ка, слазь в погреб, – сказала она Гришке, отставляя сковороду с огня.

– Mam, да я не знаю, где лежит. Я тебе подпол открою, а ты уж сама.

– Не знает он, не знает, – мама недовольно поворчала, но подобрала подол платья и стала спускаться за вареньем. – Дома надо жить, тогда всё знать будешь!

Гришка дождался, когда она отошла в дальний угол погреба, схватил телогрейку, висевшую в закутке, и выбежал из дома.

Дуня слышала лай собаки.

«Наконец-то», – с облегчением вздохнула она и посмотрела в окно. Силуэт лошади едва белел в синих сумерках. За пышными кустами черноплодной рябины вдоль штакетника больше ничего не было видно. Дуня спешно расправила рукава, запалила керосиновый фонарь, мельком глянула в зеркало над умывальником и поспешила на улицу.

Двор, слабо освещаемый светом из окон, моментально оживился. Музгарка, увидев хозяйку, соскочила с телеги, подбежала к забору и, радостно виляя хвостом, стала носиться вдоль штакетника, лаять и скулить.

– Сейчас, сейчас, милые мои, – Дуня торопливо снимала цепь с ворот. – Проголодались, устали с долгой дороги-то.

Лошадь громко фырчала.

– Снежка, кормилица ты наша, сейчас накормлю тебя, погоди, милая, – Дуня открыла ворота и погладила лошадь по морде.

Та отозвалась на ласку, ткнулась тёплым влажным носом в плечо хозяйке. Музгарка тут же метнулась в открытые ворота, встала лапами Дуне на подол и начала ластиться.

– Ну ладно тебе, уймись, уймись. Будет тебе.

Около ворот проскользнула тень, Дуня подняла фонарь. Свет выхватил из темноты заросшее щетиной лицо, кепку и весёлый огонёк в глазах мужа. Фёдор подошёл к Дуне, крепко прижал её к себе и поцеловал в губы. От него пахнуло сеном и махоркой.

– Ну как тут? – спросил он, отпуская жену.

– Дак добро, – ответила та обмякшим голосом и почувствовала, как кровь прилила к её щекам. Невольно опустила она фонарь и прижалась к мужу.

– Это ты у меня ещё добра, – пошутил он, обнимая её в ответ.

На мгновение они застыли. Дуня чувствовала, как мягкая щетина мужа щекочет её лоб. Они стояли молча, слушая только стрекот сверчков во внезапно затихшем мире. Наконец Фёдор отпустил Дуню, взял лошадь за удила и повёл её во двор:

– Зови сорванцов-то, пусть помогают телегу разгружать. Там две коровы нынче да гуси. Пристроить надо. В понедельник в ОРС¹⁰ сдам.

Мимо Дуни проехала подвода, застланная сеном. Из дощатого ящика, водружённого на воз, донеслось гушиное гоготанье. Следом, привязанные к телеге, покорно проплелись две коровы. Поравнявшись с Дуней, они, будто зная, кого надо просить, вместе замычали.

– Сейчас, голубушки, подою вас, потерпите, милые.

– Ну, так зови, говорю, – сказал Фёдор и пошёл запирать ворота.

– Ох, – вздохнула Дуня, пытаясь отвязать коров. Руки начали дрожать, она не могла справиться с узлом. – Витя-то в кровати лежит, глаза обжёт... Но ты не серчай только, доктор сказал, видеть будет, только надо недельку капли покапать, – Дуня говорила всё тише и тише, будто боясь собственных слов. Голос не слушался и словно застревал в горле, проваливаясь куда-то внутрь, в живот, затягивая за собой дыхание.

– Ты что там бормочешь? – громко спросил Фёдор, распаляясь. – Как он глаза-то умудрился обжечь? Он что у нас, дурак?! Глаза в огонь засунул?!

Фёдор подошёл к жене, выхватил верёвку из её рук и сказал грубо:

– Дай сюда!

– Говорит, поджигу какую-то делал. На пне всё разложил... выстрелил... – пролепетала Дуня, пятясь от мужа назад, к дому.

– Что?! А Гришка где?! Тоже лежит?!

– Гришка-то? Гришка-то здесь, сейчас позову, – Дуня, подхватив подол, побежала в дом.

Но Гришка был уже далеко. Он бежал быстро по наизусть выученным тропинкам между задних дворов, не поднимая шума. Вскоре он выскочил на луг, ограждавший посёлок от леса, и так же, без оглядки, пересёк его. Остановился на краю поля и прислушался.

Перед ним возвышался огромный чёрный лес, заглатывающий всё живое в кромешную тьму, притягивающий своей погибельной силой так, что невозможно было отвести взгляд. Где-то, совсем близко, ухнула сова и ей ответила вторая – тише, из глубины. Ветер шатал и гнул деревья, они хрипло стонали, скрипели и, ломаясь, трещали, словно моля о пощаде. Послышался волчий вой.

«Далеко, за топь», – подумал Гришка и обернулся назад.

Посёлок был ярко освещён полной луной. Избы, пожарная колокольня и купол без креста на полуразрушенной церкви серебрились на фоне синего неба. В окнах домов горел свет, казалось, там уютная и тёплая жизнь. Но Гришка знал: только не в их доме. По крайней мере — не сегодня.

Вдруг он услышал шорох кустов, совсем близко, в трёх шагах от себя. Он перестал дышать, медленно повернул голову в сторону шума и застыл. Из кустов на него смотрели два немигающих глаза, отсвечивающих жёлтым светом луны.

– Лиса, – облегченно вздохнув, он решительно шагнул в чащу.

¹⁰ ОРС – аббревиатура: отдел рабочего снабжения. Предприятие розничной торговли в СССР, которое доставляло продукты рабочим и служащим некоторых отраслей промышленности.

– Витька! – рывкнул отец с кухни. – Подь сюда!

Витя встал с кровати и на ощупь пошёл на кухню. Он уже чувствовал по голосу отца, что в этот раз придётся туго.

– Сходи за нагайкой, – скомандовал Фёдор Дуне. – Да побыстрее. – Сам он сел на табурет в прихожей. Уставший, голодный, осунувшийся за дальнюю дорогу, весь в пыли, покрывавшей его волосы так густо, что, казалось, они были седыми.

– Федя, может не надо? – жалобно спросила Дуня, глядя на Витю, его тёмно-русые волосы, убранные повязкой назад так, что он походил на девочку.

Фёдор не ответил, только дико взглянул на Дуню. Она опрометью выскочила из кухни и побежала в хлев. Нагайки там не оказалось.

«А верно, на телеге осталась», – подумала Дуня и вышла из дома. Жёлтый свет мягко лился из окон избы, подчёркивая силуэты застывших деревьев и зубчатого забора. Лошадь, так и не распряжённая, стояла во дворе с телегой, груженной клетками с гусями. Собака, увидав хозяйку, вскочила и стала бегать вокруг нее, выпрашивая еду. Дуне послышался вой волка в лесу. Она прислушалась. Но вновь замычали коровы, требуя дойки, и за их стенаниями больше ничего не было слышно.

«Господи, спаси и сохрани, Господи, спаси и сохрани», – безостановочно молилась она, не зная, за кого просить больше: то ли за сбежавшего Гришку, то ли за Витьку.

– Сейчас, милые, сейчас, – она взяла сыромятную нагайку с телеги, ощупала ее.

«Хорошо, что шлепок без свинца», – тяжело вздохнув, ссутулившись, будто наказание ждало её саму, она пошла в дом.

– Ты иди давай, лошадь распряги, коров подои да накорми всех, – гаркнул на неё муж и со злостью вырвал нагайку из рук. – Да побыстрее, лошадь, чай, работала всю неделю, не то, что вы тут, тунеядцы.

– Иду уже, иду.

Дуня хотела было взять телогрейку, но её на крючке не оказалось.

«Хорошо хоть телогрейку взял, не замёрзнет», – промелькнула мысль, и на душе стало хоть чуточку спокойнее.

– Гусей-то куда девать? В курятник или на улице оставить? – спросила она.

– Вот дура баба, она и есть дура! Они же все перья у кур повыдёргивают!

– А ты что стоишь, скидывай портки давай! – тут же приказал он Вите, который молча стоял в углу.

– Да поняла я, поняла, чё орать-то!

Дуня вышла в сени, еле сдерживая слёзы. Из всей своей семейной жизни, начавшейся рано – ей тогда едва семнадцать исполнилось – она прекрасно знала, что остановить Фёдора уже не сможет, а если попытается, он будет только свирепеть и свирепеть, а потом и ей достанется под горячую руку. Она прижалась спиной к двери, пытаясь освоиться в потёмках и найти какой-нибудь тулуп. Несмотря на то что осень стояла тёплая, вечерами уже холодало, а наутро трава покрывалась изморозью. Вдруг Дуня услышала звучный шлепок нагайки о голую кожу, всё её тело дёрнулось, содрогнулось, сжалось, и она выбежала на улицу.

Рвано дыша, прижав ладони к груди, Дуня метнулась на задний двор, но, увидев Снежку, остановилась. Дуновение ветра немного успокоило её.

«Было же что-то хорошее... только что? – она попыталась вспомнить и ухватиться за последнюю мысль, давшую ей маленькую радость. — Ах, телогрейка! – она слегка улыбнулась, подошла к лошади и погладила её по морде. — Когда же он взять-то её успел? Ах, сорванец, ведь умён же!» – Дуня догадалась, что Гришка взял телогрейку, когда она полезла в подпол.

– Снежка, Снежечка... – приговаривала Дуня, распрягая лошадь.

Та стояла смирно, будто понимая всё, что творилось у хозяйки на душе, и даже глаза её, полуприкрытые длинными белыми ресницами, такие же грустные, как и Дуни, поблескивали в полумраке, отражая печальный свет луны.

– Устала, милая, устала, моя пригожая. Пойдём домой, покормлю тебя, – хозяйка завела Снежку в хлев и надела ей на морду торбу с овсом.

Коровы во дворе мычали, просили дойки. Направив их в свободные стойла, которые всегда имелись на такой случай, Дуня погладила их по холкам:

– Сейчас, милые, сейчас, мои хорошие, подождите еще чуть-чуть.

Надо было вернуться, взять подойники и корм для собаки и гусей.

«Господи, заступись», – прошептала она, мысленно перекрестясь, зашла обратно в дом, остановилась в сенях и прислушалась. Из кухни не доносилось ни звука. Она сняла косынку, вытащила шпильки из пучка, густые длинные волосы тяжёлыми волнами упали на плечи. Дуня расстегнула верхнюю пуговицу на платье, нащипала щёки, покусала губы и вошла на кухню. В это мгновение рука её мужа как раз поднималась для очередного удара. Витя лежал на скамье молча, не кричал и не плакал, только стиснул зубы и крепко ухватился руками за скамью, чтобы тело не тянулось за плетью в ответ. Кожа ребёнка на ногах, ягодицах была содрана, сукровица желтела на бледном теле. Дуня, стараясь не смотреть на сына и не показывать голосом свою жалость, подбоченилась и задорно, насколько она могла подавить в себе горькие чувства, взглянула на мужа:

– Есть будешь? Щи и плов приготовила. Соседи вчера овцу зарезали, мясо дали, так что с мясом.

Рука Фёдора повисла в воздухе.

– А что, плов – это хорошее дело, – сказал он и посмотрел на ягодицы сына, раздумывая, добавить ли ещё.

– Я баню затопила. Пойдёшь? Иль я одна?

Фёдор поднял глаза на жену. Распущенные каштановые волосы, зелёные глаза, румяные пухлые щёчки – она стояла, ладонью одной руки упираясь в печь, а второй – в своё бедро, выгодно подчёркивая все женские изгибы, которые казались ещё более чувственными под глухим платьем в пол. Будто прочитав его мысли, Дуня облизнула алые губы.

– Хорош, давай, разлётся тут! – рявкнул он сыну. – Марш в свою комнату и не высывайся мне, пока не прибил. В следующий раз будешь знать, как поджиги делать! Инвалидом же мог остаться, дурак! А старший вернётся – все мозги вышибу, так и передай! Увидишь этого труса – скажи, чтоб и не возвращался.

Витя медленно встал со скамьи, всё также медленно надел штаны и, слегка пошатываясь, на ощупь пошёл в свою комнату.

Дуня тем временем, довольная, что хотя бы в этот раз смогла остановить мужа на полпути, шустрила на кухне: наливала щи, нарезала ржаной хлеб, выставляла на стол соль, лук.

– Может, настоечки? – спросила она, стараясь говорить как можно ласковее.

– Ну, давай, рюмочку можно, – ответил муж, потихоньку отходя.

Дуня слезила в погреб, сняла с полки початую бутылку абрикосовой настойки, заткнутую тряпицей, налила в рюмку и поднесла мужу.

Фёдор выпил залпом, довольно крякнул и стал хлебать щи, закусывая хлебом и сырым луком.

– А что сама-то? Себе-то тоже налей! – сказал он жене, смягчаясь.

– Да коровы ещё не доены, – ответила Дуня.

– Ну, давай уже, быстрее, голуба. Молоко ж у них пропадёт.

Дуня схватила подойники и поспешила из кухни.

Витя лёг на кровать животом вниз и уткнулся головой в подушку. Казалось, всё тело горело. Он чувствовал, как штаны прилипали к коже, пропитываясь липкой сукровицей всё больше и больше.

«Ненавижу... "Битие определяет сознание", – передразнил Витя отца. — Не верю. Не мог Маркс¹¹ такое сказать... Врёт всё. У Томки спрошу. Нет, лучше сбегу из дома. К морю. Стану капитаном. Как у Жюль Верна. Пятнадцатилетний капитан... А матери и сёстрам пришлю фотокарточку. В белой форме, с золотыми погонами. Мать будет ходить везде в посёлке и показывать всем. А отец будет локти кусать, да не достанет», – думал Витя, стараясь найти позу, в которой было бы не так больно лежать. Наконец он свернулся калачиком и, счастливый, весь в своей мечте, уснул.

– Вить, – он услышал шёпот матери.

Он очнулся. В доме стояла тишина. Серебристый лунный свет мягко проникал в светёлку, и слышно было мерное тиканье часов в горнице.

– Что? – прошептал он в ответ.

– Портки сыми, а то присохнут. Потом не отодрать будет. Давай помогу.

– Не надо, я сам. Ты иди, а то отец услышит.

Мама ничего не ответила, вышла. Витя встал с кровати и осторожно начал снимать штаны. Всё-таки они уже прилипли. Боль вернулась, вонзив миллионы жгучих колючек в кожу. Он стиснул зубы.

«Заткнись. Хочешь быть капитаном? Не ной. А как дед? На линкоре? Их там фашисты колотили, а я портки снять не могу».

Он повесил штаны на спинку стула и аккуратно расправил, воображая стрелки на матросских брюках.

«Нет, вместе сбежим, с братом. Вместе капитанами станем. Как он там? Холодно, небось, в лесу-то. Завтра сбегаю в шалаш, еды ему принесу. Да тихонько, чтобы отец не заметил. Мать сама же и соберёт, всегда давала», – и он опять уснул.

¹¹ Карл Генрих Маркс – немецкий философ, экономист, писатель, общественный деятель. Считается одним из основоположников коммунистического движения. В настоящее время ведутся споры, кто именно сказал эту фразу: Карл Маркс или Георг Вильгельм Фридрих Гегель, что, однако, не останавливает использование этой цитаты в разных интерпретациях в зависимости от целей использующего.

Вологодская область, станция Лесоповальная, 1956 год, июль

1

Нина перескакивала с бревна на бревно, не отставая от старшего брата, Сашки. Застёжка на правой сандалете разболталась, и нога все время соскальзывала с местами оголённых стволов, норовя попасть в ловушку между хлыстами¹², но Нина в самый последний момент успевала перепрыгнуть на другое дерево. Вокруг она не смотрела, только под ноги. Да и незачем было, она знала лесосеку с закрытыми глазами: скоро закончатся штабеля, за ними будут мужики с топорами и пилами, мама называла их вальщиками, а потом делянка разделится на две дороги: одна – на станцию, к лесопогрузке и новенькой конторе с красным флагом над ней, а вторая – домой, в посёлок. Главное сейчас – не думать, а бежать, во что бы то ни стало не отстать от Сашки, гнавшегося за соседским мальчишкой, Васькой Турликом. Оба были старше её, и Нина с трудом поспевала за ними.

«Ежели со всей силы бежать, дак не отстану. Не отстать, не отстать. Иначе Сашка никогда не возьмёт меня с собой. Подумает, что я такая же тетёха, как все остальные девчонки», – мысли, казалось, скакали в Нининой голове так же, как и брёвна под ногами.

Где-то недалеко скрипнуло дерево, и послышался треск веток, ломающихся под падающим стволом-гигантом. Шум нарастал, и Нина поняла, что они добежали до середины лесосеки, здесь стало труднее распознавать голос брата: он смешался с общим грохотом. Со всех сторон жужжали бензопилы, тархтели трелевочные тракторы, длинные хлысты громыхали по лежнёвке¹³, с одной стороны кричали: «Уходи!», «Убьёт!», «Майна!», «Вира!», с другой – по очереди сигналили лесовозы и электровозы. Нина вся обратилась в слух: брата не было слышно, и она бежала теперь наугад, глядя на мелькающие под ногами стволы сосен.

Наконец голос Сашки раздался впереди:

– Стой! Не уйдёшь!

Голос звучал приглушённо, Нина поняла, что всё-таки отстала.

«Только бы добежать до дороги, только бы добежать. Ежели бы не эта дурацкая сандалета, я бы не отстала», – подумала она, сжала зубы и понеслась ещё быстрее, так, что сосны перед её глазами слились в сплошное полотно.

Наконец штабеля из брёвен закончились, вместо них из покорёженной земли торчали пни — бежать стало легче. Топорщившиеся в разные стороны сухие ветки попытались зацепить платье за подол, Нина зажала его в кулачки и подняла до пояса.

«Так лучше будет. И бежать легче, и платье не порву. А то мама расстроится. И Галька реветь будет, ей же донашивать. Плакса», – подумала Нина, крепко держа подол в кулаках, припустила с новой силой и вскоре догнала мальчишек.

Втроём пробежали они мимо вальщиков, которые сидели на брёвнах и срубали топорами сучья. Рабочие молчали и курили, не вынимая папирос из рта, только топоры сухо стучали, будто разговаривая между собой о чём-то своём: простом, мужицком. Нина побежала по щепе и обломкам коры, высушенным летним солнцем, легко и звонко трескавшимся под её ногами. Вальщики вдруг оживились, со всех сторон послышались крики то на украинском, то на русском, то на каких-то других языках, которые Нина не знала:

¹² Хлыст – в лесозаготовительных работах, ствол поваленного дерева, отделённый от корневой части и очищенный от сучьев.

¹³ Лежнёвка – дорога из настланных брёвен.

- Ешь тебе! Куди прёте?
- Под трактор же попадёте! Кыш отсюда!
- Ишь, малышня разбегалась!

Огромный бревнуокладчик протарахтел мимо детей по лежнёвке в сторону железнодорожной станции и погудел им. Ребята, не обращая на него внимания, свернули с делянки и выбежали на лесную просеку. Солнце скрылось за размашистыми, тяжёлыми макушками елей, из лесной чащи повеяло прохладой. Дорога стала ровной, и Нина теперь могла смотреть вперёд. Они уже совсем приблизились к Турлику. Нине было видно его красную шею, мокрую майку с торчащими под ней худыми лопатками, ходившими ходуном, багровые следы на плечах, натёртые лямками от шорт. Сашка протянул руку, чтобы схватить Ваську, но вдруг споткнулся и покатился кубарем. Нина подбежала к брату и остановилась, не зная, что делать дальше. Лесная дорога была мягкой после недавнего дождя, так что Саша не ушибся, но весь измазался. Грязный, в земле и траве, он тут же вскочил и закричал:

- Стой!

Секунды промедления дали Ваське огромную фору: он уже успел отбежать на несколько десятков метров.

- Ещё успеем! – крикнул Сашка сестре. – Давай! Догоним!

Нина, запыхавшаяся, ничего не сказала и снова побежала следом за мальчишками.

Лес закончился, ребята вбежали в посёлок. Деревянные бараки и сгрудившиеся вокруг них некрашенные сарайчики с поленницами выстроились вдоль чёрной, вытопанной коровами поселковой дороги. С подворий залаяли собаки, кидаясь в сторону заборов и бряцающая железными цепями. Нина перепрыгивала через лужи, стараясь не вляпаться в коровий навоз, лепёшки которого еле различались на развезённой вчерашним дождём земле.

- Сашка, Нинка! Домой! – вдруг услышали ребята.

Они нехотя остановились и оглянулись: мама, с убранными в узел волосами, в накиннутой поверх платья телогрейке и в галошах на босу ногу, подбоченясь стояла около их барака, и смотрела на них. Нина тут же оглядела своё платье. Подол был сильно помят, но цел. Она вздохнула с облегчением и пригладила платье ладошками, потом посмотрела на брата.

– Ну, погоди же у меня! – погрозил Сашка кулаком Турлику. Васька, пробежав еще немного, чтобы оказаться в зоне недосягаемости двух самых главных драчунов на их улице, Сашки и Нинки, остановился. – Завтра всё равно поймаю, покажу тебе!

- А малина не ваша, она ничейная! – с обидой крикнул Васька издалека.

Мама, правда, тоже говорила Сашке, что малина, густо разросшаяся вокруг барака, была общей. Но Сашка так не думал. Всю жизнь, сколько он себя помнил за свои девять лет, они жили в собственном доме, который мама строила вместе с отцом.

«Что значит ничейная? Всё, что растёт под нашими окнами, – наше, а не ничейное. Ну и пусть, что мы переехали барак, всё равно земля наша. Без хозяина земля – круглая сирота», – размышлял он.

Так говорил отец, когда они всей семьей жили в отдельной избе, а не в общем бараке. Тогда, то есть всего ещё неделю назад, когда каждый клочок земли рядом с их домом был вскопан, засеян и давал урожай – зачастую единственную еду в их семье. Только вот вышло всё как-то непонятно. Отец выгнал мать с дочками, Ниной и Галей, и двухгодовалым Тишкой в барак, а Сашка остался жить в доме с отцом. Это было неправильно. Сашка злился на себя и собирался разобраться со всем этим. Но, главное, пока он всё не исправил, нужно было действовать по обстановке. А значит, если мать осталась одна, если другой земли вокруг барака нет, настал его, Сашкин, черёд защищать их землю.

Только вот его размышления о малине не вязались с тем, что в бараке жило ещё семь таких же семей, как они. И в каждой семье – и муж с женой, и детей куча. А у кого ещё и дед или бабка в придачу. Но ему не интересно было думать о них. Отец ничего не объяснял по этому

поводу, не учил его, как жить, если жилище придётся делить с чужими людьми. Значит, всё оставалось по-прежнему: у земли должен быть хозяин и, если отец теперь не с ними, значит, хозяином будет он, Сашка. А коли так, всё было просто:

«Если земля наша, значит, и малина – наша».

– А ну! – Сашка рывком сделал шаг по направлению к Ваське, вскинул кулак и погрозил им. Мальчишка развернулся и бросился наутёк.

– Завтра разберёмся с ним, – сказал Сашка Нине. – Давай-ко домой.

Нина, опять молча, пошла за братом. Она повторяла за ним всё, малейшее движение. Так же внимательно, по-хозяйски, оглядывалась по сторонам, осматривала заборы, покосившиеся или крепкие, облезлые или недавно покрашенные. Она уже знала, что за заборами могут прятаться мальчишки с соседней улицы, и тогда в любую минуту может завязаться драка. Ей хотелось быть такой же, как брат: сильной и храброй. И ей даже нравилось, что Сашка никогда ничего ей не объяснял, не проверял, бежит ли она за ним или отстала.

«Я ему как друг. Настоящий. Как мальчишка. Мальчишки друг друга не проверяют», – подумала Нина и следом за братом пнула валявшуюся на дороге палку в канаву.

Ребята подошли к маме. Нина посмотрела на её платье, торчавшее из-под телогрейки. Из такого же ситца, как и её – в мелкий цветочек, только у мамы цветочки были голубыми, а у Нины – блёклыми, потерявшими краску под солнцем, ветром и дождём, пока она целыми днями носилась с братом по улице.

– Уж коров скоро по дворам загонять будут, а вы всё носитесь, – проворчала мама. Голос её был какой-то незнакомый, глухой, будто из-под земли. – Мойте руки и за стол.

Саша, засунув руки в карманы, резко сказал:

– Ну, пока! Завтра приду! – и развернулся по направлению к их бывшему дому. Сестра и брат встретились взглядами. Нине показалось, что у Сашки в глазах стоят слёзы, но он тут же отвернулся от неё, переведя взгляд куда-то вдаль, на дорогу.

– Саша, погоди, а ужин? – спросила мама. – Поужинай с нами, потом пойдешь.

– Отец сказал: у тебя нет денег прокормить нас всех, так что я лучше с ним поужинаю, – пробормотал Сашка, но сам остановился.

– О, Господи, причём здесь деньги? – устало ответила мама. – Что, у нас не найдётся одной тарелки кипятушки¹⁴? Не упрямысь, оставайся.

Сашка нерешительно повернулся к маме.

– А можно?

– Вот дурачок! – сказала мама и, улыбнувшись, потрепала его непослушные белокурые вихры на макушке. – Ну, пойдём же, а то и правда, всё остынет, – она мягко подтолкнула его в спину.

Они подошли к барaku – некрашенные сараи со скарбом, хозяйственной утварью и гого-чущими гусями выстроились покосившимся рядом. Чья-то коза запрыгнула на самый низкий из них и щипала проросшую на крыше траву. Маленькие, сплошь засаженные огородики, нарезанные ровными квадратами, примыкали прямо к окнам барака – по одному участку на каждое окно. На скамейке, около крыльца, сидел дед Иван и крутил из газеты сигарку. Перед ним, рядом с большим чурбаком, виселась горка свежеструганной лучины.

– Дедко! – Саша с Ниной подскочили и обняли его.

– Ох, налетели, окоянные, – прокряхтел дед, хлопая их по спинам. – Сейчас мне всю махорку рассыплете. Опять по лесосеке шлындали? – он вынул из Сашкиного чуба сосновую щепку.

– Здравствуйте, Иван Афанасьевич, – холодно произнесла мама.

¹⁴ Кипятушка – похлёбка на воде, кипятке (от этого и «кипятушка»), с подсолнечным маслом (если есть), ржаным хлебом и сырым луком.

– Здравствуй, Варя, здравствуй.

– Ну, пойдём. Наобнимались – и будет, – мама потянула Нину за руку.

Ребята нехотя отлепились. Дед подмигнул им, морщинки вокруг глаз залучились, выдавая улыбку, спрятанную в густой седой бороде с прилипшими к ней крупинками махорки.

– А у малой, гли-ко, обувка-то совсем расползлась, – он ткнул пальцем в сандалию Нины. Все остановились и посмотрели на Ниныны ноги. Ремешок висел на последней ниточке.

– И правда... – произнесла Варя растерянно. – Что же делать... новые-то стоят...

– Что делать, что делать... пусть сымает, к утру починю, – перебил её дед.

Нина посмотрела на маму. Та кивнула дочке.

– Спасибо вам, Иван Афанасьевич. Я отблагодарю, вот только получка придёт...

– Брось ты, Варя. Свои, чай, не чужие. Ты с получки лучше им сахару купи, – и он взял сандалету у Нины.

Она осталась стоять на одной ноге и оперлась рукой на плечо деда.

– Дак ты это... – продолжал он. – Варь, на меня-то не сердчай, что вы со Стёпкой разошлись. Я его пытался урезонить, дак не слушается, уж не мальчонка. Ты внуков-то приводи, приводи, али сами пусть забегают. Тожна скучаю, поди.

Варя ничего не ответила, только вздохнула, взяла дочку за руку, и Нина на одной ноге запрыгала по ступеням крыльца, а потом уже – и по длинному коридору.

В бараке стоял въевшийся запах кислых шей и вареной картошки, из дверей валило жаром печей.

Они сняли обувку у порога и вошли в крошечную комнатёнку.

Мягкий, розоватый вечерний свет рассеивался в воздухе, озаряя сестрёнку Галю и сидевшего на полу Тишку так, что они будто сами сияли изнутри. Окно было открыто настежь, и слабый ветерок, едва колыхая бедненький хлопковый тюль, изредка разгонял духоту от печи. Галя играла с братиком в ладушки и что-то ему щебетала, Тишка в ответ довольно улыбался. Она обернулась на вошедших, улыбнулась, на мгновение показав свои зубки-бусинки, и тут же вернулась к малышу. То ли от её открытой детской улыбки и милых ямочек на щёчках, то ли от её нежной любви к братику, а может, от розовых лучей солнца, Сашке показалось, словно и не случилось ничего этого – ни переезда в барак, ни этой тесной каморки, ни оборванных по углам обоев, кое-как прикрытых иконами и захудалыми, посеревшими короткими шторами. Было лишь простое детское счастье: мама, братья и сёстры – все вместе, все вчетвером, запах вареной молодой картошки и только что нарезанного укропа.

Сашка, стоя в проёме кухоньки, которую и кухней-то назвать было сложно: жалкий закуток, отделённый от комнаты тщедушной, чадившей печуркой и ситцевой занавеской, бросил с порога:

– Эй, малышня! Чешите сюда, что покажу!

Брат и сестра тут же подскочили. Сашка достал из-за пазухи четыре ровных кусочка сосновой коры, каждый размером с ладошку.

– Что это? – спросила Галя, крутя щепочку.

Саша невольно обратил внимание на руки сестрёнок. У Гали – пухленькие, беленькие, а у Нины – худые, загорелые, все в царапинах и ссадинах, такие же, как у Сашки, только поменьше.

– Кораблики.

– Как кораблики? – не поверила младшая сестрёнка.

– Ну, мы приделаем к ним паруса – и станут корабликами.

Мама поставила на стол чугунок, из которого густо валил пар. Саша и Нина оторвались от ребятни и пошли к столу помогать. Наконец все расселись, мама разлила по тарелкам кипяток, подлила по ложке подсолнечного масла, тщательно отмеряя, чтобы всем досталось поровну, а затем уже села сама.

– С Богом, – она перекрестилась сама и перекрестила детей вместе со столом, насыпала в тарелку горстку порезанного сырого лука, раскрошила в неё же ломоть ржаного хлеба и зачерпнула первую ложку.

Дети тут же захрустели луком, застучали ложками по тарелкам. Только Нина уныло гоняла туда-сюда полупрозрачные редкие круги масла, плававшие в воде.

– Посоли, дочь, посоли. Вкуснее будет, – вздохнула мама.

Когда с кипятушкой было покончено, мама разложила всем по тарелкам картошку, сваренную «в мундире», принесла малюсенький кусочек сливочного масла, разделила его на четыре равных части и положила по одной каждому ребёнку. Еле заметный жёлтый кусочек тут же растаял и соскользнул на дно плошки. Саша, проводив его взглядом, спросил:

– А себе?

– Дак что себе, я на работе поела, – ответила мать.

Саша промолчал. Скорехонько закончив с картошкой, он первым встал из-за стола и сказал:

– Воды принесу.

– Принеси, принеси, – ответила Варя, устало улыбаясь. – Коромысло в углу стоит, за ведрами.

– Знаю.

Галя залезла на полати под потолком. Нина зачерпнула ковшиком тёплой воды из ведра, гретшегося на печке, налила в таз и погрузила в него тарелки. Она уже заканчивала их мыть, когда вернулся брат с ведрами воды на коромысле. Пот тёк ручьём по его раскрасневшемуся лицу.

– Ты пошто полные ведра-то набрал? – спросила мама. – Сколько тебе говорено, по половинам носи. Ишь, взял моду! Надорвёшься же.

Саша, не обращая внимания на ворчание матери, пронёс ведра к печке, стараясь не расплескать воду.

– Дров тебе там на два дня хватит, я наколол, – сказал он, вытирая пот со лба. – Сама не колий. И молока завтра из дома принесу.

Мама молчала.

– Дак я пошёл, – сказал он, немного замявшись. – А то отец... сама знаешь...

– Иди, иди, – ответила мама и отвернулась, чтобы не показать наворачивающиеся слёзы.

Нина вытирала тарелки ветошью.

«Дурацкие тарелки. Ненавижу. Воноко Галька уже большая, пусть она и моет тарелки. Надо было с Сашкой дрова идти колоть», – злилась она. Больше всего ей не хотелось, чтобы брат уходил. Она разжала пальцы, и мокрая тарелка выскользнула и упала на пол. Все обернулись.

– Разбила? – испуганно спросила мама.

Сашка посмотрел на Нину. Та стояла, глядя на него, и даже не смотрела на пол.

– Я пойду с Сашей! – ответила Нина.

– Нет, – спокойно сказал Сашка. – Не разбила. И не пойдёшь. Со мной нельзя.

– Это пошто ишшо? – Нина злилась ещё больше. – Тамотка же папка, наш дом, ты. Наш дом! Пошто нельзя?

– Перво-наперво, не «тамотка», а «там», не «пошто», а «зачем». Сколько тебя уже переучивать надо!

– В школу пойду, тамотка и выучу, – буркнула в ответ Нина.

– А нельзя, потому что так отец решил – и всё, – ответил брат.

Он подошёл к Нине, взял её за плечи, строго посмотрел на неё и сказал:

– Это я во всём виноват. Я должен всё исправить. Вот увидишь, я исправлю. И всё будет как раньше.

– Ты виноват? – Нина недоверчиво смотрела на брата. – А что ты сделал?

– Потом скажу. Я завтра приду. Обещай мне, что будешь помогать маме. Ты остаёшься вместо меня, за старшего.

– Ладно, – Нина вздохнула.

Саша отпустил Нину, на мгновение окинул взглядом кухню, маму, в углу под образами зашивавшую скатёрку, и вышел, скрипнув расшатанной дверью.

Нина медленно подняла плوشку. Она не верила: ни в чем он не мог быть виноват. Он нарочно так сказал, чтобы она не ходила с ним. Нина посмотрела на мать. Та, с шитьём в руках, стояла у окна и крестила шедшего по дороге Сашу. Нина сложила три пальчика в щепотку, будто собираясь зашипнуть соли, и, повторяя за мамой, тоже покрестила: и Сашу, и маму, и сестру с братишкой.

2

Сашка шёл домой, понутив голову, и думал о матери и об отце, почему они разошлись, о том, как стало всё плохо. Теперь у сестёр и брата не только дома с огородом не было, а даже молока. Всё осталось у отца. Почему? Конечно, это он, Сашка, виноват. Во всём, во всех их ссорах. Вечно он влезал, мешал.

«Всё из-за меня. Этот развод – из-за меня. Если бы я не вмешивался в их ссоры, может, было бы сейчас всё как у всех. Ненавижу себя, ненавижу! Из-за меня у них нет еды. Из-за меня они живут в бараке с прогнившими стенами», – Саша не мог остановиться, от злости на себя хотелось выть, драться, бежать. Куда угодно, не разбирая дороги. Но даже убежать он не мог. Ему надо было всё исправить.

«Поговорю с отцом. Пусть отдадут меня в детдом. Я больше не буду вмешиваться. Лишь бы они помирились. Лишь бы всё наладилось».

Он ускорил шаг и вспомнил, как весной, когда весь посёлок только и говорил что о каком-то докладе Хрущёва, отец пришёл, как часто это с ним бывало, пьяный с работы и с порога начал кричать на мать:

«Воно даже про Сталина всё известно стало! И про тебя, гуляющая тварь, скоро всё узнаем! Мне мужики-то порассказали, как ты глазёнки всем строишь в магазине! Щас я тебе волосья-то все повыдергаю, допятишься у меня! Небось, и брюхо-то в магазине сделала! Работягам с лесоповала много ли надо, лишь бы баба дала!»

Мать тогда сильно испугалась, затолкала ребятишек в горницу и закрыла за ними дверь. Саша шуганул сестёр в светёлку, а сам остался в горнице, прислонил ухо к двери и подслушивал перебранку родителей.

«Стёп, ребёночек же – твой, побойся Бога, не помнишь, что ли?»

«Ах ты, стерва! Бога вспомнила! Поздно вспомнила! Бог тебя не спасёт!» – отец заходился всё больше.

Саша услышал шум падающих табуреток, выскочил из комнаты и, увидев батьку, замахнувшегося на мать, подпрыгнул и повис на отцовской руке.

Остановил он тогда его. И не только тогда – сколько ещё таких ночей было! Все и не вспомнишь.

А отец такими вечерами, когда Сашка нарочно оставался на кухне, злился, сверлил его взглядом, ждал, пока Сашка уйдёт, пил водку, курил. Мать уходила. А Сашка не уходил, тоже ждал.

Ему исполнилось уже девять лет, так что удар отца не мог его испугать. К тому же он знал, что отец любил его сильнее, чем сестёр, сильнее, чем Тишку, поэтому Сашка не боялся. Батя всегда был им доволен; видя, как сын рубит дрова или помогает на сенокосе, приговаривал: «Мужик!». Сашка верил, что отец и маму любил – если бы не водка, то они бы и не ссорились.

Да, одна беда была с ним: пил он часто и много, приходил откуда-то помятый, озверевший и вечно доискивался повода, чтобы побить мать. Раньше, когда Сашка, как говорят, «под стол пешком ходил», матери часто доставалось, а как только он подрос и стал постоянно вмешиваться, побои прекратились.

Отец потом пил, а Сашка сидел с ним за столом на кухне, смотрел и ждал. Иногда отец молчал — тогда молчал и сын. Иногда отец, понимая, что сын его караулит, пьяно посмеивался над ним, но Сашка всё равно молчал. Но иногда отец говорил. И вот тогда Сашка слушал, впитывая каждое его слово. Тот рассказывал о лесоповале, о деревьях-великанах.

«Бывало, — говорил, — подойдёшь к сосне, прежде чем спилить, положишь руку на ствол, а дерево — будто теплом отдаёт, будто душа живая под корой дышит. И кора такая же шершавая, как мои ладони».

Отец всегда в этот момент смотрел на свои руки: большие, мозолистые, красно-коричневые от мороза, ветра и солнца.

«Так вот я и мекаю, сын, что деревья — они как люди. Не как все люди, а как мы, деревенские. Даже слово для нас одно: де-ре-во — де-ре-вен-ски-е. Грубые, крепкие, но простые и безобидные. До поры до времени, конечно».

А потом он вспоминал товарищей своих — друзей, погибших под соснами, проводил по лицу своей жилистой ладонью, замолкал и пил молча.

А Сашка всё ждал. У него слипались глаза, жутко хотелось спать, но он просто ждал. Щипал себя или ударял по щеке, чтобы не уснуть. Ждал, пока пьяная удаль и злость отца уйдут и он начнёт засыпать прямо на кухонном столе. Тогда Сашка тормошил его и вёл спать на веранду, если летом, а если зимой — оставлял на кухне, расставляя табуретки в один ряд. Стаскивал с него огромные, тяжелые кирзовые сапоги, укрывал одеялом. А под утро отец трезвел и переходил в горницу.

«В этом и есть моя ошибка. Зачем я лез во все их ссоры? Не надо было мне лезть, все мужики бьют своих жён, значит, так и должно быть. А то, вишь, я, выискался, со своими указками против батьки. Надоело ему всё это, вот и выгнал нас всех. Ведь все бабы толкуют: «Бьёт — значит, любит». А я тут «защитничек» нашёлся. Яйца курицу не учат. И правду он говорил, «интеллигенция вшивая-паршивая, в школу пошёл, так больно умничать стал». Кто я такой, чтобы батьку учить? Больше не буду вмешиваться.

Нет, нет, этого не может быть. Ведь мать — слабее. Кто же заступится, если не я? Воно сосед прибил свою жену. А кому легче? Детей — в детдом, его — в тюрьму. Ему-то что... Отсидит, потом вернётся, заново женится. А вот тётки Маши нет теперь. Нет, так тоже неправильно. А как правильно? Как? Что же мне делать? Я только всё порчу!» — он с силой сжал кулаки. Голова, казалось, разрывалась на осколки.

«А впрочем, не важно, что правильно. Просто мне надо уйти. Я лишний, я всем мешаю. Еда и дом — вот что важно. Для сестёр, для брата. Просто уйти и не мешать никому. Приду домой, скажу, чтобы отец в интернат меня отдал. Если не сдаст, сам уйду. Завтра же, утром. А он пусть с мамкой сходится. Не буду я больше лезть. Не указка я батьке. Из-за меня всё, из-за меня».

Саша и не заметил, как дошёл до дома, который теперь казался чужим и заброшенным. Сзади раздалось мычание коров и звон колокольчиков. Он обернулся: на их улицу медленно поворачивало стадо и плавно расплывалось в пятнистую, бело-чёрную реку, заполонявшую вширь всю дорогу. Вечернее солнце, пригревая спины коров, разлилось золотисто-розовым светом, будто собираясь закатиться, а на самом деле никуда оно скрываться не собиралось: стояли белые ночи. Хозяйки выходили на дорогу и забирали своих кормилиц.

«Что же отец корову-то не встречает, Зорька же мимо пройдёт».

Саша, оставив калитку открытой настежь, вбежал по ступенькам. Быстро скинув сандалеты, он только тут сообразил, что кирзачей-то отцовских на крыльце не было. Саша перевёл

взгляд на дверь: открытый замок болтался в проушине. Это могло значить только одно: дома был кто-то чужой.

Он настороженно потянул дверь и прислушался. В коридоре стояла тишина. Саша, крадучись, зашёл в дом, взял в углу топор и отворил дверь в сени.

Здесь тоже было тихо. Он бесшумно переступил через порожек сеней и оказался в крошечной тьме. Холодная струйка пота потекла между лопаток. Стараясь не наступить на скрипящие половицы, он открыл дверь на кухню, ступил на порог и замер. Какие-то странные звуки доносились из открытой в горницу двери: сопение и одновременно женские прерывистые вздохи. Сердце метнулось галопом, рваными громкими скачками отзываясь в висках. Сашка почувствовал, как кровь прилила к лицу. Звуки становились всё громче и громче, чаще и чаще, ему казалось, что они грохотали, давили на него, как будто гром барабанил прямо в его голове. Раздался женский смех, он становился всё резче и сильнее, до тех пор, пока вся Сашина голова не оказалась заполненной этим гадким гоготом. Вскоре он превратился в рёв, пронизывая собой и Сашкино щуплое тело, и весь дом – мамин и папин дом – всё уже вибрировало от этого звука. Сашу трясло, ему казалось, что он вот-вот разорвётся на кусочки, он хотел немедленно прекратить этот хохот, заткнуть его источник любыми способами, заставить замолчать, замолчать навсегда, заставить никогда не раздаваться ни в этом доме, ни в его жизни, не слышать этого богомерзкого женского смеха, над его мамой, над ним, над его сестрёнками и братом – над всеми ними, оставшимися в дураках.

– Убью... – сквозь зубы процедил Саша и перешагнул через приступок. Вдруг он споткнулся обо что-то мягкое, лежавшее на полу, и выронил топор. Последнее, что он увидел, падая, был железный обух.

3

Сашка увидел маму. Она сидела рядом с ним на кровати и плакала. Он встал с металлической койки, издавшей странный жалостный скрип, и, не обращая внимания на мать, достал из-под кровати верёвку и топор. В голове гудела только одна мысль: «Убью». Правда, он не помнил, кого он собирался убить и за что. В чудной длинной исподней рубахе прошёл он к двери и напоследок оглянулся. Мать, сгорбленная, с длинными седыми волосами, жидкими тусклыми прядями, спадающими по чёрной кофте, закрыла морщинистыми руками лицо и зарыдала:

– Саша, пошто ты это сделал-то? На кого же ты меня покинул? Саша, сыночек, вернися, прости...

Вокруг неё появились какие-то люди, все в чёрном, как тени. Ему показалось, что он узнал одну девушку. Да, точно, это была Нина. Такие же голубые глаза, соломенного цвета волосы, только она совсем не ребёнок, а взрослая молодая женщина. Какой-то человек обнял маму за плечи и попытался увести её, но она вырвалась, грохнулась на колени и застонала словно раненый зверь:

– Прости, сын, прости за всё, только не уходи, не уходи... Вернись! Молю тя! Христом Богом прошу!

Он проснулся весь в холодном поту и не сразу понял, где находится. Полутемное, незнакомое, почти квадратное помещение освещалось тусклым жёлтым светом ночников над койками и тонкими полосками бело-серого света, проникавшего в щели между тяжёлыми шторами. Откуда-то раздавались приглушённые детские голоса, а на кровати и вправду сидела мама и плакала. Только она была молодой, а не старой, и волосы её как всегда были убраны в тугой узел на затылке, а не расплетены.

Сашке захотелось дотронуться до маминых волос, убедиться, что они не поседел. Он приподнялся, попытался сесть, потянулся к её непослушным локонам, выбившимся из пучка.

– Мам, не плачь, – прохрипев это, Сашка, тут же почувствовав слабость, упал на подушку. Боль сжала голову крепкими тисками, всё поплыло перед глазами, будто в тумане.

Варя встрепенулась, посмотрела на сына и потрогала его лоб.

– Ты что, сыночек! Ну-ко, лежи давай, не ерепенься. Нельзя ишшо.

Она взяла полотенце, висевшее в изножье кровати, намочила его в стоящей в углу раковине. Саша медленно огляделся по сторонам. В комнате стояло ещё несколько таких же металлических коек, на двух из них кто-то лежал. Он не мог разглядеть лиц, но по голосам понял, что это были мальчишки, похоже, такого же возраста, как он.

Мама подошла и протёрла ему лицо влажным полотенцем.

– Вот, так-то получше?

Прохладная вода и в самом деле освежила, остатки кошмара улетучились.

– Почему я в больнице? Что со мной? Что случилось?

– Дак ты чего это, сынок? Не помнишь?

Сашка вяло помотал головой.

– Дак Стёпка, отец твой, нашёл тебя на кухне в нашем старом доме-то. Говорит, лежал ты на полу, в забыты, а из головы – кровь капает на половицу. Ты, поди, споткнулся, когда переступал через порог. Порожек-то высокий. Ох, говорила же я ему, что высокий у нас порожек-то получился, пониже делать надо было. Ну вот, какой уж настрогали. Ну ничего, докторша говорит, сотрясение вроде да что-то тамotka ишшо, я ведь не запомнила, больно уж слова у них сложные. Ну, главное, она сказала, полежишь в больничке-то, неделю, али сколько надо, и отпустят тебя. Токо наказала, говорить тебе поменьше. А я ей сказываю, ты, мол, и так у нас не особо того, словоохотливый...

– А давно я здесь?

– Дак нет, второй день сегодня. Крепыш ты у нас, оклемался уж, чуток полежи ишшо, дак и выпустят тебя.

– А отец что?

– Отец... Угрюмый ходит, злится. Сказывает, ты с топором на него шёл. Ох, само главное-то сказать забыла: ты же на топор упал, на обух прямо. Потому и ударился шибко. А батя твой говорит: не было на кухне топора, в сенях он стоял. Дак он, верно, всё путает, не бери в голову. Зато Степан сам теперь не хочет, чтобы ты с ним жил. Будешь жить со мной и всей ребятней. Видишь, Бог всё видит, всё устроил.

Дверь неслышно открылась, и в палату вошла медсестра, худенькая девушка, в косынке и белом халате. Она сразу же направилась к ним.

– Варвара Николаевна, – обратилась она к Сашиной маме тихо, почти шёпотом. – Вам надо уходить. Дежурный врач скоро ночной обход будет делать. Посетителям не положено так поздно находиться в больнице.

– Добро, доченька, добро, – ответила Варя и повесила полотенце на кровать. – Ишшо чуток и ухажу.

– Завтра приходите. В приёмные часы.

– Не могу я завтра, голубушка. Не могу. Работаю же я в приёмные часы. Ну, ты не переживай, миленькая, ухажу я уже, ухажу.

Медсестра покачала головой, опустила свои худенькие ручки в карманы халата и ушла.

Варя повернулась к Сашке.

– Я тебе тут малины принесла, Нинка и Галька насобирали, вот, поешь, – она достала из сумки банку с натянутой марлечкой вместо крышки и развязала бечёвку. – Я завтра не приду, не серчай. Далёко ехать, на поезде, а дома Нинка-то одна с малышней остаётся. А сестру мою несподручно каждый раз просить. У неё своих – мал мала меньше.

Саша промолчал. Мама наклонилась и поцеловала его в лоб. Она уже собралась уходить, как вдруг повернулась к сыну и сказала:

– Ох ты, что же это со мной? Забыла совсем, будто сама головой-то ушиблась. Ты вот что, за избу-то не переживай. Хорошие новости у меня. – В сумраке Саша не мог разглядеть черты её лица, но по голосу почувствовал, что мама улыбнулась. – Сестра-то моя, тётка Валя твоя, научила, как в суд подать. Я уж съездила, это здесь, в городе, тоже на поезде ехать. Женщина таотка такая, знаешь, важная, при погонах, как у военного, научила меня, как написать заявление. Дак я и написала. А она сказала погодить чуток, и дом нам назад отдадут. Говорит, ежели повезёт, то и корову отдадут. Вот бывают же хорошие люди на свете, дай бог им здоровья! Видишь, Бог нас не забыл, Бог всё помнит.

Саша молчал.

Он пытался восстановить в памяти, что произошло в тот вечер, но ничего не получалось. Помнил только, как ушёл от мамы в тот день и какие-то странные, смешанные чувства стыда, злости и ненависти. Но к кому и за что – он забыл совершенно.

Казахская ССР, Талды-Курган, 1961 год, май

1

День стоял яркий, солнечный, будто на заказ. Узкий школьный проулок был чисто выметен, и даже деревья выглядели так, будто их нарочно помыли перед демонстрацией, – настолько свежо блестела и играла бликами молодая листва. Народу было много: вся школа – с первого до десятого класса, учителя – все собрались перед главным входом, ждали начала шествия. Дети весело галдели, толкались, махали воздушными шарами и молодыми берёзовыми ветками с привязанными к ним разноцветными бумажными гвоздиками. Председатели советов отрядов и пионервожатые носились как угорелые, раздавая таблички с номерами классов, флаги и гербы. Классные руководители следили за дисциплиной, покрикивали на особо шаловливых учеников.

Витя примкнул к толпе. Мимо с охапкой берёзовых веток, гвоздиками и табличкой «2 А» пронеслась одноклассница, Света Захарова.

Витя окликнул её:

– Светка!

Она остановилась.

– Чего тебе?

– Ты Фарида не видела?

– Видела, он со своими стоит.

– А зачем тебе табличка второго класса?

– Отстань! – она убежала, мелькая в толпе белыми бантами над прыгающими баранками¹⁵.

Витя только успел найти табличку с восьмым «Б», переходившую из рук в руки среди ребят старших, восьмых, классов, как к нему подскочила вожатая, в белой накрахмаленной рубашке, наглаженном пионерском галстуке. Она держала герб Татарской ССР.

– Тарасов!

– Я.

– А ты не видел Юру?

– Какого, председателя нашего?

– Да.

– Нет.

– Держи пока, – она вручила ему герб. – Я пойду его поищу. Как только найду – отправлю к тебе. Будете маршировать в первом ряду вашего класса и понесёте по очереди, – сказала она и тоже убежала.

Витя вздохнул и поднял древко. Тяжёлый, массивный герб пришёлся совсем некстати. Это означало, что придётся задерживаться после демонстрации – возвращаться и сдавать его в школу, а они с другом, Фаридом, давно уже договорились идти на речку и не могли дожидаться первого мая. Во-первых, надо было испытать недавно найденный патрон. Витька уже сделал в нём пропил, оставалось только начинить его порохом и головками от спичек. Он на всякий случай проверил карманы: и гильза, и изолента были на месте. Во-вторых, они решили идти на родники Тянь-Шаня и тренировать дыхание. Витька уже поднаторел в этом, надолго оставаясь в ледяной воде и не дыша рассматривал голубые камни сквозь прозрачную воду. Ну, а

¹⁵ Баранки – вид причёски у девочек: сначала заплетались косички с лентами, а затем с помощью ленточек они сворачивались в виде колец, или баранок, и крепились у оснований кос.

на загладку, вечером, – они собирались порыбачить на Каратале, наловить горной форельки, наварить самим себе ухи и наесться ею от пуза. В общем, дел неувпоровот – первое мая всегда было лучшим днём в году, потому что отец обычно уезжал в командировку за своими гусями. И сегодня настал тот самый счастливый случай: и отца дома нет, и учиться не надо, и мать разрешила гулять допоздна. Поэтому надо было любым путём избавиться от герба до окончания демонстрации, иначе не видать ему счастья как своих ушей.

«Где его носит, этого председателя?» – Витя раздражённо обернулся и увидел Фариду, державшего табличку «8 Б».

«Вот ведь, два месяца разницы в дате рождения у нас, а Фарид уже в восьмом классе, а я – до сих пор в седьмом», – в сотый раз кольнула обида, но Витя отогнал её от себя. В конце концов, никто в этом не был виноват, и уж тем более его друг.

Он свистнул. Фарид тут же нашёл Витю в толпе глазами и направился к нему.

– Здорово! Тебе что, герб вручили? Ты же не председатель, – сказал он и пожал Вите руку.

– Да, блин, вручили. Но ничё, я его председателю отдам, не дрейфь, так что наш план – в силе.

– Да уж, не хотелось бы возвращаться в школу. Смотри, что у меня есть! – Фарид достал из-за пазухи губную гармошку. – Трофейная!

– Ты что, как фашист, что ли?

– Дурак ты! Фрицы своё отыграли, теперь мы на ней, победную сыграем.

– А умеешь?

– Не-а. Мне батя сегодня, на первое мая, подарил. Друг ему привёз, они служили вместе, только отца с ранением в тыл отправили, а друг его до Берлина дошёл. Ну небось как-нибудь научусь, не хитрая вещичка.

– Построение! – вдруг из рупора раздался громкий голос директора школы.

– Ладно, как договорились, – спешно сказал Фарид. – После демонстрации – возле универсама, – и он поторопился к своей колонне.

Классы начали строиться в шеренги. Витя встал впереди. Ни председатель отряда, ни пионервожатая так и не появлялись.

– По направлению! К центральной улице Талды-Кургана! Шагом марш! – раздалась команда из рупора.

Ровная колонна сдвинулась с места.

Они повернули на главную улицу города и увидели, что колонны рабочих и служащих Талды-Кургана уже стояли в ожидании, заполнив всю проезжую часть. Длинный хвост шествия, раскрашенный кумачом и цветами, доходил до перекрёстка. Вдалеке, где кончались дома, город упирался в массивные голубые хребты Тянь-Шаня. Казалось, что редкие белые облачка над ними были вовсе не облаками, а непослушными детьми, уставшими от многовекового бездействия родителей-гор и оторвавшимися от снежных вершин в поисках более лёгкой жизни.

Впереди раздался громкий бас:

– На месте стой! Пропустить школу имени Владимира Ильича Ленина!

Первая, ближайшая к Вите, шеренга, остановилась. Молодые мужчины в белых рубашках с комсомольскими значками громко разговаривали и смеялись.

«Наверно, рабочие. А может, и инженеры, – подумал Витя, завидуя этим взрослым счастливым людям. – Вот вырасту – обязательно таким же стану – комсомольцем! Чтоб не как отец со своими гусями и нагайкой, а чтоб всё по-новому, как у них!»

Высокие, сильные, весёлые, держали они транспарант с огромными буквами: «ВПЕРЁД К КОММУНИЗМУ!» Через несколько рядов от них, за девушками, колыхалась на ветру другая растяжка: «ПЯТИЛЕТКУ – ДОСРОЧНО!», и ещё, и ещё – через каждые пять шеренг.

По тротуарам, в сторону главной площади города, двигались вереницы пешеходов: в основном старики и женщины с детьми в самодельных тачках.

Школьная колонна оживлённо вылилась на центральную улицу, в специально оставленное для них место, и медленно двинулась вперёд.

Герб увесисто давил на плечо и постоянно цеплял рубашку неотшлифованной древесины. Витя то и дело поправлял галстук, вытаскивая его из-под древка, вытирал капающий со лба пот, оглядывался назад и искал глазами пионервожатую. Но сзади него были только одноклассницы, которые без умолку болтали и шушукались каждый раз, когда он на них обращался. Ворот рубашки прилип к шее, струйка пота стекала между лопатками. Колонна демонстрации, как обычно, шла медленно и дёргано: немного пройдёт – остановится, пройдёт – остановится. Чем ближе они подходили к центру города, тем медленнее передвигались. Они уже приближались к трибунам, а к нему никто не шёл на замену. Вите тоже хотелось радоваться, как всем, или хотя бы отдохнуть немного, а не тащить этот герб одному.

Он обернулся назад и наконец увидел пионервожатую вместе с Юркой. Они шли на два ряда позади Вити, их председатель оживлённо что-то рассказывал пионервожатой, а та вместо того, чтобы отправить его помочь нести герб, весело смеялась. Витя помахал рукой, Юрка заметил, утвердительно кивнул в своей обычной высокомерно-деловой манере и снова повернулся к пионервожатой. Девчонки, держась за руки, опять захихикали. В голову взбрела шальная мысль: «Ну я вам сейчас покажу! Досмеётесь у меня! Вот отпущу древко, как упадёт прямо вам на руки! Подёржите герб! То-то не до смеху будет!» Только колонна в очередной раз тронулась, Витя так и сделал – отпустил шест и подтолкнул его назад, чтобы оно упало точно девчонкам на руки. Но одноклассницы, увидев летящий на них герб, отпустили руки и расступились в разные стороны. Герб грохнулся прямо на дорогу. Витя подбежал, поднял его, но было поздно: грязные следы чьих-то ботинок чётко отпечатались на белых коробочках хлопка, окаймляющих восход социалистического солнца. Словно из-под земли, тут же появилась пионервожатая, вся побагровела,хватила герб из его рук и прошипела:

– Тарасов, ты мне ответишь за это! Контра! Завтра же вылетишь из школы! Враг народа!¹⁶ – вытерев своей белой блузкой следы грязи, она выдернула другого мальчика из колонны и вместе с ним пустилась догонять первую шеренгу.

Витя, растерянный, остался стоять посреди дороги. Мимо прошёл Юрка, нарочно отвернувшись в другую сторону. Ряды одноклассников, а затем и старшеклассников, энергично чеканя шаг, проходили строем будто через него самого. Впереди вдруг раздалось из громкоговорителя: «Равнение на трибуну! Да здравствует коммунизм! Владимиру Ильичу Ленину – слава! Коммунистической партии Советского Союза – слава! Советскому правительству – слава, слава, слава!».

Мимо Вити прошла знамённая тройка. Будто единое целое, в один и тот же миг барабанища ударила в барабан, знаменосец поднял знамя, а третий пионер гордо взметнул руку в салюте. Руки школьников мгновенно взмыли над пилотками, и отовсюду прокатилось громогласное: «Ура! Ура! Уррррааа!», отзываясь эхом в Витиной голове: «Контра, враг, контрра!»

Закончилась колонна школы, пошли рабочие. Витя так и стоял посередине дороги, оглушённый, не зная, что ему дальше делать, куда идти. Никто его не трогал, не спрашивал, не пытался увести, все просто молча и равнодушно обходили его, словно он вдруг стал прокажённым.

¹⁶ При том, что описываемое время – 1961 год и практика «разоблачения врагов народа» уже сошла на нет, терминология и негативные последствия этого клейма жили среди населения и были закреплены на законодательном уровне ещё очень долгое время (ст. 131 Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». Конституция СССР 1936г. отменена в 1977 году).

2

Витя сидел на скамейке и разглядывал крашенные доски пола у себя под ногами. Майское, не по-весеннему жаркое солнце сияло за закрытыми окнами, и в коридоре школы было душно и пусто. Ноги сопрели в ботинках, но он не шевелился, внимательно прислушиваясь к каждому слову за дверью.

– Товарищ директор, умоляю вас! Он же во всём раскаялся! Не будет он больше! Прошу вас...

– Товарищ Тарасова! Я вам простым языком сказал: нет. Хватит уже меня донимать! Вы что, думаете, у меня дел других нет? Мне в райком идти надо, на заседание! А вы меня вторую неделю «обихаживаете» со своим сынком!

Витя услышал всхлипывания матери. Он резко встал, сжал кулаки и ненавидящим взглядом посмотрел в окно. На улице было весело: радуясь последним школьным денькам, мальчишки гонялись друг за другом, кидали ранцы, девочки прыгали в классики. Это злило ещё сильнее. Он стиснул зубы, опять сел на скамейку и поник головой плуце прежнего.

– Извините, извините, пожалуйста, Артём Владленович. Я обещаю, я не буду вам больше досаждать. Я понимаю, у вас важные дела, райком, партия. Но, пожалуйста, прошу вас... Умоляю... Возьмите его обратно... Или справку другую дайте... Его же с такой характеристикой ни в какую школу, вообще никуда не примут... Куда же он, с семью классами? Он ведь без образования останется... Кем же он станет? Ну, ведь если бы он дураком был, тогда ладно, но ведь он же умный, без двоек учится, сжальтесь, товарищ директор... пожалуйста...

– Ну, знаете что, товарищ Тарасова! Это уже ни в какие ворота! У меня заседание, а вы из пустого – в порожнее! Он сам, повторяю, сам бросил герб! Топтался на нём! На глазах у всей трибуны, всего цвета нашего города! Да вы понимаете, что такое герб? Герб – символ многонациональности нашей страны, политики партии. Ваш сын – против страны, против самой партии! Правильно вот пионервожатая написала про него в характеристике. Вот, я вам зачитаю: «мнимое превознесение себя за счёт унижения меньших народов, татар, что способствует...» Так, где это? Ах да, вот оно: «в этом наша пионерская ячейка видит не только моральное разложение Виктора Тарасова, но и опасность его дальнейшего нахождения в ячейке, классе и даже школе. Его поведение подрывает веру в идеалы партии – интернациональность нашей великой социалистической державы. Но не для того мы, пионеры, стремимся построить наше светлое будущее – коммунизм, чтобы кто-то мог безнаказанно топтаться грязными башмаками на нём. Такие поступки прощать нельзя! Какой пример мы подадим октябрятам, если простим пионеру, человеку, носящему часть флага нашей великой страны – галстук – попрание тех принципов, за которые боролись наши отцы и деды!» Вот, слышали? Это ведь и не я написал, а пионерская дружина.

– Да не попирали он принципы, ещё и на глазах... Никто же не видел, кроме пионервожатой. До трибуны ещё далеко было... И это не он топтался, это же толпа шла...

– Ах, вот видите! И вы туда же! Демонстрацию толпой называть! Спорить! А спорить – значит, не признавать вину! Что с того, что никто не видел! Ведь могли! Могли увидеть! Вы же понимаете, чем могло закончиться дело, если бы это секретарь райкома партии увидел! Понимаете?! Да тогда... да вас, да меня...

– Пожалуйста, Артём Владленович... Он же пропадёт на улице... бандитом станет... Его же даже на работу не возьмут в четырнадцать.

– Ах, это. Ну так в этом вы, мамаша, сами виноваты... Как говорится, яблочко от яблони недалеко падает. Что ваш старший, сидит уже, небось?

– Почему сидит... Не сидит он, учится...

– Учится он... Тоже пора гнать в шею... Где он учится? В какой школе? Или в ПТУ? Я этот вопрос лично поставлю на рассмотрение комитета партии!

Витя не выдержал, вскочил и рывком открыл дверь.

Мама, ссутулившаяся, стояла посреди комнаты и промокала заплаканные глаза беленьким платочком. Толстый мужчина в очках сидел в кресле за массивным письменным столом и вытирал красную шею ладонью. Внезапно ворвавшийся в кабинет свет солнечными зайчиками запрыгал на его лоснящемся подбородке, он зажмурился и вскочил с места, губы его передёрнулись в брезгливой гримасе.

– Мама! – выпалил Витя. – Пойдём! Хватит.

– Это кто тут ещё? Без стука?! – директор прищурился, пытаясь разглядеть вошедшего в проёме двери. Окна в его кабинете были зашторены, и яркое солнце из коридора ослепляло.

Витя решительно прошёл внутрь, взял маму за руку и повёл на выход.

– Сынок, Витя! Подожди...

– А... Тарасов... Яблоко от яблони недалеко падает, запомните, товарищ Тарасова! – мужчина указал вверх пальцем. – Я всё в райком доложу, всё!

Витя с шумом захлопнул за собой дверь.

3

Они вышли на улицу, Витя отпустил мамин локоть. Только сейчас он заметил седую паутинку, тонкими нитями опутавшую тугой узел её каштановых волос.

– Витя... – сказала мать уставшим голосом. – Ну зачем ты? Может быть, он согласился бы...

– Не согласился! Ты что, не понимаешь? Он просто издевался над тобой!

– Может, и издевался. Какая разница? Что мы теперь будем делать? Это ты понимаешь, что нам больше некуда идти, некого просить? – она зарыдала, закрыв лицо ладонями.

Её фигура, раньше статная, добрая, как называл отец, теперь – сильно исхудавшая, ссутулившаяся, вся какая-то... маленькая. Витя хотел было обнять мать, но не решился. Вместо этого он со всей силы пнул валявшийся на дороге булыжник. Тот с глухим стуком врезался в стену школы, штукатурка обвалилась, обнажив бурый кирпич.

– Мам... – сказал он тихо, отворачиваясь от посторонних взглядов. – Не надо, ну... Люди смотрят... Пошли домой.

– Ох, батюшки мои, батюшки, – стала приговаривать мама, но послушно пошла рядом с сыном. – Горе-то какое, горе... Что же мы теперь будем делать? Из школы выгнали... Из пионеров выгнали... С волчьим билетом... Семь классов... Никуда же не возьмут, никуда... – она опять заплакала, остановилась и стала искать носовой платок в сумке.

Витя терпеливо ждал. Ему было стыдно смотреть на мать. Лучше бы отец высек его ещё раз, хоть десять раз, только бы не видеть мамины слёзы.

И всё из-за него. Глупость какая-то, детство, и что ему взбрело в голову?

Витя почувствовал, как кровь ударила в лицо, будто он опять стоял перед пионерской дружиной, пытаясь оправдаться: «Не хотел я герб в грязи пачкать. Нечаянно я, так получилось...»

Его никто не слушал, совет дружины что-то тихо обсуждал, Вите не было слышно. Наконец та самая пионервожатая, которая подняла герб с дороги, встала, вписала что-то в машинописный документ, лежавший перед ней на столе, и стала громко зачитывать:

«...постановил: исключить Тарасова Виктора Фёдоровича, учащегося седьмого класса «В» средней общеобразовательной школы имени Владимира Ильича Ленина, из Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина за политическую акцию, направленную на подрыв социалистического строя и духа дружбы народов...»

«Исключить, исключить, исключить», – эхом отдавалось в его голове.

И сколько мать ни ходила в школу, ни обивала пороги директора, завучей, пионерской ячейки и даже ВЛКСМ¹⁷, всё было бесполезно – его наотрез отказывались брать назад. Мать рыдала каждый день. Просыпалась со слезами и ложилась спать со слезами: «Неужели ты не понимаешь, Витя? Останешься же неучем... Ой, горе ты моё, горе. Ты же сам себе одним махом всю жизнь перечеркнул... Куда же ты теперь? Чернорабочим всю жизнь – так обидно, не дурак же ты. Или как твой брат, вон, на большую дорогу? Мало мне того, что старший бандитом вырос, так ещё и младший – туда же», – она рыдала навзрыд каждый раз, как только видела его.

Отцовскую порку Витя даже не заметил. Ему было тошно. Тошно от самого себя.

«И зачем я это сделал? Ребячество... С другой стороны, ну подумаешь, упал герб... Ну поднял же я его. Я же не специально... какая же я «контра»? Откуда они вообще взяли это: «политическая акция»? Над девчонками хотел я пошутить, при чём здесь акция?»

Но попытки оправдать себя вгоняли его в ещё большее отчаяние.

Так и шли они вдвоём, не отрывая взгляда от дороги, стыдясь смотреть на людей, а больше всего – друг на друга. Мама, сгорбившаяся, несчастная, постоянно прикладывала платок к глазам, Витя понуро плёлся рядом, не отставая. Вскоре асфальт сменился пыльной серо-жёлтой грунтовой дорогой с высохшими на ней кругляшками козьего помёта и коровьим навозом. Шум машин постепенно затих, уступив место скрипу разномастных деревянных дверей, перестуку топоров, лязгу колодезной цепи. Собаки лаяли за каждым забором, не умолкая ни на минуту, из лаза между огородами медленно выплыл гусиный выводок и посеменил через дорогу.

Они пришли домой.

Модные мужские лакированные туфли валялись на крыльце поверх двух пар истоптанных сестриных босоножек.

«Небось, только пришёл. И пьяный, поди», – мелькнуло у Вити в голове.

Он зашёл в мальчишескую светёлку. В комнате пахло винным перегаром и одеколоном. Гришка спал в рубашке, уткнувшись носом в подушку. Небрежно брошенные на пол брюки мешались на проходе. Витя бережно поднял их, из кармана что-то неслышно упало на половик. Он наклонился. Червонцы с портретом Ленина были свёрнуты в трубочку и перехвачены резинкой. Витя взял трубочку и развернул.

«Новые?» – удивился он и пересчитал. Сто рублей гладкими и хрустящими «хрущёвскими фантиками» по десять рублей.

«Сто рублей! Это же по-старому – тысяча!», – подумал Витя и ошарашенно перевёл взгляд на брата. Тот храпел, отвернувшись к стене. Витя медленно положил деньги обратно в карман брюк, сложил их на стуле и сел на свою кровать.

«Тысяча рублей. За одну ночь? Или у них зарплата? Как у матери – два раза в месяц? Просто постоять на стрёме – и можно срубить пару сотен за ночь», – Витя попытался вспомнить, что брат говорил ему по поводу своей «работы», когда звал его к себе в банду.

«А что они делают? Грабят? Кого они могут грабить, у кого столько денег? Люди с такими деньгами не ходят же по улице. Сберкасса тогда? Магазины? Да, наверно, магазины. Тогда, значит, они никого не убивают. В смысле, никому лично не плохо. В магазинах же нет никого ночью. Нет, вообще-то сторож есть. А что они делают со сторожами?»

Сейчас проснётся, опять начнёт донимать меня.

¹⁷ ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи – молодёжная организация Коммунистической партии СССР, созданная как промежуточный этап между пионерской организацией и партией для граждан Советского Союза в возрасте от 14 до 28 лет.

«Кому ты нужен теперь, с семьёю классами и справкой? Дворником станешь, идиот, будешь всю жизнь дерьмо убирать», – вспомнил Витя последний разговор с братом. Он машинально перевёл взгляд на оттопырившийся карман брюк.

«Давай к нам, у нас деньги хорошие. И, главное, легко – не надо тебе около станка стоять месяцами, жизнь свою гробить. И девки у нас есть, и шмотки. У нас вообще всё есть. Кроме ваших глупых пионерских песенок и мальчиков в галстучках».

Взгляд метнулся к книжным полкам, пробежался по знакомым потрёпанным корешкам. Новиков-Прибой, Жюль Верн... Витя достал серый выцветший переплёт «Похода «Челюскина», и сердце защемило от тоски.

«А ведь и правду он сказал: яблоко от яблони недалеко падает. Библиотечная же книга. Не вернул же я её. Значит, украл. Украл. Вот кем я стал. Не моряком. И не лётчиком. Просто вором. Исключён из пионеров, исключён из школы. После такого приговора – ничего больше нет. Никакого будущего. Ни образования, ни партии. Не стать мне комсомольцем, не стать мне капитаном с золотыми погонами. Не видать мне кортика. Не видать мне моря и кораблей. Просто поганое ворьё».

Витя повалился в одежде на кровать, зарыв лицо в подушку.

«Что я наделал?! Разве у меня есть теперь выбор? Разве я могу быть теперь человеком?! Что мне остаётся?! Сидеть у мамки на шее? Всю жизнь быть никем? Да лучше сдохнуть в драке от ножа...»

Он ударил кулаком подушку. Странный клокочущий звук – то ли рык, то ли стон загнанного в ловушку раненого зверя невольно вырвался из его груди, и какое-то беспросветное отчаяние серой пеленой застлало всё вокруг.

Вологодская область, станция Лесоповальная, 1962 год, июль

*Мне не спится в тоске по ночам,
Думы мрачные сон отгоняют,
И горькие слезы к очам,
Как в прибое волна, приливают.*

*Так обидно и странно мне жить без тебя!
Сердце лаской любви не согрето.
Иль мне правду сказали – моя
лебединая песня пропета?*

*Старинный русский романс
«Лебединая песня»*

1

Варя обмахивала себя газетой «Правда», сложенной в гармошку. Который день стояла духота, открытые нараспашку дверь и окна не помогали: с улицы не было ни дуновения, тюлевые занавески замерли. Солнечные лучи бесперемонно слепили глаза при каждом входе покупателя в магазин, добегали до пирамид жестяно-золотистых консервных банок, нагло прохаживались по бутылкам с водкой и мягко затухали на буханках ржаного хлеба и сложенных в пирамиды спичечных коробках.

Варя заколола невидимкой выпадающую из-под косынки прядь и сказала стоявшему напротив неё старику, складывающему пачки «Беломорканала» в свою авоську:

– Не курил бы ты, Карпыч. Дохаешь, точно танки стреляют.

Старик потрянул сумку и махнул дряхлой рукой, потемневшей от лет, земли и махорки:

– Не пекись, Варя. Обо всех не упечёшься...

Варя окинула взглядом очередь. Маленький, единственный на всё село магазин был набит битком: в леспромхозе начался обеденный перерыв. Рабочие, в основном вальщики с лесосеки, покупали нехитрый набор: «завтрак туриста»¹⁸, ржаной хлеб и папиросы, а жёнки, воспользовавшись перерывом, торопились взять домой крупы и хлеба. Сельчане не смущались толкотнёй, наоборот: так легче было перемывать косточки соседям.

Работала она быстро, подчас не поднимая головы: надо было всех обслужить за час, со сноровкой отпускала товар, громко постукивала костяшками на счётах.

– «Беломор»¹⁹, – вдруг услышала она до боли знакомый голос.

Сердце мгновенно ухнуло в пятки, кровь прилила к щекам. Варя медленно подняла глаза. Напротив стоял Олег. Блики солнца золотили его каштановые кудри, выделяя веснушки на острых скулах и прямом носу, пытаясь смягчить суровую мужскую красоту.

– Пожал-те, – не сводя с него взгляда, ответила Варя и положила пачку на прилавок. Голос предательски задрожал, в горле запершило. – Ишшо чего?

– После работы зайду за тобой?

Варя отвела глаза, сказала как можно тише:

– Дак заходи, чего уж там...

¹⁸ «Завтрак туриста» – консервы, в основном, мясные, популярные и в качестве основной еды, и в качестве закуски.

¹⁹ Популярные в СССР дешёвые папиросы без фильтра.

Но шёпот не помог: молодки и жёнки постарше, болтавшие до этого без умолку, резко замолчали и теперь жадно вслушивались в каждое слово. Олег, правда, больше ничего не сказал, забрал свои папиросы и вышел.

Старичок, стоявший следом в очереди, проводил его взглядом и присвистнул:

– Гли-ко: матёрущий! – и продолжил, обращаясь к Варя: – Не из нашенских?

– Не из нашенских, – кивнула Варя, не поднимая взгляда.

Знала она, что в её глазах сейчас можно было прочесть всё: и долгожданное счастье, смешанное со страхом, и смущение от того, что не смогла она скрыть своего волнения. Казалось, вся очередь слышит, как колотится её сердце.

«От дурёха. Бабы сейчас на весь посёлок разнесут. Да и он тоже! Зачем в обед пришёл, знал же, что весь леспромхоз сейчас здесь?» – думала она, заворачивая буханку ржаного хлеба в серую бумагу.

– Варька, здорово! – вывела её из задумчивости следующая в очереди бойкая бабёнка.

Лидка, закадычная Варина подруга, по-хозяйски оперлась на прилавок, расставив в стойки свои пухлые белые руки так, чтобы никто не смог подойти к продавщице.

– Поди-тко, здравствуй. Как обычно тебе?

– Поди-тко, пять пачек враз завёртывай. Дымит как паровоз, леший, не напасёшься.

– Ишшо чего-нибудь?

– Песку отмерь, три кило. Пойдём за черникой, дак варенье накручу на зиму.

Лида наклонилась, выкладывая на прилавок свою пышную грудь, и тихонько шепнула Варя:

– Я обожду тут, покамест очередь-то пройдёт.

– Хотела чего али как? – спросила Варя, звонко щёлкая костяшками счёт.

– Да так, парой слов перекинуться, – подмигнула подруга.

– Дак очередь только через полчаса спадёт, обед же у всех.

– Ну ничего, ничего, я обожду. Авось, не выгонят с почты-то. Начальничков-то нет, – захихикала Лида и отошла в угол магазина.

Через полчаса очередь, и правда, исчезла, будто её и не было. Варя повесила на входную дверь табличку «ОБЕД» и закрылась изнутри на железный засов.

– Дак каково житьё-то? Так в две смены и робишь?

– Работаю, Лидочка, работаю.

– Что, с деньгами туго? Твой-то бывший алиментов не платит?

– Алименты спрашиваешь? Какие тамotka алименты, копейки одни! Ты же знаешь, чего он со своей бабой выдумали-то: он ей тоже платит алименты. Это оне нарочно так придумали, чтобы моим детям меньше платить. Срамота! Как будто это только мои дети! И на четыре рта не хватает. Вот и боязно работу потерять. Если со сменщицей работать, вдруг неостача какая, дак уволят же или похуже ишшо – в тюрьму посадят. И всё – конец мне: деток-то по детдомам распишают, – Варя тяжело вздохнула и достала из-под прилавка скромный узелок с едой. – Мне ж другой работы с моими шестью классами в нашем леспромхозе не найти.

– Дак присылай кого-нибудь, хоть молоком поделимся.

– Дак неудобно ведь, у тебя своих – полный дом.

– Полный – не полный, чай, не голодаем. Ладно, сама как-нибудь старшего к вам отправлю или зайду, давненько я к вам не захаживала.

– Да, конечно, заходи.

– Зайду, зайду... Слушай, ну дак я не про то осталась-то.

– Ну, дак говори, что за дело.

– Ну как что за дело? Не томи, говори ужо, что тамotka у вас?! – выпалила Лида.

– Да, нечего сказывать-то, – ответила Варя, расстилая газету на столе в углу магазина, где покупатели обычно раскладывали продукты.

– Потчуйся, – кивнула она Лиде на варёные молодые картофелины и ломоть чёрного хлеба с солью.

– Ешь сама, буду я ишшо тебя объедать.

Варя не стала спорить.

– Дак что, что у вас? Шашни завела? А что? Я бы тоже с таким... – вздохнула Лида, нетерпеливо ёрзая на табурете. – Молодой, красивый... Аж завидки берут.

– Да ничего, – Варя пожала плечами, пытаясь сделать вид, что тема разговора ей неинтересна. – Каждый божий день в магазин ходить, а вечерами до дому провожаить. Ужо неделю как взял в моду.

– А ты чего же?

– Дак а что я? Дак ничего, работаю всё, как видишь.

– Ага, хватит дуру-то из меня делать. Отчего ж покраснела тогда? Аль мекаешь, ослепла я?

Варя посыпала солью хлеб и картошку и тяжело вздохнула.

– Дак что я, что я... Не вечно же одной быть, сама понимаешь. У меня четверо же, и всё сама, всё одна. Сашка, старшой, тогда ишшо, после лазарету, сразу ко мне переехал и сказал, что с отцом жить не будет, хоть убей его. Тоже мне, командир нашёлся, дак не откажешься же, сын же, родненький. Я ужо шесть лет как без отпусков, без выходных впахиваю – много не нарадуешься. С работы прихожу, ноги отваливаются, а ишшо по хозяйству надо, дом мужских рук требует. Крыльцо вот совсем прохудилось, того и гляди рухнет. Хотя дети в последнее время, грех жаловаться, всё на себя взяли. Нинка готовит, Сашка дрова колет, воду таскает, Галька – больше за чистотой следит. И огурешник²⁰ на них, и за черникой сами в лес сходят, и, главное, ничего им говорить не надо, всё – сами...

– Да ты голову-то мне не морочь, – перебила её подруга. – Знаю я все твои мытарства. Ты мне лучше про энтото, молодого, расскажи. Сколько годков-то ему?

– Двадцать девять, поди.

– Ой, батюшки! Это что ж получается? – спросила Лида, высчитывая в уме их разницу. – Это он тебя аж на девять лет младше, что ль?

– На восемь, ему осенью тридцать годков стукнет.

– Ох, Варька... Чую: пропадаешь. Такие, знаешь, как? Севодни на одну засмотрятся, потом новую кралю им подавай – помоложе да покрасивше.

– Ой, боюсь, Лидка, боюсь, – вдруг призналась Варя и провела по лицу ладонями, словно умываясь. – Он же ишшо и с отсидки.

– Батюшки свет! За что сидел-то?

– За убийство.

– Ох! Бежать от такого надо, Варька! Ты давай это, не мути с ним!

– Дак он говорит – не виноватый он. Назююкались с другом, стали по домам расходиться, да четверо на них набросились. Вот он силёнки-то не рассчитал да ишибанул кого-то здорово.

– Дак он и пьёт ишшо?

– Да нет, не пьёт больше. Былое, говорит. После того случая завязал.

– Не пьёт – это добро. Где таких в нашем леспромхозе сыщешь? – Лидка задумалась.

Ветер заиграл занавесками, в магазин влетела оса и, тщетно пытаясь выбраться наружу, тыкалась в тюль.

– Гли-ко, погода, что ль, меняется? – сказала Лида. – Ветерок подул.

Она взяла газету, подошла к окну, резко отодвинула занавеску и выгнала осу. Лида высунулась на улицу и подставила полное, рыхлое лицо солнцу, будто собираясь впитать в себя с запасом его редкие северные лучи. В воздухе сладко пахло сурепкой, густо разросшейся вокруг

²⁰ Огурешник (волог.) – огород

магазина. Пчёлы и шмели с усердием кружили над цветами, бабочки-белянки перелетали с одной травинки на другую.

– Эх, хорошо! – сказала Лида. – Люблю кузнечиков! Вишь, как стрекочут. В войну же их не слышно было. Варька, ты помнишь, в войну кузнечики стрекотали?

Не услышав ответа подруги, она перевела взгляд на избу, стоявшую на соседнем участке. Покосившаяся, убогая, с давно смывшейся краской, замшелой крышей, она утопала в зелени, разрушавшей на своём пути всё построенное человеческими руками. В доме жила старенькая учительница, Мария Фёдоровна. Её муж и четверо сыновей не вернулись с фронта. Некому теперь было следить за домом и землёй. Всё заросло, только узкие тропинки вели к смородиновым кустам, крохотному огородику да начавшей дичать яблоньке. В заборе то тут, то там зияли прорехи, наполовину заросшие высокой травой.

Лида задумчиво произнесла:

– У одних жизнь заканчивается, у других – только начинается, а деревьям, траве, птицам – всё равно... Стоит только человеку уйти с земли, природа сразу возвращает себе своё...

Тут раздался паровозный гудок, она встрепелась. Железнодорожную станцию отсюда было не видно, зато хорошо слышно. Поезд прогудел ещё раз, резко прошипел, заскрежетали колеса о стальные рельсы, и их близкий нарастающий стук заглушил серенады кузнечиков. Лида отошла от окна.

– Ты чего тамotka говорила-то? Не расслышала тебя, – спросила Варя, убирая со стола.

– Непьющий – это хорошо, говорю. Ежели и работающий ишшо – так и цены ему б не было. Но после отсидки – это уж слишком. Помнишь же Верку – вот таковский же, после тюрьмы, поженился на ней, а потом её же по большой любви и укокошил.

– Дак то ж другое, он её с соседом застал. В нашем леспромхозе любой бы прибил, кабы такое. К тому же у нас добрая половина мужиков в селе – после отсидки, кого ишшо к нам в леспромхоз отправляют?

– Ну, любой – не любой, а Верки сейчас нету-тка. И дети в интернате, чай, не хорошеют, без мамки-то. Сиротами ведь остались. Ты о детях подумай, не о себе.

– Дак я о детях только и думаю. У нас дом развалится скоро без мужика-то. На дворе – шестьдесят второй, про войну все уж позабыли, живут как люди: щи с мясом каждый день, каша – на молоке да с маслом. А мои будто провинились чем, вечно голодные, аж глянуть на них страшно: кожа да кости. В доме – шаром покати, и огород этот ишшо, проклятуций, глина одна, ничего не растёт. А Олег, ты знаешь, какой он? Силён как бык. Тут давеча мужики с лесоповала заходили, дак сказывали, как он один сваленное дерево с Михалыча поднял. Они в тот день втроем были: мой, Михалыч, ну знаешь, который на гармони-то пиликает, и сынишка его, пацанёнок совсем, пятнадцать ему только стукнуло. У них тамotka что-то не так пошло, дерево в другую сторону завалило. Михалыч не уберётся, прям под него и попал. Лежит, распротёртый, слова сказать не может, хрипит. Олег подошёл, взял сосну в охапку, поднял и держал, пока сынишка Михалыча вытаскивал. Спину, правда, себе тоже надорвал. Фельдшер сказал, коли бы он дерево не снял с Михалыча-то, не спасли бы, раздавило бы лёгкие. Так что, вишь, как получается. Хороший он.

– Это-то, конечно, да... – задумчиво сказала Лида, – такая сила в хозяйстве – большая подмога.

– Вот и я говорю...

Обе замолчали, задумавшись. Лида спросила:

– А на сердце-то у тебя что? Сила-то силой, а сердце-то что говорит?

– Ой, Лидка, не спрашивай! Я ведь сама не своя стала. Он как глянет на меня, дак я аж краснею вся, и коленки дрожат.

– Ну знаешь что, Варя! Похоть всё это, а не любовь! Когда любят, тогда не коленки дрожат, а сердце успокаивается, родную душу слышит. Шесть лет она одна! Подумаешь! У нас

половина бабьего населения – всё одни, и ничего, тянут ляжку себе потихоньку, – начала кипятиться Лида.

– Ты меня похотьё-то не попрекай! Ишь, святоша нашлась! У самой-то муж всегда при себе! Посмотрела бы я на тебя, кабы ты шесть лет без мужика прожила, да с четырьмя детьми, всю жизнь впроголодь!

– Ха! – Лида аж вскочила с табурета. – Ты думаешь, мне легко было замуж за калеку выйти! Он ведь не красавец, на одной ноге-то с войны пришёл! И старше меня на десять годов! Да я-то, я не на морду смотрела! А смотрела, что непьющий да работающий, дом свой сам отстроил, пусть и одноногий! А тебе всё покрасивше надо да помоложе!

– Дак где мне взять-то непьющего да работающего! Ты ж сама знаешь: лесоповал – это лесоповал!

– Обожди чутка, может, и появится кто.

– Да кто здесь появится? Шесть лет не появлялся, а тут вдруг появится? Да и кому я нужна с четырьмя детьми, и сама, чай, не молодею.

– Ну не знаю...

– Да не могу я уже! – вдруг с надрывом вскричала Варя и тоже встала с табуретки, заломив руки перед грудью. – Не могу! Не остановиться мне! Как ты не понимаешь, Лида?! – Варя вдруг пронзительно посмотрела на подругу, будто проникая ей в самую душу, закрыла лицо руками и зарыдала.

Лида оцепенела. Не догадывалась она, что творилось в душе подруги.

Она подошла к Варе и обняла её.

– Тише, ну тише ты, – Лида стала гладить подругу по спине, чувствуя, как та дрожит.

Варя подняла на Лиду заплаканные глаза:

– Лидочка, понимаешь ли ты меня? Ведь не могу я так жить больше и никого не любить! Знаешь ли ты, каково это, когда пусто в душе, ничего не шевельнётся, ничего не всколыхнётся? И так изо дня в день. Шесть лет уже пусто, чёрно... Душа моя черствеет, погибает... Чернота эта – будто червь. Будто червь, Лида, растёт, пожирает тебя изо дня в день, и не вырвать его оттуда, не спастись, он всегда с тобой. Опостылело всё! Ежели бы не дети, давно бы руки на себя наложила... – Варя прижала кулаки к груди, будто хотела что-то вырвать оттуда. – А теперича, понимаешь, это как, от говорят же, бальзам на душу, будто дыра в моём сердце зарастает. Как подумаю о нём – словно соловушка в сердце поёт, заливается, рассвет занимается, и цветы – везде – в сердце, в саду! – на мгновение тихая улыбка появилась на её лице, и она тут же будто засветилась от какого-то спрятанного внутри солнца, помолодела, лучистые морщинки в уголках глаз засияли. – Полюбила я его, Лида. Взабось полюбила. Знаю, не даст мне Бог больше другого такого шанса, – она замолчала. – Часики мои тикают... Лебединая песня это моя, Лида... лебединая...

Помолчали.

– Ты прости меня, Варь, наговорила тебе. Слышь, не со зла я. Не знала, что всерьёз у тебя, – Лида ещё крепче обняла Варю, с удивлением отмечая, насколько та была худенькая и хрупкая.

– Да брось ты, не обижаюсь я.

Они стояли в обнимку посреди магазина, две подруги, две одноклассницы, знавшие друг друга с пелёнок, и молчали. Лида вспомнила, сколько всего они пережили вместе. Тяжёлая работа, голод, война, смерть. Много смертей. Потом – победа, а за ней – первые свидания и поцелуи, а потом замужество, дети, работа. К своим тридцати восьми они вдвоём вынесли столько горя, переделали столько работы, сколько положено не на один десяток жизней. А вот счастья – с трудом на напёрсток наберётся.

– Добро, пойду я, Варь.

Лида чмокнула подругу в щёку и вышла из магазина. .

Варя проследовала за ней на улицу и сняла с двери табличку.

На дороге было пусто. Небо резко переменялось, стало серым, нерадостным. Ласточки-касатки суетились, носились низко над землёй. Не слышно было стрекота кузнечиков, не порхали бабочки, не жужжали пчёлы. Вся мелкота попряталась.

«Надо же, каких-то полчаса назад пекло солнце, а теперича...» – подумала Варя.

Она прислонила ладонь ко лбу и внимательно посмотрела вдаль, в сторону лесоповала. С севера, над ельником, небо заволокло тёмными грозовыми тучами. Лёгкий ветерок сменился холодным, уверенным, берёзы трепетали, послушно наклоняясь от каждого дуновения. Где-то вдалеке сверкнула молния, следом раздались глухие раскаты грома. Ветер хлестнул с новой силой. У Вари сорвало косынку с головы, она попыталась поймать её, но не успела, ту вмиг закружило и отнесло на соседний участок. Платок зацепился за трубу на обветшалой крыше дома и затрепыхался белым флагом, тщетно пытаясь сорваться.

«Нет, не вернуть уже...» – подумала Варя, невольно скрестив руки на груди, и застыла, переводя взгляд с косынки на полуразрушенный дом, на треснутые стёкла, заклеенные чёрной изолентой, словно крестами.

«Ой, батюшки, окна же открыты», – вдруг спохватилась она, выйдя из оцепенения, и побежала обратно в магазин.

2

Время до вечера пролетело незаметно. К шести часам сельский магазин ожил заново: женщины, из тех, кто не успел купить продукты в обеденный перерыв, быстро, почти что на бегу, набирали провизию и так же торопливо расходились – дети, мужья и хозяйства ждали их хлопот. Мужики, наоборот, заходили в магазин не торопясь, вразвалочку, брали папиросы, консервы и водку, реже – хлеб и что-нибудь для дома, ждали друг друга и так же, неспешно, выходили из магазина, иногда по двое или по трое. Частенько, если погода позволяла, они толпились вокруг входа, курили да поглядывали на молодок, присвистывали и подшучивали над девками. Наконец все разошлись.

Варя поглядывала на часы. Без пяти восемь. Большая стрелка словно застыла.

«Придёт? Чую: что-то будет...» – сердце постепенно начинало набирать обороты. Варя закрыла окна на щеколды и сняла кассу.

– Открывай давай! – вдруг послышался грубый мужицкий голос и тут же громкий стук ногами в дверь. Варя не успела её запереть, и в магазин ввалились два мужика, оба в телогрейках, небритые, с рыскающими глазами, видать, после отсидки только, а таких водилось здесь немало: леспромхоз рос, нужна была новая рабочая сила, и самый лучший опыт по этой части имелся у отсидевших на зоне, поэтому и слали их сюда пачками.

– Эй, красав, ты магазин не спеши закрывать! – с порога сказал ей один из них, здоровый, лысый, с татуировкой на голове, по-видимому, главный.

– Водочки нам давай! – разнузданно подхватил второй, маленького роста, с усами. Он по-хозяйски осмотрел полки, а потом – и саму Варю. – Слышь, Пужей, сколько возьмём? – спросил он, обращаясь к лысому.

– Бери две пол-литры, – ответил тот, подошёл к окну, отодвинул занавеску и посмотрел наружу.

– Слыхала, что сказано? Две «Московской» давай. И две кильки, – приказал усатый Варю. Варя, не говоря ни единого слова, выставила на прилавок водку и консервы.

– Шесть сорок – сказала она.

– А баба-то справная! – продолжал усатый, распахивая консервы по карманам телогрейки и рыская масляно-похотливым взглядом по Вариной фигуре, не обращая внимания на её слова.

– Дай-ка нам ещё нарезной.

– Нарезного нет. Только ржаной, – голос Вари дрожал. Она полезла открывать хлебные полки, которые всегда запирала на ночь.

– А ты что худая-то такая? – начал донимать её усатый, – Истаскалась, поди? Под начальника, небось, стелешься? А под простых мужиков как, а? – он перемахнул через прилавок к Варю. Она отскочила назад, в угол.

– Баба – это хорошо, – сказал Пужей, посматривая в окно. Часть улицы вместе со входом в магазин скрывалась от обзора, он пытался заглянуть за угол, но ничего не было видно. – В самый раз будет, давненько у меня этого дела не было. Затвори ворота! – приказал он.

Вдруг дверь распахнулась, и в магазин зашёл Олег.

Мужики смерили его взглядом, подождали, не войдёт ли кто другой, и, когда поняли, что им ничего не угрожает, Пужей сунул руки в карманы и шагнул навстречу.

– Слышь, ты, шёл бы ты отсюда, – низким басом прорычал он. – У нас тут свои дела.

Олег быстро оценил ситуацию.

– За водку расплатитесь – и валите отсюда, – процедил он сквозь зубы.

Пужей аж изменился в лице.

– Я от такой борзости охреневаю, – фыркнул Проныра и перепрыгнул через прилавок обратно. – Ну-ка, пером его!

Пужей выхватил заточку из кармана и прыгнул на Олега, пытаясь пырнуть его в живот. Тот увернулся и со всей силы ударил нападавшего кулаком в челюсть. Пужей упал, задев головой металлический угол прилавка, заточка вывалилась из руки, и он так и остался лежать на полу. Олег наступил на заточку, в это время к нему подскочил Проныра. В руке он держал нож-резак.

– Ты что, падла? – взревел Проныра и набросился на Олега. Тот опять проворно увернулся, нападающий по инерции махнул рукой в воздух, и Олег ударил его по спине. Проныра упал на одно колено, нож выскочил из руки. Олег пнул его в живот, потом ещё, тот повалился на бок, хрипя. Олег, не мешкая, подобрал нож и заточку.

К этому времени очухался лысый.

– Вы чё тут, сволочи? – прошипел он сквозь зубы, держась за голову и пытаясь подняться. Все зубы его были в крови, он сплюнул на пол кровавый сгусток. Пужей посмотрел на напарника, корчащегося рядом, исподлобья бросил взгляд на Олега, держащего нож в правой руке и заточку – в левой, и прошипел, вставая:

– Ладно, пшли отсюда.

Проныра молча поднялся и направился к выходу следом за напарником.

– Чтоб я вас здесь больше не видел, – твёрдым голосом сказал Олег.

Проныра остановился в дверях, но Пужей оглянулся на него и процедил сквозь зубы:

– Матёрый, сука. Не лезь.

Они ушли, оставив дверь открытой.

Олег посмотрел на Варю. Она стояла в углу, скрестив руки на груди, маленькая, хрупкая, напуганная. Он зашёл за прилавок, обнял её, как-то по-отцовски прижал к себе и сказал:

– Не бойся, ничего не бойся. Они больше не придут.

3

Нина смотрела в окно. На улице было светло и пустынно, сельская дорога после недавней грозы размокла, деревья стояли не шевелясь, вымытые, зелёные, блестящие. Никакие звуки не нарушали тишину позднего вечера, не скрипели калитки, не мычали коровы. Даже птицы, и те уже давно притихли. Нина взглянула на настенные часы.

«Без десяти одиннадцать. Где она ходит? Надо всё-таки идти за ней. Она же с деньгами с магазина идёт, вдруг кто нападёт? Много тут нездешних шастает».

Сашка ходил по комнате взад и вперёд, заложив руки за спину, и тоже посматривал на часы.

– Ну что, идёт кто? – в который раз спросил он.

– Нет никого, сказала же, – ответила Нина. – Собаки бы залаяли первые, чего спрашивать-то?

– Собаки могут не услышать, – буркнул Сашка. – Давай схожу за ней.

– Вместе пойдём.

– Вместе не пойдём, сто раз уже сказал! Поздно уже!

– Если мне поздно, то и тебе поздно! Если ты пойдёшь, то и я пойду!

– И в кого только ты стомая²¹ такая?

– В кого, в кого! Сказала – пойду, значит, пойду.

– Добро, вместе пойдём, – не выдержал Сашка и дернул куртку, висевшую на спинке стула. Куртка зацепилась, Саша рванул сильнее, и стул с грохотом упал. – Бесполезно же с тобой спорить.

– Ага, давно бы пора! – Нина накинула кофту и двинулась к двери. – Сидим тут как две тетери.

– А ты не каркай! Кто в нашем леспромхозе на неё нападёт? Здесь все друг друга знают, – Сашка последовал за Ниной.

Не успели они открыть дверь, как с улицы раздался лай соседских собак. Ребята вместе подбежали к окну.

Мать шла по улице с каким-то темноволосым молодым мужчиной. Без косынки, в накинутой на плечи чужой телогрейке.

– Кто это? – спросил Сашка.

– Сама не знаю, – Нина пожала плечами.

Парочка подошла к берёзе, что росла рядом с калиткой. Мужчина обнял их маму. Сашка отвернулся и отошёл от окна.

– Хахаль у неё, что ли?! А нам ничего не сказала! Пойду разберусь! – он направился к двери.

– Далёко это ты лыжи наострил? —Нина схватила брата за рукав. – Вот ещё! Не твоё это дело. Ишь, ты что, муж ей, что ли?

Нина прильнула к окну.

Мужчина открыл калитку, мама прошла вперёд по тропинке к дому. Что-то в ней казалось странным, будто это была вовсе не их мама – уставшая, с потухшим взглядом, ссутулившаяся, а молоденькая девушка, с прямой осанкой, лёгкой походкой. У этой, другой, мамы локоны задорно выбивались из стянутого на затылке узла, она улыбалась и даже сумку свою, обычно тяжёлую от мелочи, несла не на плече, привычно поднимая его, а в руке, легко, будто там и не было тяжелых медных пятак, будто там...

«А может, в сумке и нет выручки?» – Нина, заподозрив неладное, нахмурилась.

– Что там? – спросил брат.

– Сам смотри.

Сашка приблизился к соседнему окну и слегка отодвинул занавеску.

Мужчина аккуратно прикрыл за собой калитку и пошёл по дорожке вслед за их мамой. Сашка сразу оценил, что даже отец, который был хорошо сложен, не шёл ни в какое сравнение с этим человеком. Высокий, широкоплечий, здоровый, он ступал по тропинке твёрдыми и спо-

²¹ Стомая (волог.) – упрямая.

койными шагами, словно шёл по своей земле. Вдруг он остановился и внимательно посмотрел на окна избы. Саша отпрянул вглубь комнаты, занавеска дёрнулась.

«Зачем ей этот мужик? Почему мне раньше не сказала? А я? Как же я? – лихорадочные мысли жужжали как навозные мухи, он не мог сосредоточиться на какой-то одной. – Как она могла? Предала меня! Она ещё хуже, чем отец!».

Старое глухое чувство ненависти и одновременно стыда заполнило его голову кровью, будто тяжёлым свинцом. Щёки покраснели, в висках застучало, он шагнул к печи и со всей силы ударил по ней кулаком. Посыпалась штукатурка, Нина обернулась.

– Ты чего это?

Сашка молчал, наблюдая за каплями крови, выступающими на костяшках пальцев. Сестра подошла к нему, посмотрела на кулак, затем на печь.

– Ты чего это, совсем дурак? От опехтуй, – сказала она совсем по-взрослому, по-женски, и стала собирать штукатурку с пола. – А если мама увидит?

– А мне без разницы, – ответил Сашка. – Пусть видит! Пусть вообще делает, что хочет! Живёт, с кем хочет! Только не со мной!

– Ты чего это? Всерьёз? – покрутила пальцем у виска Нина. – Она тебе что – жена?

Сашка молчал.

– Нет, – продолжала Нина, – не жена. Мама, понимаешь, мама. И одинокая женщина. И это, между прочим, папка её бросил шесть лет назад, а не она его. Она что, всю жизнь одна должна быть? – Нина взяла газету и смела на неё ладонью куски штукатурки. – Завтра замажем. У нас этой глины в огороде тьма-тьмущая, потому и не растёт ничего, так хоть какой-то толк будет, – проворчала она и посмотрела на брата.

Сашкино лицо она знала лучше, чем своё, по нему и сейчас можно было читать его мысли, словно в открытой книге. И он злился, очень злился. На его широком, обычно добродушном лице, желваки ходили ходуном. Он смотрел куда-то вдаль, острым взглядом пытаясь просверлить пространство поверх Нининой головы.

– Уйду я.

– Зачем ты уходить собрался-то? – Она не помнила, чтобы когда-нибудь видела его таким злым и одновременно раздавленным.

– Не могут два мужика быть главными в одной семье – что тут непонятного! Или я, или он! Кого выберет, пусть с тем и живёт!

– Да ты чего это? Белены объелся? Зачем выбирать-то? Почему нельзя вместе?

– А-а, отстань! – оборвал её брат. – Замолчи! Не хочу ничего слышать, не хочу! – вскричал вдруг он, зажимая руками уши. – Сказал – не буду жить с ним! Слышишь, не буду!

Нина растерянно смотрела на брата. Она не знала, что делать, что сказать.

«Лишь бы они не зашли, лишь бы не зашли», – твердила она про себя. Ни с того ни с сего вспомнился тот старый случай, когда отец заявил, что Сашка на него шёл с топором. Брат никогда не объяснял ей, что на самом деле случилось в тот день, но Нина всегда догадывалась, что это было не просто совпадение: падая, удариться об обух топора. Топоры не стоят где попало, и люди на них не падают. И сейчас брат её пугал. Он редко бывал злым, поди, и не был никогда. Даже с мальчишками дрался спокойно, без злости. А сейчас она нутром чуяла, будто в нём кипело, разрасталось что-то страшное, опасное... что могло привести брата к чему-нибудь... непоправимому, после чего назад дороги нет.

– Может, это просто знакомый, что ты разбушевался-то?

– Знакомый? Ты что, за дурака меня держишь? Знакомый будет свою телогрейку давать, к берёзке прижимать? А? Сама знаешь, что не будет!

– Телогрейку – даст. Что здесь такого?

– Ты дуру из себя-то тоже не строй! И видишь – не идут! Почему, знаешь? А? Спрятались за угол дома, думают, мы тут дураки все. Или, может, ещё хуже, на сеновал уже залезли?

Нина молчала, не зная, что и ответить. Брат был, конечно, прав. Никакой это был не знакомый, а явно ухажёр. Однако Нина не могла никак понять, почему Сашка так взбесился.

– А-а-а, не могу, не могу больше здесь стоять, убью! – выпалил Сашка и рывком открыл дверь на кухню.

Нина мгновенно выскочила в проход.

– Не пущу.

– Что? Да ты, пигалица! – возмутился брат, пытаясь вытолкнуть сестру из прохода. Но она крепко ухватилась за косяк.

– Да ты чего это? Тоже против меня?

– Не против тебя, а за мамку.

– Это одно и то же! – задыхаясь, проговорил Саша.

– Ты хочешь ей всю жизнь испоганить, да? Может, она любит его? А ты вот так вот: с кулаками да с топором на них? Как тогда, на отца? Думаешь, я не догадалась? И что потом? Что? Грохнешь его, а её сделаешь вдвойне несчастной: и тебя в тюрьму посадят, и его не будет! Кому это нужно?

Сашка перестал её отталкивать. Они замолчали. Только мерный стук настенных часов нарушал тишину.

– Пусти.

– Нет.

– По-хорошему говорю, тебе же хуже будет.

– Сказала – нет.

Сашка смотрел на сестру. Маленькая, худенькая, как две капли воды похожая на него и характером, и даже взглядом – таким же резким, пронзительным. Нина твёрдо смотрела на него, вцепившись в косяк. Он знал, что она не побоится ни ссоры, ни удара, ни драки. Да он и не смог бы её ударить.

В этот момент они услышали звук открывающейся на веранде двери.

– Эх ты! Предательница! – бросил Сашка, метнулся к окну и выпрыгнул в палисадник. Нина побежала за ним, крикнула вслед:

– Куда? Ночью!

Брат даже не обернулся, только махнул рукой и зашагал к калитке.

Нина закусила губу от обиды и вскочила на подоконник. Надо было догнать его, а то, сердцем чуяла, натворит он дел. Вдруг она услышала, как открылась дверь в горницу. Нина оглянулась – на пороге стояла мама.

– Ты пошто на окно-то забралась? Али забыла что тамотко?

Нина нехотя спрыгнула назад:

– Дак я это... Кошку чужую в палисаднике увидела, так прогнать хотела... – Нина почувствовала, как краска стыда заливает лицо, она отвернулась, перевесилась с подоконника на улицу, помахала рукой над цветами и громко шикнула: – Кыш, кыш!

– Оставь её, пусть бежит, мышей меньше будет. – Мама опустила свою тяжёлую сумку на половик. – Вы хоть ели?

– Ели.

– А остальные спят уже?

– Ага.

– Дóбро. Пойду тоже умоюсь да прикорну.

– А чего долго-то так сегодня?

– Дак... – мама на минуту задумалась, говорить ли дочке про происшествие или нет.

«Испугается ведь за меня ишшо, устроят с Сашкой караул, знаю я их. Не буду пока, обожду. Опосля расскажу. Добро всё, не надумывай ничего себе лишнего».

– Посчитать деньги-то? – спросила Нина.

- Шла бы зауснула²², сама пересчитаю.
- Дак давай посчитаю, всё равно в школу завтра не надо.
- Ну, посчитай втожно.

Дома, вблизи, ясно было видно: мамины глаза сияли от счастья, на щеках играл румянец, даже будто морщин стало меньше. Мама вышла из горницы.

Нина вытряхнула содержимое сумки на половик. Монеты посыпались на полосатую дорожку, следом прошелестели купюры, в основном жёлтые рублики и зелёные трёшки. Она принялась раскладывать их по стопкам, но постоянно сбивалась: мысли то и дело возвращались к Сашкиным словам. Как он мог?! Сбежать вот так, запросто, без неё, махнуть на неё рукой, будто она и не друг вовсе, а так, пустое место, одно разочарование. Она же была на его стороне!

«Ещё и предательницей назвал, – думала она и злилась ещё больше. – Мне из-за него маме пришлось наврать. Ведь я ж за него всё, всё отдам, всё сделаю, в любую драку ввяжусь. А он... Сам он предательница! Тоже мне, старший брат называется! Сбежал! Сбежал без меня, будто мне хочется на мамино хохот смотреть! Я, может, тоже тут главная!» – И она ударила своим острым кулачком по половнику. Монетки вздрогнули на полу, и пирамидки рассыпались.

«Никогда его не предаю, он же знает!» – Она встала и подошла к окну. На улице было тихо и пустынно. Луна, полупрозрачная и грустная, таяла на глазах в сиреновом зареве.

Нина почувствовала, как сжалось сердце, по коже побежали мурашки, внутри стало холодно и тяжело, будто колодезным камнем придавило. Она поёжилась, растёрла предплечья, всмотрелась в дорогу, в ту сторону, куда направился Сашка.

«Ну ушёл из дома – почему мне страшно-то? Пятнадцать ему, не пропадёт, чай, не маленький. И на дворе – лето, друзей у него полным-полно, так что любой сеновал или чердак как дом родной».

Она вернулась к деньгам, села на дорожку и опять стала пересчитывать магазинную выручку, но мысли не давали покоя.

«Вдруг он не вернётся? Сделает сейчас что-нибудь... ужасное... Прямо сейчас! Какую-нибудь глупость. Прицепится к поезду и уедет или ещё хуже – сорвётся», – она поняла, что в который раз уже перебирает стопку с рублями, но никак не может посчитать.

«Да, вообще, куда он пойдёт? Босиком, без куртки, без денег? Ведь он нарочно сейчас что-нибудь найдёт, любое худо. Всё, что угодно, лишь бы больше. Ему».

Страшная догадка пришла ей в голову, и она повторила вслух:

– Лишь бы больше ему.

Мурашки пробежали по телу новой волной. Нина посмотрела на свои руки. Еле заметные, тонкие прозрачные волоски на коже встали дыбом. Она опять растёрла себя ладонями, потом с трудом досчитала деньги, перевязала купюры резиночками и сложила их обратно в сумку.

Из мальчишечьей светёлки раздался невнятный голос Тишки. Нина прошла в детскую: одеяло с братишки сползло на пол, он спал нервно, подёргивая ногами и руками, будто бежал во сне. Нина, подоткнув уголки, тихонько укрыла его. На Сашиной кровати она скатала одеяло в рулон и накрыла его и подушку простынкой.

«До утра никто не узнает, а утром я его найду», – подумала Нина и вошла в девичью.

Галя спала, свернувшись в комочек. Нина переоделась в сорочку и тоже легла. Мысли не давали спать, толпились и мешались в голове. Теперь она думала о маме. То ей казалось, что она на маминой стороне: та столько лет жила одна и заслужила быть счастливой. То её злило, что мама никому не сказала про своего ухажёра – ясно же было, что они не первый день вместе. Они тут с братом сидели, волновались за неё, беспокоились, а оказалось, что мама просто ходила на свидание. Сашка был прав, мама могла хотя бы сказать.

²² Зауснуть (волог.) – ложиться спать, засыпать.

«Не буду спать, дождусь её, всё ей скажу», – решила Нина.

Потом её мысли опять переметнулись на брата. Вспомнилась его высокая худая и несурзная фигура на дороге. Босой, в штанах, еле достающих до щиколоток, с нескладными длинными руками, которые, однако, весь посёлок уже называл «золотыми»: второй, после их отца, на селе мастер по столярному делу. Нина любила заходить к нему на чердак, где он устроил мастерскую. Бывало, поднимется и видит, как брат разговаривает с простым кряжем, будто с живым человеком, поглаживает его, ласково, по-доброму, а потом обтесывает топориком – и на верстак: вжих! Вжих! Стружки летят, золотятся в свете солнечных лучей, а Саша строгаёт и насвистывает какую-нибудь песенку. Погладит чурбачок довольно, присмотрится, да с такой любовью, будто видит он в этом полене не дерево, а душу родную. И дерево в его руках – податливое, отзывается, радуется своему преображению: охотно скидывает с себя шершавую, с чечевичками, кору, обнажая золотистый луб. Глядишь – и вот оно уже сияет белой сердцевинной, ещё пара лёгких движений – и становится чурбачок то табуретом, то скамеечкой, а порой и столиком для швейной машинки, и всё ладно, добротное, на века.

Нина вздохнула.

«Всё-таки самый лучший на свете брат у меня. Завтра с утра пойду его искать», – решила она и провалилась в сон.

4

Варя проснулась. В комнате было светло и тихо, только размеренное, еле слышное тиканье часов доносилось из горницы.

«Господи, как же отратно, как всё хорошо!» – сладко подумала она, потянулась, выгнула спину и попыталась дотянуться носочками до металлических прутьев кровати. Одежало соскользнуло, обнажив ноги.

«Утром, у излучины», – Варя вспомнила, как крепко он обнял её вчера, поцеловал в губы. Сердце учащённо забилося, тело пробудилось, будто от щекотки невесомого пёрышка.

Проголосили петухи, эхом отзываясь со всех сторон посёлка.

«Четыре уже, пора...»

Она тихонько встала, накинула халат, помолилась перед божницей. На душе было необычно легко и радостно.

«Словно ангел по душе босиком пробежал», – прошептала она себе, на цыпочках пробираясь на кухню. Ранняя заря осветила розовато-оранжевыми всполохами грубую старую скамеечку, печь и стены с давно выцветшими обоями. Варя раздвинула ситцевые шторы и выглянула на улицу. Тонкая струйка дыма показалась из трубы близлежащего дома, петух важно ходил по крыше соседского курятника и приглядывал за порядком — леспромхоз просыпался.

– Ах, до чего же энтó всё любо! – невольно вырвалось у Вари, и она открыла форточку.

В избу ворвался свежий воздух, смешанный с утренними деревенскими звуками: хлопающими дверьми сараев, кудахтаньем кур, мычаньем коров. Она услышала плеск воды, фыркание и бас соседа: «Ух! Хорошо! Ух! Дóбро!»

«А ведь и правда – как всё хорошо, как всё дóбро!» – Варя протанцевала от окна, что-то мурлыча себе под нос.

Затопив печь, она водрузила на неё чугунок с водой, подошла к рукомойнику, умылась и стала внимательно рассматривать себя в зеркало. Нечастые золотистые веснушки-крапинки на носу словно прыгали, играя с солнцем в переглядки. Две параллельные прямые чётко очерчивали по горизонтали высокий лоб. Она потёрла их – не исчезли. Варя вздохнула, безжалостно нащипала скулы – щёки порозовели.

«Так-то так, – улыбнулась она своему отражению. Мелкие морщинки тут же окружили глаза лучистой сеточкой. — Предатели, можно подумать, я улыбалась столько раз, сколько вас тут повысыпало...»

Она взяла детский крем и жирно намазала им лицо.

– Ишь, развелись, от я вам! – сказала она вслух, но тут же рассмеялась.

«Вот я, тетёха... самой уже под сорок, а выпендриваюсь будто девчонка», – застыдила она себя, заплела косу, свернула её в улитку на затылке и опять стала напевать.

Легко она проскользнула в погреб, набрала в миску картошки, моркови, выдернула луковицу из связки и, окрылённая, принялась готовить. Картофелины крутились в её руках, словно в вальсе, в считанные секунды освобождаясь от своей кожуры.

«Было же у меня сало, было, было», – напевая, Варя шарила по полкам. Наконец она нашла жалкий, завёрнутый в тряпицу кусочек и бросила его в суп.

«С наварчиком, с наварчиком», – она радостно покружилась около печи. Хотелось взлететь и парить, танцевать и петь, но места не хватало. Хотелось, чтобы душа порхала, дышала, становилась яркой, как солнце, и чистой, как небо...

Варя сделала ещё одно па посреди кухни и села завтракать. Холодная варёная картошка, щедро приправленная крупной солью, была сегодня особенно вкусной. Она наспех попила чаю, поправила холщовую скатерть, чтобы не росли появившиеся на углах новые прорехи, сняла суп с огня и побежала переодеваться.

«Берегу, берегу, а пошто? Истлеет уже скоро в шкапу... – думала Варя, приглаживая на себе белое платье со снежирями. Она завязала синий поясok на тонкой не по годам талии. – Прямо по фигуре... Слишком... баско. Увидят же, начнут ласы точить», – она сняла поясok.

На дне шкафа лежала большая коробка с надписью «СЕВО²³». Варя достала её и бережно развернула газетную бумагу.

«И ведь не одёванные же, ни разу не одёванные, – Варя примерила чёрные туфли-лодочки и цокнула язычком своему отражению в шифоньерном зеркале. Она поохорашивалась, покрутилась, посмотрела на себя со всех сторон, потом обернулась на окно и вздохнула:— Куда там, по селу, коров смешить», – и снова убрала туфли в шкаф.

До речки она дошла быстро, никого по дороге не встретив.

Берег, пологий и песчаный со стороны села, был непривычно пустынным. Обычно здесь купалась ребятня, а чуть ниже по течению жёнки полоскали бельё, но сейчас было слишком рано.

Варя почти бегом взошла на мост. Свежеструганные деревянные перила пахнули ароматом смолы, крепко прилатанные друг к другу новенькие доски скрипнули. Она оглянулась. На дороге было пусто.

«Никто не заметил», – облегчённо вздохнула Варя и, не задерживаясь, сбежала на другой берег. Скоро должны были повести коров в покотину за реку и могли её увидеть.

Очутившись в берёзовой роще, Варя огляделась. Вокруг – никого. Тоненькие деревца в белых сарафанах с чёрными кармашками застыли, лишь изредка шелестя листвой, словно перешёптываясь. Варя прижалась спиной к дереву и перевела дыхание.

«И чего это я, навела переполоху? Чего я боюсь? Рази грех какой? Я ж никого не обманываю, пошто мне прятаться, пусть себе бают...»

²³ СЕВО (буквы – латинские) – по-русски произносили «Цебо» – очень модная по тем временам марка чехословацкой обуви.

Шёлковый ствол берёзы нежно ласкал её ладошки и голые ноги. Варя вспомнила про Олега, вспомнила его вчерашний поцелуй.

«От тетеря! А в какое время-то ведь не спросила! От тетёха так тетёха! В кои-то веки пригласили на свидание, а я время не спросила. Утром... утро у кого в четыре начинается, а у кого – в десять, – стала ругать себя Варя. – И что теперь делать-то? Только зря выходной взяла».

Расстроенная, оторвалась она от дерева и пошла вглубь рощи, свернув на узкую тропку. В конце дорожки сквозь плакучие ивы мелкой рябью поблёскивала речка.

«Ну и бог с ним, со свиданием!» – Варя вдруг сорвалась и побежала к воде, на бегу уклоняясь от тонких прутьев берёз и расстёгивая пуговицы платья. На берегу она на мгновение застыла. Речка переливалась, с каждым движением стряхивая с себя остатки дремоты и утреннего тумана.

Варя скинула платье и забежала в воду, подняв за собой кучу брызг. Утиный выводок ошарашенно отпрянул, мать-утка закричала, хлопала крыльями по воде и проворно спряталась в камышовых зарослях, а за ней и утята – мал мала меньше.

– От полоротые! – засмеялась Варя, зашла глубже и поплыла, держа голову над водой.

Холодная вода тут же согнала утреннее оцепенение, тело взбодрилось. Варя поднырнула. Светло-зелёный свет выхватывал под водой расплывчатые травинки, проскользившую по самому дну стайку мелких рыбёшек. Она выдохнула и вынырнула. Нерушимой стеной на другом берегу стоял хвойный лес, солнечные лучи едва достигали его кромки и исчезали в нём, от чащи отражалась только молчаливая темнота. Добравшись до середины реки, Варя легла на спину и поплыла назад. Она расслабилась, плавно перебирая руками и ногами и глядя на безоблачное голубое небо. Приятная прохлада обволакивала её тело, в голове было спокойно, а душа, казалось, сама наполнилась золотисто-розовым светом счастья.

Вдруг Варя почувствовала, будто на неё кто-то смотрит. Она резко перевернулась на живот. В реку входил мужчина. Варя не могла разглядеть его лицо. Он шёл к ней, высокий, здоровый, вода впереди него раздвигалась, будто от лодки. Сердце, словно перепёлка, часто и сильно забилося, ударяясь в груди, как в клетке. Варя нащупала ступнями дно, выпрямилась, вода едва прикрыла её грудь. И тут она узнала его. Олег подходил всё ближе, она уже могла разглядеть его мускулистые руки, белый блестящий шрам на груди, рядом с сердцем. Он приблизился, прижал Варю к себе и стал целовать её шею, плечи. Она чувствовала горячее дыхание, терпкий аромат махорки, смешанный с запахом речной воды. Ничего не говоря, Олег легко подхватил её на руки и понёс к берегу. Варя обняла его, чувствуя, как его мышцы постепенно, одна за другой, становятся твёрже, словно наливаются силой: плечи, руки, живот. Вскоре они оказались на земле, но Олег нёс её дальше, в сторону от тропинки.

– Палатка у меня здесь. Рыбачья. Там лучше будет.

Варя молчала.

Он поставил её на землю, но не выпустил. Ей казалось, что она совсем крохотная, маленькая девочка по сравнению с ним.

– Распусти волосы, – хриплым голосом попросил он.

Варя покорно вытащила шпильки из косы.

5

Луч солнца ударил в глаза, Нина прикрылась ладошкой и осмотрелась. На соседней кровати спала сестра, заложив руки за голову, мягкие каштановые волосы разметались по подушке, ямочки играли на щёчках. Казалось, что она вовсе и не спала, а мечтала с закрытыми глазами. Будильник показывал семь.

«Проспала, всё на свете проспала!», – Нина, злясь на себя, оделась и подошла к сестре.

– Галя, просыпайся, – потрясла она её за локоть. Сестра даже не пошевелинулась.

– Галька, ну, вставай же, – повторила Нина. – Рассвело уже, завтракать пора.

Галя пробормотала что-то невнятное и повернулась на бок, подкладывая ладошки под щеку.

– Эй, а ну, вставай, кому сказала! Ишь, развалилась тут! Завтракать надо!

– Отстань, дай поспать, воскресенье же, – проворчала Галя и спряталась с головой под одеяло.

– Ну, я тебе покажу! Соня! – Нина залезла на кровать, легла между стеной и Галей, упёрлась ногами и руками в стену и стала сталкивать сестру с кровати. – Я тебе покажу поспать! Поспишь у меня! А кто завтрак готовить будет? – заводилась она.

Галя, почувствовав, что свисает с края, инстинктивно выставила руки вперёд и в следующую секунду свалилась на пол.

– Да встаю я! Тоже мне командир нашёлся! Вот мамке всё расскажу! Чего там готовить? Картошку варёную достать и солью посыпать сами можете! Могли бы и подождать пятнадцать минут, чай, с голоду не подошли бы!

– Ага, знаю я твои пятнадцать минут! – возразила Нина и встала с кровати. – У тебя где пятнадцать минут, там и целый час.

– Да ладно тебе, правда, встаю, – ответила Галя уже покорно. – Что ты с утра, белены объелась?

– Маму со вчерашнего дня не видела, проспала, вот и злая.

– А что, она вчера так и не пришла?

– Пришла, в одиннадцать.

– Ого! А чего сказала? Случилось что?

– Ничего не сказала. Хотела утром сегодня её спросить, да, вишь, проспала.

– А где Сашка?

– Не знаю, не смотрела ещё. Но если во дворе нет, то сбежал.

– Как сбежал?

– Да так, сбежал. Из окна, босиком.

– Когда?

– Вчера ночью. Пойдём, проверим, может, вернулся, так и рассказывать нечего.

Девочки вышли в горницу. Снопы яркого света падали на вязанные половики, бликами играли по полированным дверцам серванта и фаянсовым фигуркам, спрятанным за стеклянными створками.

– Сашка, – позвала Галя, стоя около мальчишечьей светёлки.

– Он спит, – раздался голос Тишки.

Сёстры зашли. Младший брат сидел на полу, и играл с деревянной машинкой, которую ему выстрогал Сашка. Нина взглянула на кровать старшего брата – одеяло так и лежало нетронутым.

– Не пришёл, значит, – сказала она и вытащила подушку из-под одеяла. Младшие брат и сестра смотрели на Нину недоумевающе.

– А кто там? – спросил Тишка.

– Никого там.

– Никого? – он подошёл к кровати и приподнял уголок одеяла, пытаясь удостовериться, что там действительно нет брата. – Никого... – ответил он сам себе. – А где Саша?

– Ой, не знаю, Тишка, – словно выдавила из себя Нина, чувствуя, как вчерашняя тревога подступает к сердцу. – Иди давай, умывайся. Мы пойдём посмотрим, может, он уже во дворе.

Сёстры заправили Сашкину кровать. Галя то и дело вопросительно посматривала на Нину, но та кивала на Тишку, взглядом давая понять: ни слова при младшем брате. Они втроём прошли на кухню. На столе лежала записка. Галя первой взяла её, но, немного помедлив, отдала Нине.

«Сашка, Нинка, суп на шестке. В магазин сегодня не ходите – у меня выходной. Ушла на речку, вернусь вечером, обедайте без меня».

– Выходной? – спросила Галя. – На речку?

– Читайте сами, – резко ответила Нина, вручила записку Гале и подошла к умывальнику. Ведро было пустым. «Значит, Сашка точно не вернулся», – подумала она и сказала:

– Воды нет, я принесу.

Нина взяла коромысло и пошла на улицу.

«Ну хорошо, положим, ушла на речку. Чего ей там делать? Бельё полоскать? Бельё мы с Галькой сами полощем. Зачем тогда? И выходной взяла... Она вообще брала когда-нибудь выходной? Что-то не припомню... А-а-а-а, может, она к хахалю пошла? К этому, вчерашнему? Почему на речку? Ну не знаю, купаться, может, будут... Фу, гадость», – размышляла Нина, оглядывая двор и огород.

Сашки нигде не было видно. Она повернула за угол дома, подошла к колодцу. Вытоптанная земля вокруг была сухой. Брат всегда обливался водой тут же, прямо из ведра. Сначала обольётся, потом натаскает воды на целый день, потом зарядку свою сделает, а затем уже займётся садом. Она огляделась. Яблони, гордость их сада-огорода, были будто из сказки: ровненько побелённые стволы, начинавшие набирать вес ветки – с новыми подпорками.

«Лишь бы с ним ничего не случилось. А то ведь и избить могут. Он силён-то, силён, а вот если несколько нападут на одного... У нас тут запросто».

Она открыла крышку колодца и сбросила бадью в воду. Хвост журавля²⁴ взметнулся в синее безоблачное небо, Нина услышала плеск воды.

«Надо Сашку отыскать. Куда он мог пойти ночью? Да ещё и босиком?» – размышляла Нина, повиснув всем своим хилым телом на жерди.

Бадья показалась над колодцем.

«Тяжёлая, зараза. Надо поменьше черпать, а то не донесу же», – думала она, переливая воду в ведро.

Нина закинула бадью в колодец снова и в этот раз сначала следила, как набирается вода, а потом опять повисла на жерди.

«Ну, самое страшное – если прицепился к поезду и укатил куда-нибудь. Тогда мне его не найти. Сколько у нас таких пацанов убёгло? Каждое лето сбегает. Никогда не возвращаются. Кто знает, что там, за станцией? Почему они не возвращаются? Погибают? Или, наоборот, там жизнь лучше?»

Нина подцепила вёдра на коромысло и, шатаясь, пошла к дому. Вода расплёскивалась, падая холодными крупными каплями на ноги.

«Надо хотя бы село обыскать. Ну переночевать можно где угодно, хоть в гумне, хоть в сарае любого дружка его. По сараям долго прятаться не будет, нужна будет обувь. Воровать не станет, вернётся или попросит дружка какого-нибудь к нам сгонять. Значит, надо ждать дома. Поговорить с ним. Куда ещё он может пойти? К отцу? Это навряд ли. Хотя можно проверить. Отправлю Гальку с Тишкой, пусть сходят, разузнают. А если нет? Ну и тяжесть... как он таскает их без коромысла?»

Она остановилась посреди тропинки, выплеснула немного воды из каждого ведра и посмотрела на Сашкину берёзу.

Как-то раз в прошлом году, когда уже стояли холодные октябрьские дни, также, в воскресенье, Нина проснулась рано, часов пять было, и вышла во двор. Сашка стоял около берёзы. Нина тогда впервые заметила, что к стволу дерева верёвкой была примотана доска. Брат, босиком, в одних в штанах, отрабатывал удары. Он размахивался и со всей силы бил по обмотке.

²⁴ Журавль, колодец-журавль, колодезный журавль, – вид колодца, когда подъёмный механизм состоит из толстой жерди на раскохе (вилке) у колодца. На одном конце жерди – черпающее ведро или бадья, другим концом управляет человек.

Дерево сотрясилось, роняло жёлтые листья, а он молотил снова и снова. На костяшках его кулака скоро показалась кровь, но он, не обращая внимания, продолжал бить. Когда кровь отпечаталась на верёвках, он посмотрел на разбитые пальцы, со злостью плюнул на землю и начал бить по обмотке левой рукой. Его жилистые, мускулистые плечи и спина двигались как поршни паровоза: без сбоев, чётко, ни секунды на передых между ударами. И было в этих ударах кроме силы ещё что-то, от чего Нине тогда стало не по себе. Какое-то страшное остервенение, будто он пытался разрушить не берёзу, а себя.

Она вернулась в дом. Галя и Тишка сидели за столом. Картошка была уже разложена по тарелкам. В центре стола возвышалась большая солонка.

– Ты бы хоть чаю заварила, – прокряхтела Нина, затаскивая ведро на печь.

– А воды-то где взять? – Галя скорчила гримасу.

Нина ничего не ответила, села за стол и макнула свою картофелину в солонку.

– Вот чего, – начала Нина как старшая. – Надо к отцу сгонять.

– Зачем?

– Может, Сашка у него.

– Да Сашка к нему никогда не пойдёт, – возразила Галя.

– Сама знаю. Всё равно ходите. Проверить надо.

– Мы?

– Да, Тишку с собой возьми. Вдвоём, чай, веселее.

– А ты?

– Я буду маму и Сашку дома дожидаться. Если вернутся, поговорю с ними.

– Ладно, – вздохнула Галя. – Тишка, заканчивай давай и пойдём.

Младшие стали собираться, а Нина подошла к рукомойнику. Мокрым пальцем зацепила зубной порошок из коробки, небрежно провела им по зубам, потёрла два передних и сплюнула.

«А если его там нет? Да, конечно, его там нет, и так понятно. Он отца ненавидит. Что тогда? Где искать? Может, мать найти и ей сказать? Да нет уж, придёт домой, тогда расскажу. Если Сашка сам не объявится к тому времени. Можно ещё по друзьям его поспрашивать... Галька с Тишкой не смогут, придётся самой идти. Или к тётке Вале мог убежать? А что? Мог. У тёти Вали – как раз два сына, как раз обоим по пятнадцать. Куда ему ещё бежать?»

Она взяла гребень и попыталась расчесаться. Не тут-то было.

«Чтоб тебя!» – Нина посмотрела на себя в маленькое зеркало рядом с умывальником. Копна жёстких, густых, как щётка, белобрых волос торчала в разные стороны. Она рванула гребешок. На пол упали два зубчика.

– Ну, мы пошли, – сказала Галя.

– Стой, – остановила их Нина. – Сходите сперва к тёте Вале. Может, он у них. И, на-ка, стригани, – она протянула Гале портновские ножницы и наклонила голову над помойным ведром.

– Под ноль?

– Нет, как обычно, по-быстрому, – Нина зажала рукой хвост на макушке.

– Не жалко тебе?

– Быстрее давай, не болтай.

Галя прижала ножницы к затылку сестры и подрезала густые вихры у самых корней. Волосы, словно обрубленная солома, упали в ведро.

– Так-то лучше, – сказала Нина, выпрямляясь, и провела рукой по обстриженному затылку. – Хоть башка дышать будет. – В общем, давайте быстро.

Нина вернулась в горницу и посмотрела в окно. Галя держала Тишку за руку и что-то ему рассказывала, братишка смеялся. Сестра потрепала его белёсые жиденькие волосы. Из всех них, четверых детей в семье, Тишка был самым светлым и самым... тихим. Точнее, он был единственный такой тихий в их семье. Слишком маленький, слишком незлобивый, нико-

гда не мог дать сдачи – и в кого он такой пошёл? Нинке самой пришлось разбираться с его одноклассниками, чтобы его не задирали.

Она проследила, как брат и сестра вышли за калитку. Ей жутко хотелось пойти самой, а не сидеть дома. Она бы слетала к тётё Вале за минуту – Галя же с Тишкой будут идти к ней полдня. Но другого выхода не было, ведь брат мог вернуться в любой момент.

– Я буду дома ждать, – сказала она вслух и перекрестила Галю с Тишкой. – Всех.

Быстро справившись с хозяйством, Нина села возле окна и стала наблюдать за улицей. Дорога пустовала, только изредка пробежали дети, предоставленные на каникулах сами себе. Она начала ходить по горнице взад и вперёд, заложив руки за спину, то и дело поглядывая на часы-ходики. Гирька поднялась до середины.

«Я так и знала, что они замедляются, когда гиря поднимается», – подумала она, со злостью уставившись на часы, будто стараясь силой взгляда заставить их идти быстрее.

Время замерло. Нина сосредоточилась на стрелке. «Неужели сломались совсем?» – она уже решила их перезавести, как неожиданная мысль мелькнула в её голове: «А может, он уже вернулся? Лежит там себе на чердаке и дрыхнет. Конечно! Как я сразу не догадалась! С уличной лестницы забрался, делов-то!»

Нина вышла в сени. Мурка, удобно устроившись клубочком на чердачной лестнице, сверкнула в темени зелёными глазами на звук открывающейся двери, но, распознав своих, тут же вернулась в дрёму.

– Устала, небось, за ночь-то? – спросила Нина, погладив её по мягкой шёрстке. – Ну, отдыхай, отдыхай.

Поднявшись по ступенькам, она откинула дверцу на чердак. Тотчас сени пронзил яркий луч света, взбудораженные пылинки закружились в воздухе, переливаясь в солнечном свете будто золотая пыльца. Пряный аромат свежеструганного дерева, насквозь пропитавший чердак, медленно влился в её ноздри, обволакивая, словно тягучий мёд. Нина глубоко вдохнула, пытаясь вобрать в грудь как можно больше этого любимого запаха. Кошка недовольно прыгнула с лестницы и куда-то ускользнула. Нина поднялась выше, осмотрелась. Чисто, без единой складки застеленная койка стояла нетронутой. Яркий свет проникал на чердак через окно, необычно большое, почти в четверть стены, и освещал груды янтарно-пшеничных опилок и стол с верстаком, стоявший вплотную к окну.

«Дорубил окно всё-таки», – думала Нина, отмечая, как здесь всё преобразилось.

«И стекло сам вставил?» – продолжала она размышлять, подойдя к столу.

Её внимание привлёк вырезанный из дерева миниатюрный комодик с выдвижными ящичками.

«Ничего себе! И это сам сделал! – поколебавшись с секунду, Нина не удержалась и открыла верхний. В ящичке аккуратной стопочкой лежали потрёпанные, но бережно разглаженные купюры по рублю и блокнот. Нина пересчитала деньги. — Пятнадцать рублей. Ого! Это он столько уже зарабатывает!»

Нина открыла блокнот — желтоватые рыхлые страницы были испещрены аккуратными записями в столбик:

«27 марта – Карпыч – скамейка – за доски для крыльца – в расчёте;

9 апреля – Михалыч – короб – 2 руб. – в расчёте;

15 апреля – Ванька – пестерка – 3 руб. – в расчёте».

Нина положила всё обратно ровно, с любовью провела ладошкой по столу, по комоду. На что бы она ни смотрела, чтобы она ни трогала, всё её восхищало. Казалось, что каждый

предмет был особенным, каким-то умным; даже лежали вещи как-то продуманно, точно; и всё пропиталось солнцем и запахом свежеструганного дерева.

На верстаке она увидела ещё одну вещицу.

«А, так это шкатулка, на заказ», – подумала Нина и подошла.

Между тисками, встроенными в верстак, и инструментами, подвешенными к стене, стоял маленький сундучок. На крышке были вырезаны молодые берёзки, деревца – будто живые: стволы тоненькие, с чечевичками, а листочки друг к другу так и жмутся, словно на ветру трепещут. А по центру сундучка, между деревьями – тропинка, а на ней выжжена девушка, идёт в берёзовую рощу, худенькая, в платье, босиком, с длинными распущенными волосами. Нина зачарованно погладила шкатулку, пробежалась пальчиками по листьям берёзок, по волосам девушки.

«Будто живое всё...» – прошептала она и стала ощупывать кустики земляники с ягодами, высеченные по бокам шкатулки, как вдруг её пальчики наткнулись на замок. Нина взяла шкатулку, потрясла ею в воздухе и услышала внутри лёгкий стук. Она закусила губу.

«Хоть бы одним глазком взглянуть... Где же ключик? — Нина окинула взглядом верстак, инструменты, вернулась к письменному столу, заглянула в каждый ящичек, но ничего не нашла. — Шило! Шило подойдёт», – она воткнула толстую длинную иглу в замочек, повертела из стороны в сторону и... что-то щёлкнуло.

Затаив дыхание, Нина подняла крышку. На дне лежала маленькая бордовая бархатная коробочка. Нина открыла её. Крошечные розовые камушки на тонких ажурных дужках-стебельках блеснули, заиграли в свете солнечных лучей.

– Ух ты! Золотые, поди... – восхищённо прошептала она и вытащила серёжку. К ней прицепилась вторая и повисла на скреплявшей их ниточке.

«Надо примерить», – Нина огляделась по сторонам. Простая деревянная свежевystруганная койка, чурбаки, заготовки досок. Зеркала, конечно, здесь и не могло быть.

«Быстренько посмотрюсь и обратно», – решила она и побежала с чердака вниз, зажав серёжки в кулаке.

Большое зеркало маминого шифоньера отразило худую белобрысую девочку в выцветшем ситцевом платье с надшитым подолом. Нина подошла поближе и приложила серёжку к уху. Камешек задорно сверкнул, будто подмигивая. Ей показалось даже, что она изменилась, стала похожей на девушку, а не на пацанёнка. Её серьёзные голубые глаза засияли, повеселели, она улыбнулась.

Вдруг с улицы раздалось протяжное мычание. Нина подскочила к окну. По дороге шагал паренёк, шуплый, растрёпанный, весь какой-то разболтанный, в серых холщовых штанах на подтяжках. Он вёл за собой тощую корову. Та медленно шла по пятам хозяина и мотала хвостом из стороны в сторону, отгоняя оводов. Когда они поравнялись с домом, Нина узнала его. Это был Мишка, сын Андрея Михайловича, того самого, которого сосной давеча придавило. Отец до сих пор лежал в больнице, в Харовске, а мать Мишки ещё при родах умерла. Вот и остался он дома один.

«Проспал, видать. Корову не успел вовремя отправить на пастбище. Вот теперь и ведёт её один, – думала Нина с жалостью. – Лишь бы отец его выжил. А то мама сказала – в интернат отправят, коли тот помрёт. Нет ведь никого у него больше».

Мальчик с коровой скрылся из виду, и Нина вновь уставилась на дорогу.

«Ой, а чё я, тетёха, сижу? Он же с Сашкой дружит! Может, знает что», – она вскочила внезапно осенённая этой мыслью, сделала шаг назад, к дверям, но тут же резко передумала и со словами: «А, некогда!», открыла ставни, ловко выпрыгнула из окна и босиком побежала за Мишкой.

Догнать его не составило Нине никакого труда. Казалось, он двигался так же медленно, как и часы в их доме.

- Мишка, у нас Сашка сбежал! Ты, может, знаешь, где он?
- Знаю. У нас он. Был, – ответил тот, отрывая от земли красные, воспалённые глаза.
- У вас? Был? А где сейчас?
- Ушёл. Сказал, к деду пойдёт.
- К Ивану?
- Этого он не говорил.
- А, найду! – крикнула Нина и побежала. Потом вдруг резко остановилась посреди дороги

и спросила:

- Как отец-то?
- В больнице.
- Чего говорят-то?
- Молчат.
- Дак ты это... Заходи к нам.
- Зачем?
- Ну так.
- Ладно, зайду.

Она направилась к деду Ивану. Он жил на другой улице, ближе к станции и лесу.

«Странно, что он решил пойти к деду. После маминого и папиного развода мы же совсем с ним не видимся. А, с другой стороны, к кому ещё идти? И дед нас всегда любил, никогда не ругал, всё время нам какие-то игрушки мастерил, обувь-то нам до сих латает. И много историй знает. Жалко, что больше не ходим к нему», – вспоминала Нина на бегу. Она пересекла главную улицу посёлка, повернула на улицу Комсомола и остановилась.

Изда деда стояла самой крайней в конце улицы, рядом с лесом, и отсюда её не было видно.

«Если идти быстро, минут за шесть-семь можно успеть», – думала Нина, тщательно рассчитывая свой путь. Это была не её улица, а закон посёлка чётко гласил: на чужую территорию нельзя. Особенно в одиночку. И особенно тем, кто участвовал в драках улица на улицу.

«Если шибко бежать, можно и за три. Но если бежать, сразу поймут, что я – не ихняя. А если идти, могут не обратить внимания, подумают: девчонка, что с неё взять?» – И она решила не лезть на рожон, понурила голову и пошла по дороге медленно, бесшумно, глядя под босые ноги и переступая через коровьи лепёшки.

На улице было тихо, только со дворов доносились звуки обычной сельской жизни: скрип колодцев и дверей сараев, лязганье ведер, кудахтанье кур. Нина мельком, исподлобья, посмотрела на ряд заборов. За ближайшим из них дрогнул вишнёвый куст.

«Отследили. Сейчас шухернут. Надо бежать, может, успею».

Она рванула что есть мочи.

«Своя улица – гуляй, чужая улица – беги, – колотилось в голове. – Только бы успеть. Не до драки мне сейчас, некогда».

Вдруг раздался свист, за ним последовал второй.

«Уже видно дедов дом, быстрее», – Нина мчалась со всех ног, но она явно не успевала. Из-за всех заборов, словно по мановению волшебной палочки, на дорогу стали выскакивать мальчишки. Кто-то ещё совсем шкет, кто-то постарше, но в основном – такие же, как она, лет двенадцати-тринадцати. Дело было плохо. Круг сужался, Нина перешла на шаг. Вскоре идти стало некуда, кольцо сомкнулось. Она остановилась, всё так же глядя в землю на свои босые грязные ноги.

– Оба-на! Гли-ко, кого поймали: главный драчун улицы Октября! – начал один, в шортах и кепке.

– Кажется, кто-то не в свой район зашёл, – продолжил другой, повыше, в штанах на лямках.

– Когда кажется, тогда крестятся, а она, вишь, не крестится, значит, думает, что у себя дома.

– Ой, кто-то сейчас больно-больно упадёт.

– Ах, а потом ещё раз упадёт.

Нина молчала.

«Кто из них главный? В кепке или без? Сил и времени хватит только на одного. Потом начнут бить всей кодлой. Надо бить быстро, сразу и главаря».

Нина подняла голову и сказала:

– Не трогайте меня, а то вам же хуже будет.

– Ой, ой, смотри, как мы испугались, – и пацан в кепке сделал вид, что убегает. Остальные мальчишки загоготали. – А что нам будет? Ты ударишь меня своим маленьким кулачком? – теперь уже вся шайка смеялась, пихая друг друга, чтобы получше видеть смятение пришедшей девочки.

– Маленький, да удаленький. Сказала – дай пройти. Мне по делу надо.

– Ишь ты, деловая! – воскликнул он и посмотрел на остальных. – По делу ей! А у нас свои дела, между прочим. И другие улицы свои дела тут не решают без нашего ведома. Так я говорю, пацаны? – и он вопросительно посмотрел на остальных.

– Точно, без нас – никак, – поддакивали мальчишки, подступая к Нине ближе и ближе.

«Эх, была бы наша ватага здесь, я б им показала», – думала она.

Мальчишки окружили Нину вплотную, и кто-то ударил её кулаком в плечо. Нина пошатнулась, вытянула руки вперёд для равновесия и задела главаря шайки.

– Ой, гли-ко, она меня толкнула, – возмутился тот. – Девочка, а девочка, это нехорошо – толкаться! А то я ведь тоже могу, – и теперь он пихнул её в плечо. – И мой друг может толкаться, правда?

Один из пацанов ударил Нину в другое плечо.

Нина что есть мочи закричала:

– Са-а-аш-ка-а!

В этот момент чей-то кулак ударил её по челюсти, солёный вкус крови тут же наполнил рот. Она со всей силы закатила главарю в глаз, тот охнул, схватился за лицо и сел на корточки.

Пацаны тут же закричали:

– Бей её! – и накиннулись на Нину со всех сторон, колотя по спине, груди, животу, плечам. Нина дралась отчаянно, раздавая удары налево и направо, но силы были неравны. Вдруг глухой тычок в лоб вывел её из равновесия, всё поплыло вокруг, на мгновение замедлилось, на глаз закапала кровь, тело стало ватным. Нина с удивлением посмотрела на красные капли, падающие на подол платья: «Эх, платье... Гальке же донашивать...»

Она почувствовала ещё толчок и, падая, успела услышать: «А ну, сволочи, не трожь!».

6

Они проснулись от гусяного гогота.

– Кто ещё там пожаловал, – проворчал Олег и выглянул из палатки. – Варь, солнце-то уже высоко. Долго мы проспали, однако, – он взял свои штаны и вылез наружу. – Поспи, пока я нам обед сварганю.

Она потянулась и заложила руки за голову. За натянутым брезентом раздался плеск воды. Варя слышала, как в ведре забила рыба, бряцнул котелок, хрустнули сучья, а следом затрещал и костерок.

«Не помню, когда и высыпалась в последний раз», – подумала она, и воспоминания хлынули мощным потоком.

Последние шесть лет – без просвету на работе, в горьком бабьем одиночестве. Сколько ночей она проплакала в подушку, один бог ведает. Да и не только в подушку.

Муж бросил, ушёл к другой, помоложе, постатней. Нет, не плакала она тогда. Белугой выла. Любила она Стёпку, ох как любила! Полгода не прошло с их развода, как та, молодая, ему ребёночка родила. Вот позору-то было. Значило это, что Степан девку-то обрюхатил, пока ещё на Варе женат был, когда сама она с их Тишкой в животе ходила. Все глаза Варя тогда выплакала. Как никого в магазине нет, уйдет на склад и успокоиться не может. Наревётся, холодной водой с колонки умоется – и домой.

А дома – ещё хуже, тоска выюгой душу выметает, не оставляя никакой радости. Четверо детей, мал мала меньше. Придёшь – сил нет после двенадцати часов на ногах, падаешь от усталости – а младшие уже спят. Зайдёшь только в светёлки посмотреть на них, покрестишь, поцелуешь – вот и вся материнская любовь. Только старшие, Сашка да Нинка, её дожидаются, супу нальют, про младших расскажут. А у неё, Вари, и слова нет ласкового сказать – утром опять спозаранку встать. Без рук, без ног упадёт она в кровать – и словно в яму провалится. И так каждый день. Без праздников, без выходных, без отпусков. Утром встаёт – выручка пересчитана, детским почерком ровные стопочки и мешочки подписаны, узелок с едой на работу собран. Сашка вместе с ней просыпался, с петухами. Воды натаскает, печь затопит. Как Варя с мужем разошлись, у Сашки-то детство и закончилось. Для младших он тогда и отцом, и матерью стал, и детишек взял на себя, и хозяйство. Сколько ему было, когда они развелись? Девять, а Нинке – шесть. Так та в восемь лет готовила уже на всю семью, одна с печью управлялась.

У других, в полных семьях, хозяйство: корова, телёк, свиньи, гуси. А у неё дети – вечно впроголодь. И что тут поделаешь? Работа – по десять-двенадцать часов каждый день. Хозяйством не обзавестись, никакой животинки у них, кроме кошки одной. Зато хоть детей по детдомам не растаскали, хотя уже не раз в школе ей намекали, чтобы согласилась отдать.

«Там им лучше будет, у государства-то за пазухой. Всегда сыты, обуты. А у ваши, Варвара Николаевна, сами видите, разве что не в лаптях ходят. Растите безотцовщину, а государству потом отвечать! По-хорошему вам предлагаем, Варвара Николаевна. Подумайте о детях», – выговаривал ей социальный педагог, не раз приезжавший из города.

Варя всегда молчала, утыкалась взглядом в свои коленки. В конце таких разговоров она через застрявший в горле ком тихо говорила, не поднимая глаз: «Спасибо вам за заботу. Вы уж не утруждайте себя боле, не приезжайте. Справимся мы. Обувка, одёжка есть у ребятни. А случится чего со мной – вот тогда и приезжайте. А покамест обойдёмся. Хоть в лаптях, да не по миру ишшо».

Вот она и корпела на работе в две смены за двоих. Без её работы им было бы не выжить, а желающих на её место – хоть отбавляй. Как же, в селе всего-то десять рабочих мест для женщин, а для таких, как она, с шестью классами, и того меньше: магазин, почта да пекарня. А на лесоповал идти – последнее дело, того и гляди – пришибёт.

Варя села, стала потихоньку одеваться.

Когда она плакать-то перестала? Год, поди, слёзы лила. Думала, что ничего хуже и быть не может. Да только не так всё было: отревелась – и стало ещё хуже. Слёзы высохли, и будто сама она вся высохла. Ни слезинки не осталось, ничего. Одна пустота. Будто и души не осталось. Чёрная дыра тоски навалилась и засасывала, засасывала каждый день. И конца, и края той тоски видать не было. Сил не хватало ни жить, ни работать. Опостылело всё так, хоть руки на себя накладывай. Ежели бы не дети, наложила бы. А дети есть – деваться некуда. Хочешь не хочешь, а живи.

В палатку просочилась тонкая струйка дыма, неся с собой вкусный запах ухи. Варя уже заплетала косу, когда в проёме появился Олег.

– Встаёшь? – спросил он. – Ушица скоро будет. Давай, подтягивайся, – и опять исчез.

Как она могла не полюбить его? Каштановые кудри, длинные ресницы, смешные веснушки, рассыпавшиеся на переносице и скулах, будто говоря, мол, ты на рост и силу-то не смотри, такой же я, как и все парни, – может, и сильный, может, и резкий, да всё тот ещё, озорной, да так же, как и все, до простой ласки охочий. Чего только одна его улыбка стоила! Редкая, правда, – она успела заметить, что на людях он вообще не улыбается, почти не разговаривает. А главное, сам он в неё влюбился, будто мальчишка. Встречает из магазина, провожает до дома, телогрейкой своей плечи ей накрывает, точно не разведёнка она с четырьмя детьми, а девица какая. И ведь полно в леспромхозе незамужних, он мог бы за любой приударить, двадцать девять только – все девки для него. Ан нет, на неё он запал в её почти сорок. Бывают же сказки...

Что с того, что он с отсидки? Здесь, в леспромхозе – половина таких. Вальщики – основная работа на зоне. А куда им после тюрьмы-то? Вот в леспромхозы и подаются.

А те мужики, которые с войны вернулись, — так те ещё страшнее. Ушли на войну пацанами, а вернулись – стариками. И не только потому, что безногие, безрукие, контуженные, с незаживающими ранами, с осколками, которые двигаются. Ночью, днём, никогда не знаешь, когда пошевелится и убьёт. Распихали их с фронта по таким вот станциям да деревушкам, а здесь что – врачей нет, больниц нет – долго не протянешь. А потому, что в глаза их страшно глядеть было. Да они и сами ни на кого не смотрели, словно боялись, что в глазах, как в зеркале, весь ужас войны отражается, сломанные и растерзанные жизни, сотнями, тысячами, миллионными. Работали и пили, и всё молча. Редко кто из них не пил. Так даже и таких мужиков, пусть они и калеки, всех уж разобрали. Точнее, они сами разобрали девок, как только вернулись. Не искали покрасивше, а быстро женились, ежели девка по нраву была да работающая. Словно боялись не успеть пожить. Так и она теперь, Варя, покалеченная душа, боялась не успеть пожить.

Варя вылезла из палатки. Олег, прижав к груди буханку ржаного хлеба, резал её на крупные куски большим охотничьим ножом.

– Держи, – протянул он ей алюминиевую миску и краюху.

Уха, только-только снятая с огня, ароматно дымилась.

Варя села на бревно, поставила обжигающую руки миску на землю и посмотрела на Олега. Их взгляды встретились. Отчего-то на душе стало хорошо, оба не сдержались, рассмеялись, просто так.

Покончив с ухой, Варя тихо сказала:

– Пора мне, хоть немного с детьми побуду, а то забыла уж, как они выглядят-то.

– Может, останешься ещё на чуток?

– Дак, поди-тко, пора, пойду я.

– Провожу тогда, погоди, – Олег затушил огонь, задёрнул палатку, сунул нож за голенище кирзового сапога.

Они направились прочь от реки, через берёзовую рошу, и вышли на поляну. Солнце стояло в зените, припекало. И было так хорошо, так легко на душе, что они переглянулись, и, не выдержав внезапного наплыва счастья, он подхватил её и закружил. А когда отпустил, взявшись за руки, они пустились бежать, распугивая бабочек и шмелей. У моста, запыхавшись, влюблённые остановились.

– Варька, Варька, – прошептал Олег и крепко обнял её.

Варя не пыталась вырваться, она одновременно и светилась, и смущалась от маленького хулиганства, которое она себе позволила.

– Люблю тебя, Варя.

Она молчала, не смея поднять глаза, уставившись на его сильные руки и плечи.

– Выходи за меня.

Внезапный скрип досок заставил их обернуться. На мосту, наблюдая за ними, стояли Лида и её муж, Сидор. Тот, на костылях, прислонился к перилам, и одна его штанина, завёр-

нутая краем за ремень, тихонько раскачивалась от дуновений ветерка. Варя, мягко высвободившись из объятий Олега, поздоровалась первой.

- Поди-тко, здравствуй, – вяло, без энтузиазма, ответила Лида.
- Здорóво, – Сидор проковылял к ним и протянул руку Олегу. – Сидор.
- Олег, – мужчины обменялись крепким рукопожатием.
- Далёко? – Варя неловко попыталась начать беседу.
- Дак искупаться, подальше от ребятни. А вы какими судьбами?
- Рыбачу здесь, – Олег махнул рукой в сторону, откуда они с Варей пришли.
- И как?
- Плотва только. Жарко.
- А подлещик? – спросил Сидор, поднимая голову к небу.
- Редко. Встану на ночное, авось, судак пойдёт.
- Да, ночью может.
- У меня там местечко, тихое, в ивняке, бывает, что и линии заходят.

Тут с моста быстро спустилась Лида и торопливо пошла вперёд по тропинке. Сидор отвлёкся, закричал:

- Стой! Куды?

Лида не обернулась.

– Ить, дура, – Сидор в сердцах плюнул. – Поди ж пойми, что у бабы на уме. Вототка морока! Ладно, бывай, свидимся ишшо, – кивнул он Олегу, схватился за костыли и поковылял за женой.

7

Очнулась она от прикосновения чего-то холодного и мокрого ко лбу. Нина открыла глаза. Рядом с ней на корточках сидел Сашка, одной рукой придерживая сестру за спину, а второй обтирая её лицо мокрым полотенцем. Полотенце было уже розового цвета, подтёки крови расплывались на нём извилистыми разводами. Нина, увидев брата, улыбнулась.

– Ой, гляди-ко, она ещё и улыбается, – сказал Сашка, и только тут Нина заметила своего деда, с коромыслом стоящего рядом.

Тот был хмур, но, увидев, что Нина очнулась, спросил:

- Ну-ко, покажь, зубы-то на месте?

Нина оскалилась:

- Гы.

– На месте. Всё путём. Я же говорил, она у нас сильная, долго продержится. Губа только разбита, да бровь. Вставай давай, боец! Здорово же ты их уделала, у троих из них посильнее ранения будут, чем у тебя, – посмеивался Сашка.

Нина встала, придерживаясь за плечо брата. Её ещё шатало, но радость видеть его перевешивала боль. Она только сейчас поняла, как боялась потерять брата, боялась, что он уедет, убежит куда-нибудь насовсем и больше она его никогда не увидит. Теперь, когда он снова был рядом, стало всё равно, что губа и бровь разбиты, она забыла совсем про драку и про тупую боль в животе и спине. Ей хотелось обнять его, но она постеснялась и деда, и самого Сашки, и не стала. Не зная, куда деть руки от смущения, она засунула их в карманы. И тут вдруг вспомнила, что в одном из них должны быть серёжки. Она стала судорожно ощупывать платье, но искать было бесполезно: ничего не могло затеряться в накладных кармашках на ситцевом платье. Там было пусто.

«Потеряла. Навсегда. Их же теперь ни за что не найти!» – Нина захлопала длинными ресницами.

- Нин, ты чего? – растерянно спросил Сашка. – Болит чего-нибудь? Где?

– Я.. это...

Нина смотрела на брата, не зная, что сказать.

«Что я за человек, что я за человек... Залезла на чердак, вскрыла шкатулку, как преступник, вор... У кого? У кого? У брата же своего... И теперь... Дура, дура я! Потеряла серёжки! Как я теперь скажу? Скажу, что я – вор?»

– Ну, говори! – Сашка схватил её за плечи. – Что болит, говори давай! Может, к фельдшеру сходим?

– Не надо к фельдшеру. Не болит у меня ничего. Я серёжки твои потеряла.

– Что? Какие серёжки? Ничего не понимаю, – сказал брат, переглядываясь с дедом.

– Из шкатулки... На чердаке...

– Ах, из шкатулки, – вздохнул Сашка. Глаза его моментально стали серьёзными.

– Прости меня! Я не хотела! Я сама всё знаю – нельзя лазить по чужим вещам! Но... Я просто хотела посмотреть... Понимаешь? Там что-то шебуршало... Ну, хочешь, накажи меня! Только прости, пожалуйста, – умоляла Нина, глядя на брата.

– Вот ведь тетёха... Да что же теперь поделаешь, – грустно ответил брат. – Потеряла так потеряла. Не ной уже, чего уж теперь, прощаю я тебя, – сказал он, вытирая ей наворачнувшиеся слёзы всё тем же окровавленным полотенцем. – Ну, слышь, не вешай нос. Пойдём-ко лучше в дом, чаю попью.

– Да нет, мне домой надо. Галька с Тишкой сейчас придут, они тебя пошли искать. А дома – никого.

– Меня искать... Дак за меня не беспокойтесь. Я с дедом Иваном буду жить. Так матери и передай. За вещичками завтра зайду.

– А мамы дома нет. Она записку оставила, что ушла на речку.

– Записку? На речку говоришь? – Саша встал с корточек и почесал затылок. – Я до дому и обратно! – громко сказал он деду.

Тот погладил свою густую седую бороду и вздохнул:

– Ну, сходи, сходи. Дай бог, помиритесь ишшо с мамкой-то.

Он вскинул на плечо коромысло, развернулся и медленно направился к своей избе.

Брат и сестра брели по улице, глядя под ноги и пытаясь найти серёжки. Оба молчали.

Сашка злился на сестру за то, что без спросу залезла в шкатулку.

«Могла бы попросить, что я, не показал бы, что ли... То же мне... ещё и замок взломала. Шпана, одно слово...»

Ему не хотелось ни говорить, ни спрашивать ничего, он тоже внимательно всматривался в чёрную просёлочную дорогу.

«А смысл сейчас её ругать? Она и так всё поняла, – изредка поглядывая на сестру, думал он. – А серёжки... дорогие, конечно, несколько месяцев приработка... хотя нет смысла теперь... так что всё равно».

Нина тоже молчала: было ужасно стыдно за свой поступок, и она не хотела начинать разговор.

«Злитесь, поди, на меня. Вон всю дорогу молчит. И правильно делает, что злится. Я бы тоже злилась... Серёжки, верно, золотые были... И камушки такие красивые, розовые, переливающиеся, – думала она, пытаясь вспомнить их цвет.— Но ведь сказал, что простил. Ну понятно, сказал... Но всё равно же дуется... и серёжки жалко... Деньги придётся ведь отдавать. Заказчик, наверно, богатый... И жену свою любит – такие серёжки купил... А нам теперь отдавать деньги за них... Сколько они стоят? Больше, чем мама за день из магазина приносит,

точно, больше, чем мамина зарплата... Как же теперь отдавать? Где же мы столько денег возьмём?» – и она зашмыгала носом.

– Что, Иванушка, не весел, что головушку повесил? – Сашка первым не выдержал и, пытаясь развеселить Нину, щёлкнул её по носу.

– Золотые серёжки-то?

– Золотые.

– А дорого стоят?

– Дорого.

Нина покраснела:

– Как же мы деньги тогда отдадим?

– Кому отдадим?

– Ну кому-кому... Заказчику твоему.

– Это мои серёжки. Сам я купил.

– Как сам?

– Ну так – сам. Накопил денег, вот, за несколько месяцев работы... Хотел маме подарок на день рождения сделать. Скоро же у неё. Ну, значит, теперь не сделаю.

Нина подумала о маме: «У неё же никогда, никогда не было золотых серёжек. С розовыми камушками... И это всё из-за меня, – начала она клясть себя по второму кругу. – Ой, как тошно... Это я во всём виновата».

– Но ты не переживай. Теперь всё равно, я передумал. Я не хочу ей больше ничего дарить. Пусть хахаль ей подарки делает. И шкатулку дарить не буду. Если хочешь – возьми себе. Она мне больше не нужна.

– Она же такая красивая...

– А мне не нравится. Слишком сильно выжег ей волосы. Чёрные совсем получились, будто обгорелые, у неё не такие – русые. Ты же догадалась, что это она на крышке?

– Нет.

– Ну вот... ещё хуже... значит, и вообще смысла нет в этой шкатулке. Так что забирай. Или, если не нравится, – отдай кому-нибудь. Дружке, что ли.

Они шли домой, тщательно всматриваясь в серую дорожную пыль.

– Да уж... если на улице обронила, – то уж, верно, не найдём. Кто-нибудь подобрал уже... или затоптали. Так что это бесполезная затея, – сказал брат, когда они зашли за свою калитку.

– Ну, давай поищем ещё, – попросила Нина, глядя на брата умоляюще. – Маме же, золотые же. Обожди, я в палисаднике посмотрю. – Она прошла от калитки до окна, из которого спрыгнула, старательно изучая землю между густо разросшимися садовыми цветами.

– Ну что? – крикнул Саша.

– Не видать. Слишком много цветов. После обеда ещё раз проверю.

Ребята направились в избу.

8

Спокойная, отдохнувшая, Варя вернулась домой. Не успела она пройти на кухню, как на пороге показались Галя и Тишка.

– Поди-тко гуляли, робятушки? – она обняла, расцеловала каждого так, словно сто лет не видела. Дети оторопели, им настолько непривычно было, что мама дома и что она не уставшая и хмурая, а весёлая и довольная. – Голодные, поди? Ну-ко, раздевайтесь, мойте руки. Сейчас супешник подогрею. А где Сашка и Нинка? Зовите их, обедать пора.

Галя и Тишка переглянулись. Они только что обошли всех родственников, как им наказала Нина, но Сашку так и не нашли.

«Значит, мама не знает, что Сашка сбежал, – подумала Галя и, приложив палец к губам, покачала головой Тишке, чтоб тот молчал. — А вправду, где Нинка? Она же должна была дома сидеть, караулить всех. Может, в комнате?» – Галя, не отпуская руку брата, прошла в горницу. Сестры нигде не было. Сквозь открытое окно лёгкий ветерок слабо колыхал ситцевые занавески. Девочка выглянула на улицу и успела заметить только что скрывшихся за углом дома Нину и Сашку.

«Значит, нашла его... Вот и ладно, все дома, – вздохнула она и потянула ставни внутрь. Что-то блеснуло внизу. Галя прищурилась, пытаясь рассмотреть получше землю под окном, но ничего не увидела. — Любопытно. Позже проверю», – решила она.

Не успела Галя войти в кухню, как открылась дверь в сени и на пороге показались ребята. Сашка сразу увидел мать и остановился.

Варя, снимая тяжёлый чугунный котелок с печи и не глядя на детей, сказала:

– Мойте руки и за стол.

«Может, действительно ничего серьёзного, – подумал Сашка. – И чего я психанул-то вчера?»

Он прошёл к рукомойнику, намылил как следует руки, лицо, шею и плеснул водой, ударив по носику бачка. Галя и Нина, увидев, что у брата всё лицо в пене, тут же подскочили, начали щекотать, щипать его с разных сторон и дразнить:

*– Замарашика рук не мыл,
Месяц в баню не ходил,
Сколько грязи,
Столько ссадин!
Мы на шее лук посадим,
Репу – на ладошках,
На щеках – картошку,
На носу морковь взойдёт! —
Будет целый огород!*

– А ну отстаньте! Вот девки – шпана! – кричал Сашка, вертась в разные стороны, не зная, с какой стороны придётся следующий щипок. – Кому сказал! Ну, я вам сейчас покажу! – он вытер лицо полотенцем и сделал вид, что собирается гнаться за ними.

Те с визгом бросились врассыпную и продолжили дразнить брата:

– Не поймаешь, не поймаешь!

Тишка, который уже сидел в ожидании обеда, заливался смехом, глядя на переполох. Мама, разливавшая суп по тарелкам, тоже улыбалась, но, когда девчонки толкнули стол, да так, что она чуть не выронила половник, строго скомандовала:

– Пошто суматохи-то навели! Ну-ко, за стол! Кому говорю! От две егозы!

Дети постепенно успокоились и расселись по местам, вскоре ложки застучали по площадкам. Варя внимательно разглядывала старшую дочь и под конец обеда спросила:

– Нинка, а Нин!

– М? – промычала та.

– Поди-тко пазгалась опять? – мама встала из-за стола, подошла к дочке, повернув её лицо к свету. – Фингал новый, губища вон разбита. И в кого ты у нас такая?

Нина мягко высвободила голову и, откусив горбушку, с набитым ртом ответила:

– Ерунда. До свадьбы заживёт.

– Смотря до чьей, – вставил Сашка.

– Дак, поди, до Нинкиной и впрямь заживёт, – мама снова села и стала крошить хлеб в тарелку.

- Дак я, поди, не про Нинку, – ответил Сашка и посмотрел на маму в упор.
- Ну-ко, скажи-ко, – мама оторвалась от своей тарелки.
- Дак сама, поди, знаешь. Кто это вчера с тобой был?
- Когда? Дак, это... Дак энто друг мой... знакомый.
- А чего это он телогрейку свою тебе дал?
- Ты пошто энто матери такие вопросы задаёшь, а? – вдруг возмутилась Варя. – Ишь, взял в моду!
- Дак, думаю, ухажёр у тебя, – Сашка покраснел, но взгляда от матери не отводил.
- Дак а ежели и ухажёр?
- Если ухажёр... – Саша весь напрягся, лицо посерело, губы сжались. – Не подходит он тебе. Он тебя младше. Не нравится мне он. И вообще, зачем тебе ухажёр?
- Дак энто что за любопытство такое? Ишь, пошто мне ухажёр? То же мне, сын ишпо называется, вырос бессовестным. Ты вот на улицу выйди и посмотри: у каждой товарки моей мужик есть. А я чего, худа кака? Мне, может, тоже хочется, как всем. И по сторонам бы посмотрел: дом прохудился, еле-еле с хлеба на картошку перебиваемся. Крыльцо совсем развалилось, мужских рук требует. От вдвоём вы бы отлично справились. И дровяник, и забор подправить надо. Курятник нужен, хоть яйца²⁵ будут. Денег не хватает, сколько бы я ни работала, даже на обувку. Вон Тишка уже четвёртым одни и те же бурки²⁶ донашивает, и те на ладан дышат. Спасибо деду Ивану вашему, только и успевает штопать. Коровы своей нет, кур нет. А мне одной животину не потянуть, на неё сеном нужно запастись, где мне мужика взять?
- А я что, не мужик?! – взорвался Сашка, вскочил с табурета и начал нервно мерить шагами кухню. – Я сам крыльцо сделаю! Не надо нам никого! У меня уже всё готово! Доски уже купил!
- Доски... Какие доски? – Варя устало закрыла глаза рукой.
- Мам, – в разговор вмешалась Нина. – Не надо столько работать, пожалуйста. Мы же всё видим, как ты устаёшь. Мы с Сашкой поговорили обо всём, всё решили. Ты отдай нас с ним в детдом. Тебе ж легче будет. Тишку с Галькой спокойно вытянешь. А мы, ничего, мы большие уже, не пропадём. А вырастем, работать начнём, помогать тебе будем.
- Полноте, дура, ты чего такое мелешь-то? Решили они! Кабы я вас да в детдом? – Варя грустно посмотрела сначала на Нину, потом – на Сашку. – Устыдились бы такое мамке-то говорить!
- Зато чужих в доме не будет! – уверенно парировал Сашка. – А мы с интерната приезжать будем на выходные, там разрешают, я уже всё узнал. Если он придёт к нам в дом, я всё равно сбегу.
- Куды это ты сбежёшь? Вот ужо! Гли-ко, от опехтуй нашёлся на мою голову! Наоборот же, заживём хорошо. И отец у вас наконец-то будет. А то растёте без отца, от и правду всё мне в вашей школе долдонят: безотцовщина! На улице слоняетесь, во все переделки ввязываетесь. Где какая кодла пазгаётся – значит, тамotka и мои Сашка с Нинкой.
- Отец? – возмутилась Нина. – Как наш? Не нужен нам такой отец! Никакой отец нам не нужен! Тишка вон вообще не знает, что такое этот отец, тот и носу сюда не кажет! Зато малого своего, от новой жены-то, каждый день из яслей забирает! А Тишке – ни здрасьте, ни до свиданья!
- Слушайте, вы оба чего: белены объелись? – теперь встала Варя. – Не доросли ещё! Ишь, командиры! Яйца курицу не учат, слыхали такое? Совсем вам бошки поотшибали в драках ваших, как я посмотрю! В детдом! Да как у вас язык повернулся такое сказать!

²⁵ В этой части Вологодской области мясо курицы не ели в те времена. Кур использовали только для яиц и пера.

²⁶ Бурки (волог.) – ботинки.

Сашка демонстративно развернулся и вышел в сени, хлопнув дверью. Нина с Галей стали молча убирать со стола, а Варя, расстроенная, сняла фартук и ушла в горницу, села на кровать и задумалась.

«От коперзы, не смыслят же ничего. Нету же сил у меня больше одной тянуть, нету. Тишка только в школу пошёл. А так поженимся – глядит-ко, кур заведём, скотину опять же, корову. Яйца, молоко своё будут, – Варя глубоко вздохнула. – Когда цельная семья-то – всегда легче. Пройдёт это у них, пообвыкнутся. Всё без папки-то, оттого и характерные такие... Ну это ничего, повзрослеют – поймут».

Галя домыла посуду и вышла из дома.

«Что-то блестящее... под мамиными окнами», – она напрямик бросилась в палисадник.

Нераскрывшиеся бутончики космеи окружили её, щекоча по коленкам мягкими ажурными листьями. Тяжёлые, нарядные большаки-пионы выставили свои шёлковые, ярко-розовые лепестки напоказ, хвастаясь миру каждым из них, точно собираясь подарить их все без оглядки, от всей своей широкой души, не оставляя себе ничего. Галя старалась не наступить, не помять ни один, аккуратно раздвигая их на своём пути; пионы послушно наклонялись, а потревоженные, недовольные мохнатые шмели, жужжали и медленно покидали лепестки, улетая прочь. Она притянула к себе один пион и вдохнула нежный, волшебный аромат.

– Ах, как чудесно, – произнесла Галя, не в силах сдержаться от наплыва детского счастья.

Она нырнула в стройные ряды лиловых и белых минаретов²⁷, стражей выстроившихся вдоль стены дома. Присев на корточки, Галя внимательно изучила маленький клочок земли под окном и быстро нашла сверкающую капельку. Она запустила пальцы в рыхлую землю и, зацепив что-то крошечное, потянула: в её руке оказалась пара маленьких серёжек, связанных между собой тоненькой ниточкой. Нежно-розовые камушки, цепко охваченные малюсенькими золотыми лапками, блестели, сияли на солнце.

«Красивые», – Галя улыбнулась, поднесла камушек к глазам и посмотрела через него на солнце. Свет преломлялся сквозь грани, отливая разными оттенками, от голубого до фиолетового.

«Ух ты! От так сокровище! Я нашла сокровище! Сделаю секретик! – довольная своей находкой, она выбралась из палисадника и огляделась по сторонам, выбирая место понадежнее. Взгляд остановился на берёзе около калитки. — Да, там будет лучше всего», – решила она.

Быстро сбегала в сарай, нашла подходящий осколок среди битого стекла, вырыла ямку, уложила на дно лепестки пиона, сверху – серёжки и накрыла тайник стёклышком. Блестящие капельки заискрились в шёлковой колыбельке. Галя встала и полюбовалась секретиком.

«Как баско», – довольно согласилась она сама с собой, засыпала ямку и тщательно утрамбовала землю над своим кладом, потопав на ней для надёжности.

9

Вологодская область, железнодорожная станция Лесоповальная, 1962 год, сентябрь

Варя поправила непослушный локон, выбившийся из празднично уложенных волос. На какое-то мгновение она застыла, разглядывая себя в зеркале в комнате для невест ЗАГСа Харовского района. Девушка напротив казалась совсем незнакомой. Высокий начёс, серебряные серёжки-гвоздики, голубое кримпленовое платье и туфли «Цебо» на маленьком каблукке.

²⁷ Минареты (простореч) – люпины.

С виду и не скажешь, что ей уже тридцать восемь и четверо детей по лавкам. Надо было только не улыбаться, иначе мелкая сеточка морщин предательски выдавала возраст, но сегодня её глаза сияли счастьем и, словно сами становясь солнышками, лучились, даря всем вокруг тепло и свет. Не улыбаться она не могла, ей хотелось кружиться и летать как когда-то, когда ей было двадцать, когда кончилась война и они все радостно высыпали на улицу, заливались смехом, обнимались, целовались, словно пытаясь впитать в себя навсегда счастье – полное, цельное! А сейчас она любила и была любима. После шести нескончаемо долгих лет, прожитых без ласки, без единого доброго словечка, без поцелуя, только с подушкой, проплаканной насквозь. Ей хотелось петь, хотелось выбежать из комнаты, найти Олега, убедиться, что он здесь, с ней, что он ещё любит её и никуда не ушёл, что она для него – самая лучшая и любимая, обнять его крепко-крепко и стоять так, никогда не расставаясь.

Она выглянула из окна: на улице лило как из ведра, стало темно, точно наступила ночь.

«И что это такое... Будто в мае... Так ведь сентябрь сейчас... бабье лето должно быть... Где ж оно бабье?» – И она задвинула тяжёлую парчовую штору.

«Бог всегда знает, как предупредить о беде», – вдруг ни с того ни с сего вспомнились слова матери... Варя махнула рукой, отгоняя от себя тревожные мысли.

Она подошла к работнице ЗАГСа, стоявшей неподалёку и разговаривавшей с продавщицей цветов.

– Дак готовая я.

– Ну вот и ладно. А что бледная такая? Переживаешь, что ли?

– Дак пошто мне переживать-то? По любви, чай, замуж выхожу, не по тяткиной указке.

– Ты не переживай, тут многие невесты в последнюю минуту паникуют. Ну ничего, побоятся-побоятся, а потом не успеют оглянуться – и замужем. Так что давай-ко, вот тебе дежурные румяна, иди, в порядок себя приведи, и жду тебя через, – женщина посмотрела на часы, висевшие над входом, – пять минут. Добро? – и, не дожидаясь ответа, добавила: – Ну, давай, давай, поторопись, красавица. А то у меня другая пара на подходе.

Олег первым спрыгнул с подножки поезда. Варя, следуя за ним, вдруг неуклюже поскользнулась, но он вовремя подхватил её. Они рассмеялись и поцеловались.

– Ну, Варюха-краюха! Заживём! – сказал Олег воодушевлённо. – Сегодня же переезжаю из барака к тебе! Крыльцо подправим, сарай, забор! С дровяника начнём, до зимы надо успеть.

– Да, дровяник – хорошо бы до зимы успеть, – согласилась Варя, взяла его под руку, и они пошли домой.

Здесь, на Лесоповальной, дождь, видимо, был коротким: ясно светило солнце, золотые, вымытые берёзы мягко стелили ковёр из листвы перед молодожёнами. Люди оборачивались, никто из сельчан не привык видеть Варю такой сияющей...

– Эх, гармонь бы сейчас! Сплясали бы! Ну ничего, мы ещё спляшем, Варь, спляшем! Отстроимся до зимы, а зимой и спляшем, правда, Варь?

На улице показались две ватаги деревенских ребят, одна гнала другую. Варя тут же распознала Нину главарём догоняющих.

– Нинка! – крикнула Варя дочке.

Та, тяжело дыша, остановилась, а увидев маму, побежала к ней, на прощанье погрозив кому-то кулаком. Ребята из её шайки тоже остановились, с досадой глядя на удирающих. Вместе с Ниной они были в преимуществе, а без неё расстановка сил резко менялась, продолжать потасовку не имело смысла.

Нина замерла на полпути, словно видела маму впервые. Красивая, с причёской, в нарядном голубом платье и туфлях, она стояла под руку с Волковым, как все его звали в деревне.

«Чего это она... вырядилась?» – разные догадки лезли в Нинину голову, она остановилась в нескольких шагах от мамы, не подходя близко.

– Чего?

– Зови Сашку, у меня сегодня выходной, обедать вместе будем, – сказала Варя. – Праздник у нас сегодня, – Варя сделала шаг вперёд к Нине, но та отступила. – Олег на баяне²⁸ сыграет.

– Что ещё за праздник?

– Дак расписались мы, – сказала Варя и улыбнулась, будто смущаясь собственной дочери.

– Поженились?! – Нина покраснела и сжала кулаки. – А как же Сашка?!

– А что Сашка? – удивилась Варя.

– Как что?! Он же сказал, что уйдёт!

– Дак это он сгоряча, Нин, это пройдёт. Маленькие вы ишшо, не понимаете. От поживём все вместе, под одной крышей, пообвыкнетесь друг к дружке-то.

– Это мы – маленькие?! Это мы не понимаем?! – возмутилась Нина. – Да мы... Да Сашка... Да весь дом только на нём и держится!

– Тебе мать что сказала? – вдруг медленно, басом проговорил Олег. – Позови брата. И чтоб дома были через полчаса оба.

– Я не знаю, где он, – огрызнулась Нина.

– Дважды повторять не буду.

Нина не смогла поднять глаза. Даже отец так с ней никогда не разговаривал. Её затрясло, внезапно возникшая ненависть вдруг наполнила её целиком. Но что ещё хуже – страх. Первый раз в жизни она чувствовала страх. Какой-то животный, липкий и холодный, странно тянущий низ живота. Нина смотрела в землю так, словно пыталась пробуравить её до самого ядра. С трудом поборов желание съязвить, она развернулась и пошла прочь.

Варя хотела было что-то крикнуть дочери вдогонку, но Олег резко дёрнул её за рукав:

– Не надо. Пусть привыкает к порядку. Вконец ты их разбаловала. Знаю таких, сам такой же. В морду плюнешь – драться лезет. От безотцовщины всё это. Ну ничего, я их подрихтую.

Варя промолчала.

Олег притянул её к себе прямо на улице, крепко поцеловал в губы и, немного расслабляя хватку, уверенно произнёс:

– Они меня полюбят, вот увидишь. Заживём, Варюха, заживём.

Когда Нина вернулась домой и зашла на кухню, отчим играл на баяне, а мама, раскрасневшаяся, со счастливой улыбкой, толкла вареную картошку. Оба тут же остановились и посмотрели на неё.

– Обедать же звали, а время ужина поди-тко, – начала мама.

– Обыскалась его, только сейчас нашла. Он у деда Ивана, сказал, что там останется, – ответила Нина.

– Как это останется? – по голосу было слышно, что мама расстроилась.

– Не знаю я, сказал — там останется, что я могу сделать? – грубо ответила Нина. Её корбило от присутствия Волкова, и опять эти странные тянущие ощущения в животе, хотелось побыстрее уйти с кухни.

«Неужели он здесь будет ночевать?! Хоть бы он ушёл. Да побыстрее».

– Ты с матерью так не разговаривай!

Вдруг в кухне повисла тишина. Варя не ожидала такого от Олега, но не ожидала она этого и от Нины с Сашкой.

²⁸ Баян – русская ручная гармоника с клавиатурами по обеим ее сторонам. Издает звуки за счет движения мехов.

– Олег, пошто ты кричишь-то? – вступилась Варя. – Ладно, схожу к деду Ивану за Сашкой. Нинка, ты покамест, садись, покушай. И младших зови исть-то.

– А ты не меня, а её поправляй, – рявкнул тот. – И никуда ты не пойдёшь за Сашкой. Ишь, ещё чего не хватало: мать за сыночком бегаёт! Это он на коленях перед тобой должен стоять за хлеб, за крышу над головой! Чтoб я не слышал такого больше!

– Я не голодная, – наврала Нина, несмотря на то, что целый день сначала носилась на улице, а потом разговаривала с братом, уговаривала его вернуться домой. Кроме скудных варёных картофелин на завтрак в её животе целый день ничего не было.

– Это хорошо, что неголодная, остальным больше достанется, – ухмыльнулся Олег, в упор разглядывая Нину. – Сегодня, значит, без ужина.

Она промолчала и направилась из кухни в комнату.

– Нина, погоди чуток, – остановила её мама. – Чего сказать хотела: Олег-то севodни переехал к нам и будет жить с нами.

Нина молчала, ей хотелось только одного: уйти. Она сверлила дверь в горницу взглядом, словно в ней было спасение от маминых слов, врывающихся в сердце. Нина не могла, не хотела верить в то, что говорила мама. Та словно не слышала ни сейчас, ни раньше того, что ей сказал Сашка. Она слышала только себя.

– Значит, на Сашку тебе наплевать? – спросила Нина, взявшись за дверную ручку.

– Пошто ты такое говоришь-то? Как это мне наплевать? – спросила мама.

– Как пошто? – Нина резко повернулась. – Ты что, не помнишь? Сашка сказал, если этот в дом придёт – Сашка уйдёт.

– Чтo? «Этот»?! Как ты меня назвала? – Олег вскочил с табурета. – Ты как со мной разговариваешь, шмакодявка?! Молоко ещё на губах не обсохло! – он шагнул к Нине, но Варя успела встать между ними.

Нина вся кипела.

«Сам шмакодявка... Мой брат ушёл из-за тебя. Ну, посмотрим, что ты сделаешь! Ну, попробуй, ударь! Попробуй! Мама сразу тебя вышвырнет из дома!» – мысли лихорадочно завертелись в голове.

– Он же тебе говорил! – крикнула она матери, чувствуя, как её голос буквально клокочет от злости.

– Дак то ж, – Варя стояла между ними, испуганная, растерянная, и нервно теребила полотенце. – Я-то думала, это он так, несерьёзно, по-мальчишески...

Нина закусила губу. Она не могла больше ругаться с мамой. К горлу подступил ком, не давая вздохнуть. Она отвернулась, чтобы спрятать накотившиеся слёзы.

– Мы давно уже не дети, – буркнула она и с силой рванула ручку двери так, что ударила себя по плечу, но, не обратив внимания, вышла из кухни в горницу.

– Это так ты детей настроила? Это что, это я-то «этот»? – Олег не мог найти себе места.

– Тише, тише ты... Не кипятись. Это она сгоряча... Не подумав... Она такая у нас, хлёсткая, за словом в карман не полезет...

– Ты что её защищаешь? Ты не понимаешь, что ли, что ты их избаловала вконец?

– Дак это, конечно, избаловала... Они без тятки шесть годков уже как... Мне ж некогда за ними смотреть... Вот и растут сами по себе, дак, видать, и избаловались...

– Подумаешь, без отца шесть лет! Зато с мамкой! Сытые! Под крышей! Я всю свою жизнь беспризорник, без отца и матери! Да я, да я за такую жизнь, как у них, – всё бы отдал! Нет, я не понял? Старший твой, что? Условие поставил: или я, или он? Молокосос...

– Да не кипятись, Олежечек, потолкую я с ним завтра же, он и вернётся. Они у меня хорошие... Трудолюбивые... Горячие, правда... К свободе привыкли...

– Я им крылышки-то быстро пообломаю... Поговорят мне ещё... Ишь! Я им покажу «этот»!

– Дак ладно тебе, дети же они ишшо. Остынь... Пообвыкнут, притрутся. Глупые же ишшо. Какой с них спрос?

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Глупые! Никакие они не глупые, вон как соображают! Старшему-то твоему – пятнадцать? Я в пятнадцать уже первую ходку сидел, такого навидался, мама не горюй. Водка есть?

– Водка-то? – Варя растерялась. – Кажись, была где-то.

– Ну так неси давай!

Варя не осмелилась перечить новоиспечённому мужу, пошарила на верхних полках, нашла поллитровку, выставила на стол перед Олегом:

– Вот, для рабочих припасла... крыльцо надо... – сказала она робко.

– Чё стоишь-то? Стакан дай!

Варя суетливо принесла стакан.

– Как же так... Олег... Ты же сказал, что завязал?

Олег налил водки до краёв, залпом выпил, занюхал рукавом:

– Завязал. До сегодняшнего дня. А сегодня – развязал, как твоих зверят увидел.

У Вари всё опустилось, казалось, земля поплыла из-под ног. Она села.

– Какие же они тебе зверята? Пошто ты к ним так-то?

– А что? Иль ты думаешь, они со мной будут – как с собакой, а я терпеть буду? Сюсю-каться как ты?

– Дак поговорить бы надо, растолковать им что почём. Я поговорю... Сейчас же поговорю.

Олег наполнил второй стакан. Варя оторопела:

– Ну что ж ты так, без закуси? Есть же всё, – она опять встала, ссутулившись, сморщив лоб, пошла к печи, на ходу украдкой вытирая слёзы.

– Сядь.

Варя остановилась на полпути, вернулась к столу и покорно села, сложив руки на переднике и опустив глаза в облупленные доски пола.

Олег опрокинул стакан в рот, снова занюхал рукавом и заговорил. Его голос в этот раз зазвучал хрипло, глухо, будто издалека:

– Ты знаешь, я, когда рос... всё своё беспризорное детство о бате мечтал... Если бы у меня тогда, в голодном Ленинграде, на его мокрых улицах... В тех подвалах... Видела бы ты те каменные подвалы – грязные, тёмные. Видела б ты те товарняки – холодные, промозглые. Если бы у меня тогда появился бы отец... хоть какой, хоть бандит... но свой, который бы смотрел за мной, поделился бы своей горбушкой ржаной... Да хоть один раз за всю жизнь – всё бы отдал за это! Прямо сейчас! Встал бы и поехал бы к нему. И без разницы, какой он – из тюрьмы ли, в тюрьме ли... Если бы тогда, когда я мальцом в колониях сидел за эту сворованную горбушку, хоть бы одна живая душа сказала: родной ты мой... Да я бы... Сколько бы лет мне ни было, хоть семь, хоть пятнадцать, хоть тридцать.

Варя слушала его молча, на глазах у нее застыли слезы.

– Только вот не было в моей жизни такого человека, – продолжал Олег. – Голод, холод, крысы и вши – вот моё детство. И ты знаешь, ничего, я привык выживать, воровать, шариться в помойках вместе с крысами, рубиться до последнего в колониях за ковш гнилой баланды, голову руками закрывать от мочивших меня кирзачей в карцере, видеть... Даже не буду говорить тебе, что я видел...

А твои – цену жизни не знают, цену мамке не ведают. Ладно, спать щас пойдём. Иди мелких уложи.

– Дак рано же...

Он встал, вытащил папиросы из нагрудного кармана рубашки, подошёл к печке, зажёл лучину, прикурил от неё и бросил с порога:

– Пойду перекурю. Когда вернусь, чтоб все в кроватях были, – и вышел в сени.
Варя расплакалась, закрыв лицо ладонями.

– Ох, чует моё сердце, сикось-накось всё пошло. Где-то передёрнуло не в ту сторону...
Господи, где ж я оплошала? Господи, прости. Прости, Господи.

Чёрные капли растёкшейся туши падали на скатёрку, превращаясь в каракатиц.

«Поторопиться надо, а не реветь, там же Галька с Тишкой играют», – она наспех вытерла лицо полотенцем и метнулась в комнаты.

Галя и Тишка сидели в горнице на полу, делали уроки.

– Робятушки, голубчики, спать надо ложиться.

– Почему? – удивлённо спросила Галя, посмотрев на часы. – Ведь только семь.

– Давайте, побыстрее, не вошкайтесь, – сказала Варя, торопливо собирая учебники с пола, взяла Тишку за руку и повела в мальчишечью, раздевая его на ходу.

– Не хочу спать, – взбунтовался Тишка. – Рано ещё.

– Тишка ты мой, Тихонечка, миленький, надо, надо, милый сегодня пораньше лечь. Завтра ссыпоре не подыматься, – она уложила сына на кровать и помогла ему снять штаны.

– А когда Саша придёт?

– Саша-то? Дак Саша попозже воротится. К деду пошёл, скоро воротится. Хочешь, сахарную голову тебе принесу?

– Хочу, – Тишка тут же передумал капризничать, взял машинку в кроватку и смирно лёг, ожидая внезапно обещанный кусок сахара.

– Сейчас, милый, сейчас.

Варя вышла из мальчишечьей светёлки. В горнице стояла Нина, руки – в боки.

– Зачем спать так рано?

– От пошто ты так со мной, а? Ты же у меня старшая, девка, понимать-таки должна, – и новые слёзы стали проделывать дорожки в размазанных чёрных кругах под Вариными глазами. – Лучше бы подсобила уложить всех.

Нина ужаснулась от маминого вида, казалось, та постарела на десять лет за полдня после того, как она видела её на улице, – молодая, цветущая, сияющая, она вдруг превратилась в сутулую, уставшую женщину с растрёпанными волосами, потёкшей тушью, в вечном выцветшем, в пятнах, фартуке.

«Что я наделала... Это всё из-за меня», – подумала Нина.

На маму было невозможно смотреть. Сердце будто сжалось в комочек от боли, затаилось, отказываясь стучать.

– Я уложу всех. Иди. Только спать я буду на чердаке. Всегда теперь, – она развернулась и пошла в девичью светёлку, чувствуя, как мама крестит её вслед.

– Ложись спать, – сказала она Гале, сворачивая одеяло и простыню. – И чтоб ни звуку мне. И за Тишкой посмотри, если что.

– А ты далёко?

– На чердак.

– А Сашка?

– Не придёт.

– Почему?

– У деда он. Навсегда теперь.

– Что случилось?

– Просто ложись. Все вопросы – завтра, – Нина открыла окно и выпрыгнула во двор.

– Как ты на чердак-то залезешь? – Галя высунулась вслед за ней.

– Как-как, жопой об косяк. По приставной лестнице, как ещё. Дай-ко лучше бельё моё.

Галя подала сестре свёрнутое рулон постельное бельё, Нина подхватила:

– Если что не так – позовёшь меня. Помнишь, где вторая лестница на чердак? Окно будет открыто.

– Я боюсь по приставной лестнице.

Старшая сестра посмотрела на младшую в упор. Глаза Нины отражали северное небо: серое, холодное, колющее. И сейчас зрачки её сузились, превратились в тонкие острые жала, прожигая насквозь и угадывая все Галины трусливые мысли. Та не выдержала, отвела взгляд.

– Позовёшь, короче, – сказала Нина и ушла.

10

На часах, в большой комнате, пробило полночь. Сашке не спалось. У деда на полатах было душно. Он в очередной раз повернулся на другой бок и уткнулся носом в выложенные рядами дозревающие помидоры.

«Нет, так невозможно! Невозможно так жить дальше! Я же говорил ей! Зачем она? Мы сами бы протянули, я уже начал подрабатывать! Все они предатели! Сначала отец! Теперь она! Ей просто наплевать на меня! Просто наплевать... Я же сказал, сказал, тогда ещё, три месяца назад, что не останусь, если он придёт. Она всё равно его привела. Променяла меня на него. Что ж, значит, он лучше. Я – просто никто... Никто и никому не нужен, никому», – он не выдержал, прыгнул с полатей и подошёл к окну.

Над ситцевыми занавесками, закрывающими только нижнюю половину стёкол, плыли чёрные тучи, то скрывая, то обнажая зловещую жёлтую луну. Саша раздвинул короткие шторы и открыл форточку. Ночная прохлада ворвалась в окно, ветер затеребил утлые тряпицы. Где-то вдали ухнула сова.

Сразу за забором дедовой избы, крайней в селе, за маленькой лужайкой стоял лес. Огромный, нехоженный, дремучий. Там и днём-то было страшно. С этой стороны села деревья не рубили, редко кто здесь ходил. Разве что так, по краешку. Дурная слава была у этой чащи говорили, медведь там задрал человека, да и волки зимой делали набеги именно отсюда, утаскивая в тайгу собак, если хозяева не успевали прийти на помощь.

Одни ели... Высокие, раскидистые... дикие. Особенно сейчас, ночью. Сашка невольно содрогнулся. Как бы жутко ни было смотреть на лес, одновременно эта чёрная стена завораживала, манила. Он не мог оторвать глаз.

«Да, умереть... умереть – вот выход. Тогда они узнают, кого потеряли. Она узнает. Но будет поздно. Они пожалеют, плакать будут. Смерть... Никакой обузы никому. Все будут счастливы. Мама, хахаль её. Отец», – он встал на цыпочки и, не отводя взгляда от леса, потянул носом.

«Самое время... Всё правильно в природе устроено. Выживает сильнейший... Это просто закон. Слабакам здесь нет места. Мама сказала, что самоубийство – это грех. А развод – это не грех? Водку пить, как отец, – это не грех? Бить жён, детей? И если всё грех, так без разницы же – себя ли убить или любви изменить? Или есть похлеще грехи, а есть послабже? Враньё всё это. Придумали, чтобы детей в страхе держать. А сами... Всё – лишь сплошное враньё... Ненавижу... С себя бы лучше начали. А то только и знают, что поучать. А в школе вообще говорят – Бога нет... – Саша смотрел на крошечную темноту ельника. – Бесконечная тьма – вот что есть... Ни добра, ни зла, ни судьи...»

Казахская ССР, 1962 год, лето

*Вера в сердце своё,
Вера в руки свои...*

*Р. Рождественский
«Письмо в ХХХ век»*

1

Казахская ССР, Талды-Курган – Мулалы, 1962 год, лето

*"За окошком вьюга
Да пороша ранняя,
А в печи одна зола,
А в груди страдания.
Иль на картах погадать,
Да что-то не гадается"²⁹...*

— задорно доносились звуки популярной песни из радио на подоконнике. Рядом чахло каланхоэ и желтела стопка квитанций, проштампованных фиолетовыми чернилами: «АТП³⁰ № 2560». Витя сидел на табурете возле окна и ждал, когда подтянутся остальные рабочие. Сегодня их автоколонну, почти всю, отправляли в командировку в Мулалы, на неделю, до выходных. Там была летняя автобаза около товарной железнодорожной станции, куда сгружали зерно с целины³¹, поэтому сотни грузовиков надо было отремонтировать там же, чтобы зря не жечь топливо. И так будет продолжаться всё лето: рабочие дни – в посёлке, в вагончиках, на выходные – домой, в Талды-Курган.

«Кто на базу, а кто в школу, – тяжело вздохнул Витя, вспоминая Фарида. – Кто-то по жизни будет теперь работать автослесарем, а кто-то после каникул вернётся к той, другой жизни, с образованием и карьерой...»

– Значит, пиши: за июнь АТП номер две тысячи пятьсот шестьдесят города Талды-Курган выполнило четыре тысячи заказов на техобслуживание машин, – голос начальника АТП вывел Витю из задумчивости.

Прохор Васильевич смотрел в окно, то и дело почёсывая шрам на правой щеке, и диктовал своему помощнику, Захару. Тот, сидя за пошарпанным канцелярским столом, старательно выводил буквы и, закончив, спросил:

– Может, лучше: «занятых в воплощении сельскохозяйственной программы семилетки СССР»?

– Эх ты, бюрократ! И где ты только набрался этих словечек, ума не приложу? – вздохнул Прохор Васильевич. – Ладно, пиши, как знаешь. Вот тебе рабочие отчёты с трёх автобаз за прошлый месяц, только с цифрами не наври ничего, – и начальник протянул Захару журналы, сильно потрёпанные, пожелтевшие, с масляными пятнами на обложках. – На всё про всё тебе пятнадцать минут. Потом выступаем. Собирайся, братец, в поход, поедешь с нами в Мулалы.

²⁹ Песня «Дроля мой» из фильма «Судьба человека».

³⁰ АТП – аббревиатура: автотранспортное предприятие.

³¹ Целина – название слабоосвоенных (из-за нехватки населения), но теоретически (по расчетам) плодородно-богатых земель. В 1950-х годах в СССР была начата программа по массовому освоению целины – выращиванию зерна в Казахской ССР, Поволжье, Сибири, на Урале, Дальнем Востоке и Крыму.

– Нет уж, я лучше отчёт напишу. Что я с этими чушками забыл? – ответил тот, просматривая журналы.

– Сам ты чушка! Ишь ты, интеллигенция нашлась! Учю тебя, учю, эх! – Прохор Васильевич с досадой махнул рукой. – Не стать тебе начальником, коли людей ни в грош не ставишь!

– Это мы ещё посмотрим, посмотрим, – тихо ответил Захар, когда за начальником закрылась дверь. – Главное – с правильными людьми ладить, а не со всеми подряд. Иди давай, что устался?! – рявкнул он Вите.

Витя не заставил себя долго ждать и вышел вслед за начальником в цех. Рабочие уже собрались и окружили Прохора Васильевича. Тот разговаривал по-простому – никогда и не скажешь, что он был самым главным здесь начальником.

– Так, братцы, разнарядка на неделю. Идём в Мулалы на пять смен и четыре ночи. Едем в автоколонне на пятьдесят ЗИЛов, все – пустые, держите расстояние между машинами. Приедете к обеду, вам двадцать минут на перекус, и, если сформирована линия, – начинайте, не дожидаетесь остальных. Там уже должны стоять грузовики, началась страда – пшеницу повезли с целины, теперь только держись! Объём работы большой. На нашу автоколонну норма в день – восемьдесят машин, итого за неделю – четыреста. И чтобы без халтуры! А то я уже получил по шеем на прошлой неделе, в следующий раз сами отдуваться будете! В пятницу вечером поедет караван от Балхаша в Текели через Мулалы, с ним и вернётся в Талды-Курган. Вопросы есть?

– А как получилось, что восемьдесят машин в неделю, сегодня же приедем к обеду только? Это что же, опять переработка? – спросил один из рабочих. Другие тоже загудели.

– Отставить малодушие! – резко, по военной привычке, скомандовал Прохор Васильевич, но тут же смягчился. – Братцы, я всё понимаю, но план надо выполнять. Глядишь, премию дадут. Согласен, работы много, особенно когда целинники валят. Но живём-то, братцы, хорошо, и хлеб, и масло есть, так что давай, не гундось, это тебе не под пулями машину ремонтировать. – Гул рабочих приутих. – И важное дело делаем же: страну поднимаем, а это не хухры-мухры!

Рабочие с уважением относились к Прохору Васильевичу, звали его Васильичем, и не только за то, что прошёл войну, но и за то, как он общался с ними, – строго и в то же время с какой-то сдержанной суровой любовью, по-отцовски.

– Ну всё, братцы, будет рассусоливать. Р-разойдись! По машинам!

Витя вышел из цеха и быстрым шагом направился к первой машине. Ожидające погрузки ЗИЛы, все новенькие, с вертикальными решётками радиаторов, с вытаращенными глазами-фарами, выстроились один за другим; хвост тянулся за ворота. Витя заранее приметил, кто поедет первым, и уже успел перекинуться парой слов с шофёром. Тот стоял около машины и курил.

– Ну что, пострел, везде поспел? – подмигнул он Вите. – Полезай в кабину, я сегодня один.

– Спасибо, я, пожалуй, в кузове поеду, а то жару не переносу, – ответил Витя.

– Кто ж её переносит? – усмехнулся водитель, откидывая задний борт кузова. – Тебе с такими замашками в море надо, а не в пустыню. Ну да ладно, полезай. Найду себе другого попутчика.

Витя бросил в кузов котомку с пожитками – сменным бельём и нехитрым перекусом, следом забрался сам. Торбу он сшил своими руками, на совесть: с подгибами, лямками и большим передним карманом, аккурат для дедовой фляги с выцарапанными буквами «ЛИНКОР МАРАТ» на помятом алюминиевом корпусе.

Мужики быстро набрались в кузов, расселись на скамейках вдоль бортов. Витя увидел своего друга и свистнул.

– Фарид!

Тот обернулся, мгновенно сменил направление и торопливо пошёл к ЗИЛу.

– Здорóво, – Витя протянул руку, чтобы помочь другу залезть.

– Здорóво! – ответил Фарид, забираясь в кузов. – Я даже и не рассчитывал с утра, что повезёт ехать в первой машине.

– Кто рано встаёт, тот сам знаешь, – ответил Витя. – Я тебе место около кабины припас. Ну, с первым днём каникул тебя?

– Ага, – Фарид расплылся в широкой белоснежной улыбке. – Мать, конечно, попричитала, но отец поддержал. Сказал, машинное масло для рук – лучший институт для мужика.

Они подняли борт, задвинули запоры и расположились поближе к кабине. Витя по-хозяйски похлопал по крыше:

– Поехали!

– Взлетаем, что ли? – подмигнул ему Фарид.

Все рабочие, сидевшие в кузове и ожидавшие отъезда, даже те, кто уже успел удобно устроиться и задремать, повернулись к мальчишкам и заулыбались. После двенадцатого апреля прошлого года все верили, что слово «поехали» приносит удачу. От одного только этого слова настроение всех рабочих улучшилось, люди вдруг вышли из дремоты, огляделись по сторонам. С высоты кузова хорошо было видно и автобазу, и сам Талды-Курган с новыми домами и школой. Рабочие, отчего-то радостные, повернулись друг к другу и стали обсуждать обстановку на автобазе, в городе, стране и даже в космосе.

Водитель коротко просигналил и тронулся.

Витя пошатнулся, но не сел, а ухватился за кабину и, стоя, стал разглядывать Талды-Курган, такие знакомые улицы, которые с борта грузовика выглядели всегда по-другому. Они как будто теряли важность, превращались во что-то маленькое, незначительное, преходящее. Витя не знал, было ли это оттого, что он становился взрослее, оттого, что та часть жизни, когда ты боишься, трепещешь перед большими зданиями, дяденьками и тетеньками, называемая детством, уходила от него огромными семимильными шагами; или просто потому, что ветер бил в лицо, даря чувство непонятной, откуда-то взявшейся свободы и ощущение, что наконец-то он взрослый человек, а значит, волен делать всё, что ему угодно. Он всё теперь может, даже жизнь изменить, и время теперь ему подвластно.

Они выехали на центральную улицу Талды-Кургана, где возвышались три единственные «сталинки» в центре города. Затем потянулся новый жилой квартал недавно построенных «хрущёвок» – серых панельных пятиэтажных домов. Навстречу изредка попадались машины, чаще – лошади с телегами, гружёнными скarbом или мелким скотом.

Он увидел свою старую школу, имени Ленина. Пустой двор напомнил ему о мае прошлого года. Витя поморщился и отвернулся. Каким безнадёжным всё казалось тогда: выгнали после семи классов, мать убивалась каждый день. Ходила, просила, обивала пороги в каждой школе, каждой организации. Никуда его не брали.

Вот тогда дед и пришёл, вся грудь – в орденах. Сказал:

«Упал – не значит пропал. Ползи, цепляйся – а вперёд двигайся, хоть лёжа, хоть на карачках. Главное – не успокоиться, не примириться со своей долей, даже если и кажется она несчастной. Иногда падение жизнь спасает, а иного и человеком делает».

Взял он тогда с собой Витьку к Прохору Васильевичу. Короткий разговор у них был, Витя до сих пор его наизусть помнил.

«– С какого фронта?

– Юго-Восточный.

– Сталинград?

– Да... Оба сына под ним погибли... Ты?

– Кронштадт, Балтийский флот.

– Блокада?

– Так точно.

Помолчали.

– Пацанёнок твой, что ль?

– Внук. Толковый, да хулиганистый слегка. Второй шанс ему нужен.

– Второй шанс? Это мы можем. В чём разница между вторым шансом и первым, знаешь?» – спросил тогда Прохор Васильевич Витю.

« – Нет».

« – Первых шансов много, а второй – всегда один. И часто – последний», – и он подмигнул Вите.

Вот так и взяли его работать в автоколонну. Под честное слово деда.

На смену хрущёвкам пришли камышитовые хаты³². Кто только здесь не жил: казахи, русские, киргизы, узбеки! Обшарпанные, обмазанные глиной, обнесённые ветхими заборами хибары, поверх которых Витя мог видеть всё их нехитрое домашнее хозяйство: развешенное между бедными покосившимися сараями бельё, будки с косматыми сторожевыми псами, яблоневые и сливовые деревья, кусты смородины, понурых лошадей, лениво отгоняющих слепней, гусей в лужах посреди дворов, и женщин с привязанными к спинам младенцами, работающих на своих огородах.

Они проехали по мосту через Каратал. Река вышла из берегов: прозрачно-синяя холодная вода с силой неслась вниз с растаявших ледников. Вдалеке, где должно было быть её устье, синели вершины предгорий Тянь-Шаня. Долго ещё рабочие тряслись среди камышитовых домов, но потом закончились и они, местность опустела. Всё чаще и чаще по сторонам дороги встречались пасущиеся отары овец с бегающими вокруг них собаками, такими же мохнатыми, как и овцы; с пастухами в тёплых халатах и меховых шапках, удобно расстилающими возле себя корпе³³ и накрывающими на них извечную еду кочевых казахов – вяленое мясо, золотистые шарики – бауырсаки³⁴ – и кумыс.

«И как они могут меховые шапки в такую жару носить! И халаты!» – Сколько лет они уже прожили в Талды-Кургане, а Витя до сих пор не мог привыкнуть к местным обычаям.

Пейзаж незаметно сменился – пожух, и без того жидкая трава поредела ещё больше, тополя и акации уступили место шарам перекасти-поля, отары овец – диким козам. Вдоль дороги шли караваны верблюдов; они равнодушно жевали жвачку и тащили связки саксаула, серые тюки с овечьей шерстью; погонщики с натянутыми до самых глаз куфиями³⁵ восседали на них, как на тронах.

Наконец исчезла и степь. На смену пришли пески, сначала вперемешку со скудной растительностью и камнями, а потом остались одни барханы. Ветер раздувал пыль с их верхушек, двигая песчаные холмы, словно шквальные морские волны.

Витя представил, что он стоит на палубе корабля и смотрит вдаль – не на пустыню, бескрайнюю и опасную, а на огромный океан, такой же бесконечный, такой же опасный. Он приставил ладонь ребром ко лбу: так ему казалось, что он настоящий офицер. Вот он на капитанском мостике, в белом мундире с золотыми погонами, а навстречу ему несутся огромные штормовые волны, спешащие поглотить его корабль и унести в морскую бездну. Вместо мол-

³² Основа материала для стен камышитовых домов – камыш.

³³ Корпе – традиционный казахский коврик.

³⁴ Бауырсаки – традиционное казахское мучное блюдо в виде шариков или треугольников, готовятся в кипящем масле в казане.

³⁵ Куфия – мужской платок, служит для защиты от солнца, песка и холода. Иногда носится как шарф, закрывая рот и нос, чтобы не попадал песок. С конца 1980-х годов в народе называют арафаткой.

чаливых степных курганников кричат белые горластые чайки, широко раскинувшие крылья над океаном, вместо далёких песчаных сопок – серебристые корабли-титаны. И вот он смотрит в бинокль на океан, видит впереди по борту рифы и командует: «Право руля!» Резкий морской ветер хлещет его по щекам острыми брызгами холодной воды, но он, конечно, стоит спокойно, мужественно справляясь со стихией.

«Брызги» вдруг стали резать глаза, а пустынный песок заскрипел на зубах.

– Тьфу! – Витя сплюнул за борт и сел. Остальные попутчики спали, мерно покачиваясь в такт машинному ходу. Кто-то прислонил голову к товарищу, кто-то обнимал свои колени. Его друг, Фарид, тоже спал, прижимая к себе свою котомку. Витя оглянулся: клубы песка и пыли за ними стояли столбом, идущую следом колонну машин не было видно. Он достал из котомки флягу деда и сделал пару глотков.

«Буду как дед. Моряком».

Нагревшаяся вода не освежила. Витя сел поудобнее, натянул до самых глаз шарф и прикрыл веки. Ему хотелось вернуться назад, в океан, там было так спокойно и ясно. Даже в шторм. Он вновь представил себе как он стоит на палубе корабля, только в этот раз он возвращался из плавания, подходил к берегу.

«Принять швартовы!» – Витя отдавал приказ в рупор, и матросы бросались выполнять его команду. Они разматывали толстенные швартовочные канаты и закидывали их на пристань. Береговые моряки вытягивали за фалы канаты и восьмёрками наматывали их на кнехты.

«Стоять на швартовы!» – Вите нравилась быстрая и слаженная работа его команды. Довольный, он посмотрел на пристань. На берегу, немного позади всех стояла девушка, держа в руках авоську с молоком. Очень красивая и очень худенькая, в простых босоножках, в голубом платье и белой косынке, из-под которой выбивались соломенного цвета пряди. Ветер задувал их ей на лицо, но она не отводила взгляд, не поправляла волосы. Она просто стояла и смотрела на Витю. В её глазах – холодно-голубых, серьёзных, светилось столько любви и одновременно грусти, что он не мог отвести взгляд и не хотел – в них таилась вся красота, которая только могла быть на Земле. Его сердце замерло, он онемел. Казалось, его засасывает в пучину. Моряки уже пришвартовали корабль, а он не давал другой команды, не двигался с места. Для него уже не существовало ни моряков, ни океана, ни корабля, только эта девушка...

– Витя, Витя, просыпайся! – Фарид тряс его за плечо, Витя очнулся. – Ну ты и соня! Я тебя уже пять минут добудиться не могу! Все давно обедать пошли.

Витя отрешённо посмотрел на друга. Чёрные смеющиеся глаза и белозубая улыбка придавали его круглому лицу добродушное выражение.

– Слышь ты, татарин, отстань. А то саблю наточу, – Витя, сонный, пытался пошутить.

– Эй ты, мало в тебе татарской крови, можно подумать. Потом саблю свою наточишь. Нака, хлебни, – Фарид протянул Вите курдючную флягу.

Витя послушно пригубил.

– Кумыс?

– Да, да, – опять широко улыбаясь, ответил друг. – Пей давай, не болтай.

Витя хлебнул ещё пару раз.

– Хорошо! Как вы это делаете? – спросил он, вставая.

– А это наш семейный рецепт, традиция, – пробасил Фарид, поднимая указательный палец вверх и передразнивая своего отца. – Но так и быть, тебе я расскажу, сынок. Как-нибудь, – и, довольный собой, он проворно спрыгнул с грузовика.

Витя соскочил вслед за ним. Не сговариваясь, они подняли борт машины и рванули в столовую автобазы.

2

Казахская ССР, Мулалы, 1962 год, лето

После скорого обеда Витя и Фарид переоделись и поторопились на пятиминутку. В цеху было полутемно, свет еле проникал через грязные, облепленные песком окна под самым потолком. Тяжёлый запах машинного масла густо разливался по мастерской, пропитывая без того спёртый воздух.

Захар, в войлочной панаме, белой рубашке и яловых³⁶ сапогах, весь красный, мокрый от пота, держал в руках жёлтые, в масляных пятнах, бумаги и отмечал явку.

– Так, кто тут у нас опаздывает? – прикрикнул он, как только ребята показались на пороге.

– Тарасов! – откликнулся Витя.

– Айдаров! – крикнул Фарид.

– Сам вижу! Чё орёте?! – Захар что-то черкнул в списке. – Тарасов – в первый прямок, на смазку. Айдаров – то же самое, прямок номер семь. Вопросы?

Ребята молчали.

– Правильно, у матросов нет вопросов, – добавил Захар и тут же посмеялся над собственной шуткой. Потом вдруг замолк и скомандовал:

– Шагом марш! А то из-за вас у меня простой! Головой мне отвечать будете за соцсоревнование!

– Ух, так и врезал бы ему! – процедил Витя сквозь зубы, как только они вышли из цеха.

– Рвач, что с него взять. Таких лучше не трогать, а то долго отмываться придётся, – ответил Фарид.

Витя довольно ухмыльнулся:

– Сам, что ль, придумал?

– Отец так всегда говорит, у него на работе тоже таких хватает.

Они подошли к яме. Грузовик уже стоял над приемком, молодой белобрысый водитель курил, прислонившись к бамперу.

– Ты, что ль, слесарь-смазчик? Вас что, прямо с третьего класса на работу забирают?

– Я вообще-то девять уже закончил, – возмутился Фарид.

– Смотри мне, чтоб без халтуры, проверю.

– Проверяй, – Фарид пожал плечами и стал спускаться в яму.

– После смены – как обычно, – бросил ему Витя и направился к своему рабочему месту.

«Девять классов закончил, – эхом отозвалось в голове Вити. – А я – семь. Со справкой».

– Слышь, салага, забодало уже ждать тебя на жарё! – рывкнул чернявый шофёр Вите из распахнутой настежь кабины грузовика. – Поторапливайся давай. Мне ещё на целину ехать.

Витя молча спустился на дно ямы, чувствуя, как краска заливает его лицо.

– Готов! – крикнул он снизу.

Двигатель заурчал, грязное чёрное днище грузовика медленно скрыло солнце и лазурное небо. Через мгновение дышать стало нечем. Густой липкий пот заструился по лицу, шее. Рабочий комбинезон тут же намок и прилип к спине, будто запаяв тело в скользкий, противно тёплый кокон. Витя тыльной стороной ладони вытер пот со лба и прикрепил лампу к днищу ЗИЛа.

Водитель заглянул под грузовик:

– Ну, я пошёл.

– На ручнике?

– Поставил, ключи в машине, если что – посигналишь.

³⁶ Яловые сапоги – сапоги, изготовленные из кожи крупного рогатого скота.

– Ладно.

Витя вставил шприц в амортизатор и начал вращать. Сухая грязь посыпалась на голову. Песок заскрежетал на зубах. Витя сплюнул и продолжил крутить шприц. Наконец из верхнего отверстия амортизатора показался солидол. Следом он промазал крестовины, шкворни, пальцы. И так – четыре колеса.

Витя выбрался из ямы, вытирая руки о ветошь.

– Первая готова! – крикнул он и задрал голову к небу. Пронзительная синева ударила в глаза. Витя на секунду зажмурился, слёзы невольно покатались из глаз. Каждый раз, глядя на небо, Витя поражался, каким же ярким оно казалось по сравнению со всем, что он когда-либо видел, будто это была единственная краска, единственная чистота на Земле. Высоко над ним медленно кружил беркут.

– Красив! – восхитился Витя, наблюдая за его полётом. – А размах-то, размах...

– Сказал же, посигналь, а не ори, – рыкнул на него подошедший шофёр.

Витя нехотя оторвал взгляд от могучей птицы.

– Набрали молокососов! – шофёр сплюнул, залез в кабину и съехал с ямы.

Следом за ним тут же въехал следующий ЗИЛ. Витя молча вернулся на своё рабочее место. Обливаясь потом, он твердил как молитву: «Лампа, шприц, амортизатор, крестовина, шкворень, палец».

Когда последняя за смену машина проехала над его головой и показалось чистое небо, Витя, измождённый, поднялся на ступеньку. Ноги не слушались, он сел на приступочек в яме. Одежда будто стала второй кожей – так сильно она прилипла к нему. Витя посмотрел на руки: чёрные, трясущиеся от усталости и напряжения, густо, без единого просвета, измазанные солидолом и грязью. Лёгкий ветерок скользнул по щеке, чуть освежил лицо. Стало немного легче, но заклинание ещё стучало в висках: «Лампа, шприц, амортизатор, палец...»

– Ты что расселся? – услышал он издали голос Фарида. Друг мчался к нему на всех парах. – Сейчас вода закончится, давай быстрее!

Витя подскочил:

– Где водовоз?

– У цеха.

Витя, почувствовав внезапный прилив сил, рванул, быстро поравнялся с Фаридом, и ребята побежали к машине. Рядом с водовозом толпились водители, уже наполнившие свои канистры про запас. Они курили, наблюдали за помывкой рабочих и перешучивались между собой. Слесари, в основном доармейские ребята, мылись под струёй воды из шланга, брызгались и смеялись. Разница в возрасте между слесарями и шофёрами была всего-то лет пять, но последние всегда держались обособленно, словно родились высшей кастой.

Витя и Фарид разделись и встали в очередь. Сегодня на день подали только одну автоцистерну с водой, так что всем хотелось успеть сполоснуться. Никакой, даже самой маломальской, речушки в посёлке не водилось. Имелся, правда, прудик, глубиной по колено, вырытый, чтобы скот поить – верблюдов да ишаков. Взрослые брезговали в нём купаться, а детвора запрыгивала, когда взрослые не видели. Нацепляют на себя пиявок – и бегут домой с рёвом. Получают вдвойне: и от пиявок, и от родителей – ремнём или кому чем попадёт.

Солнце всё ещё припекало, и Витя вспомнил холодную колодезную воду, ту, какой они устраивали водяные бои с мамой, сёстрами и братом.

Когда от всепроникающей жары становилось невозможно дышать, мамка вдруг заходила в горницу, объявляла: «Водяная война!» – и выбегала на улицу первой. Дети моментально бросали всё, чем занимались, и мчались за ней следом, стараясь запастись по дороге оружием

получше: кто ковшом, кто бутылкой, а кому-то доставался шланг. С ним, конечно, можно окатить водой больше народу, но только было не спрятаться и не уйти далеко от колодца. Задача была – остаться сухим. Ребята набирали воды, и по маминой команде начиналась настоящая битва. Сначала все разбегались, прятались: кто – в сарай, кто – в курятник или хлев. Младшая, Валька, когда совсем малой была, так вообще – хоронила в собачьей конуре. Сидели в засаде, выжидая, кто выдаст себя первым. Мальчишки, Витя и Гришка, не выдерживали обычно раньше всех, подкрадывались тихонько, как партизаны, и беспощадно обливали друг друга холодной колодезной водой с головы до ног. На крик и визг сбегались остальные, и разгоралась немилосердная война, откуда никто не мог выйти сухим. Иногда под горячую руку попадали и куры, и гуси. Куры разбегались врассыпную, громко кудахтали, а гуси недовольно поворачивали свои длинные шеи в сторону то одного, то другого нападающего и грозно шипели. Когда все становились мокрыми с головы до ног, мама приносила полотенца, укутывала ими сестричек и уводила в избу. Мальчишки обтирались тут же, во дворе. Заканчивалось всё это веселье чаем с оладьями на веранде. Ох, то-то было здорово!

– Следующий! Не зевай! – гаркнул кто-то, выведя Витю из оцепенения.

3

Вода, хоть и тёплая, нагретая за целый день стояния в цистерне, всё же взбодрила. Витя и Фарид отправились к вагончикам, в которых автослесари жили во время командировки. Выстроенные вдоль периметра автобазы, с местами ободранной краской, на давно спущенных колёсах, они напоминали жестяные консервные банки защитного армейского цвета. Казалось, их бытовки маскировались под окружающее пространство: известняковый забор, такой же буро-жёлтый, как земля, сопки и пожухлая, еле живая трава.

Витя открыл дверь, в лицо ударил спёртый, жаркий воздух.

– Фу! Дышать нечем! Оставь дверь открытой, пусть проветрится, – сказал он другу и включил свет. От пластиковых капель люстры и ржавого отражателя из дешёвого тонкого металла тут же запрыгали блики, такие же тусклые и пыльные, как сама люстра. Они разбежались по деревянным двухъярусным койкам, по таким же, сколоченным из грубых, неотёсанных досок, табуретам, по короткой клеёнке, едва прикрывающей стол у маленького грязного оконца.

Ребята переоделись и разложили на столе у кого что было: солёный сыр, ржаной хлеб, огурцы, помидоры и лук.

Фарид разломил кругляш сыра пополам, протянул половину Вите:

– Сам делал.

– Научишь?

– Угу. А где эти-то, двое, соседи? Не идут что-то.

– Ты про Пашку с Илюхой, что ли? Ну так они, верно, в столовке ужинают. Или пьют, как обычно. У них получка, знаешь, какая? Другого порядка.

– Ну, порядка-то не другого, но раза в два больше, это точно, – заметил Фарид.

– И как они могут бухать каждый день?

– А что? Многие так живут.

– Скучно ведь так, башка же не работает. У тебя батя почему не пьёт? Мусульманин?

– Нет, не мусульманин он, партийный.

– Значит, в партию верит?

– В партию он, конечно, верит. Но не в это дело. Говорит, в человеческий интеллект он верит, в ум. Говорит, представь: один человек может многое, а если объединить многих людей, умных, образованных, то можно достичь большего в сотни, в миллионы раз – в космос

полететь, коммунизм построить. Ведь полетели же в космос, это же не просто так случилось, а именно от того, что сложили все усилия на одну цель. А твой батя?

– Мой? Ну, он, не знаю... Простой он у меня, четыре класса сельской школы – какой тут особый интеллект? Но тоже не пьёт. Редко очень, может, рюмку наливки пригубит. В хозяйство он верит, в коров, гусей. В землю. В руки свои, что ли.

– Ты думаешь, когда мы вырастем, такими же, как родители, будем? Или как соседи наши по комнате?

– Не знаю. Почему кто-то пьёт, а кто-то нет?

– Не, я точно знаю, что не буду, – заявил Фарид. – Я для себя уже решил. Я в институт пойду после школы. Так что у меня армии не будет. В партию вступлю. Хочу, знаешь, чтобы по-крупному – строить новое государство, коммунистическое, чистое. Чтoб знаешь, прям за душу брало глядеть на наши просторы, стройки, поля: целину, гидроэлектростанции, ну и всё остальное – такую же махину поднимаем! Ведь за нас же сражались отцы наши, матери, и мы теперь должны тем же ответить, не упасть в грязь лицом – построить такую страну, чтобы ух! На века! Повезло же нам, в счастливое время живём! – Фарид взглянул на Витю и осёкся.

Тот поник, тень набежала на лицо, проложив раннюю бороздку на лбу.

– Слушай, извини, не хотел я, – Фарид растерялся. – Ну и дурак я, забыл совсем...

– Да ладно, чего уж там, – вздохнул Витя, но настроение и вправду упало, о будущем думать не хотелось.

Да и не было у него этого будущего. Это Фарид мог стать кем он хочет. А ему куда? Раз уж из пионеров выгнали – никакая партия не светит. А значит, и коммунизм ему не строить, страну не поднимать. Даже таким, как Захар, он не сможет стать никогда. А образование... Смешно даже заикаться об этом. С его семью классами и справкой. И отец его не воевал, а разговаривал с детьми и того реже – разве что приговорку свою повторял от порки к порке: «Битие определяет сознание» – единственный наказ Маркса, в который отец его свято верил. Нет, пиши пропало. Прав оказался Фарид, да только в другом. Останется Витя, как отец, – малограмотным да без медалей, детей пороть будет да жену ни во что не ставить.

Ребята поужинали и бережно завернули оставшийся хлеб в холстину.

– Слушай, заводи шарманку, а то совсем тоскливо что-то, – попросил Витя.

Фарид достал губную гармошку.

– В кино? – подмигнул он другу и лихо наиграл весёлый мотивчик.

– Если вагончик приехал. Может, и нет его.

– Ну, если нет, – тогда и решим, – ответил Фарид и стал наяривать со свежей силой что-то новое, задорное.

На сытый желудок, да ещё и с музыкой, настроение поднялось, и мальчишки вышли на улицу.

Жара спала, лёгкий ветерок приятно поддувал, неся с собой из посёлка звуки баяна, лай собак и стук колёс поездов, разбавленные редкими низкими паровозными гудками. Огромное солнце садилось за гору с белеющей на ней надписью «Миру – Мир», будто расплавляясь в ней; густое, насыщенное марево обволакивало сопку, превращая её в тяжёлую, вязкую, словно живую, бесформенную массу. Земля, неостывшая, дохнула теплом, нагревая подошвы ботинок.

Друзья направились к станции, где по вечерам собиралась вся молодёжь. Фарид чуть слышно прошёлся по ладам. Из-за забора тут же залаяла собака.

– Айда вдоль барачков, там собак нету! – предложил Витя.

Друг молча кивнул и тут же закатился залихватским, весёлым переливом. Собака в ответ захлебнулась в лае, кидаясь на забор, надрываясь до хрипоты и бряцая железной цепью. Мальчишки свернули с главной дороги; оставив избы позади, пошли между новых деревянных

казарм, отстроенных для путейцев³⁷ и прочего командированного народа. Заборов здесь не имелось, окна казарм редко светились тёплым жёлтым светом. Лай стал удаляться, Витя переждал вступление и подхватил:

– Шаланды³⁸, полные³⁹ кефали⁴⁰...

Фарид не останавливался, заливаясь словно двухрядная гармонь, а Витя выдавал чечётку на потрескавшейся дороге, хлопая себя руками по бокам и ногам. Грусть как рукой сняло, будто и не было её вовсе. Разгорячённые, поднялись они к железной дороге и пошли вдоль насыпи и открытых вагонов, гружённых щебнем.

Около новенького вагона-кинотеатра, стоявшего в тупике, толпился народ: такие же ребята, как Витя и Фарид, школьники на каникулах, и молодые рабочие – автослесари, шофёры, разнорабочие с нефтебазы, «Заготзерна»⁴¹, «Сельхозтехники», кто – из этого же посёлка, а кто – приезжий, «городской», как их все звали, из Талды-Кургана. Были люди и постарше – мастера, в основном коренные жители; они стояли рядом со входом в вагончик, не смешиваясь с молодёжью. Девчонки же все были местные – городские сюда не ездили. Витя сразу обратил внимание на высокую, стройную казашку, не под стать другим. Её длинные чёрные волосы, заплетенные в две тугие косы, доходили до узких, как у мальчишек, бёдер, а белое ситцевое платье оттеняло смуглую кожу.

«Сегодня. В этот вечер я просто так домой не пойду», – решил Витя.

Ребята смешались с толпой, подошли к зарешеченному окошку кассы. На стенах вагона висели слегка обтрепанные плакаты: «Судьба человека», «Летят журавли» и новенький – «Девчата».

– Кинокомедия, – вслух прочитал Фарид.

– Эх, чепуха... Девчоночий, скучно, – Витя скорчил гримасу. – Нет чтоб про море. Ну или про войну хотя б.

– Да с чего ты решил, что девчоночий?

– Да с чего, с чего? Ты вон на плакат посмотри. И так всё понятно, про любовь, скукота.

– А сам что около девок ошиваешься? Не скукота?

– Ну, ошиваться около девок и фильм про них смотреть – разные вещи-то, – Витя ухмыльнулся.

– Тоже верно, пошли обратно в вагончик. Посидим там вдвоём, поокаем. – Фарид подмигнул, подтрунивая над другом.

– Ну ладно, ладно. Чуть что – так сразу в вагончик? Кино – так кино.

Они подошли к очереди.

– Кто последний? – спросил Витя.

– Я, – откликнулся, поворачиваясь к ним, седой мужчина. – А-а-а, ребята, и вы здесь! – обрадовался Прохор Васильевич, узнав их.

– Здравствуй, Прохор Васильич, – ответили мальчишки хором.

– Здравóво, здорóво, – протянул он им руку. – Не устали за день-то?

– Да нет, всё нормально, – ответил Витя. – А вы как здесь?

³⁷ Путеец (монтер пути) – работник железной дороги, который ремонтирует железнодорожные пути.

³⁸ Шаланда – здесь: на Чёрном море – плоскодонная парусная рыболовная лодка.

³⁹ «Шаланды, полные кефали...» – известная советская песня, написанная композитором Никитой Богословским на слова Владимира Агапова. Один из лучших исполнителей – Марк Бернес.

⁴⁰ Кефаль – род морских рыб.

⁴¹ «Загоотзерно», «Сельхозтехника» – наименования советских предприятий, расшифровывается как «заготовка зерна» и «сельскохозяйственная техника» соответственно. В советское время часто использовали сложносоставные слова для наименований предприятий, например, «Беломорканал», «Крабофлот», «Дальморепродукт» и пр.

– Говорят, афганец⁴² завтра придёт, так надо всё проконтролировать, вот и решил приехать на пару дней. – Ой, извините, братцы, моя очередь, – он вернулся к окошку. – Один билет, пожалуйста.

– Двадцать копеек.

Прохор Васильевич отсчитал мелочь и махнул ребятам рукой:

– Ну, всего хорошего, братцы. Увидимся завтра, на планёрке.

– До свидания, – в один голос попрощались ребята.

Они тоже купили билеты и отошли от кассы.

– Слушай, афганец – это же ураган? – спросил Фарид.

– Угу, – кивнул Витя. – Пустынная буря, мне мужики рассказывали.

– А разве нас не будут эвакуировать? – Фарид нахмурил лоб, вкладывая свой билетик в нагрудный карман рубашки. – Эти вагончики не выдержат урагана.

– Мужики говорили, они как раз в вагончиках и пережидали.

– Надо бы спрашивать у них ещё.

– Ну, ты спрашивай, а я в сторону девушек выдвигаюсь.

– Да тебе там всё равно ничего не светит, – поддразнил Фарид Витю.

– Это почему ещё?

– Вон, посмотри: там уже послеармейские толпятся, даже Захар наш и тот там.. Девчонки любят парней постарше.. А с тебя что взять? Тебе шестнадцати ещё нет! Молоко на губах не обсохло!

– Это мы ещё посмотрим.

– Ну, удачи. Я пойду поищу гармониста, может, получится сегодня что-нибудь хорошее сыграть, – и Фарид ушёл на звуки баяна, а Витя твёрдой походкой направился к девушкам.

4

На следующий день работать было тяжело – казалось, что кончился воздух. Витя с трудом дотянул до обеденного перерыва и вылез из ямы. Даже здесь, снаружи, дышать было нечем, каждый вдох обжигал лёгкие. Он пошёл вдоль грузовиков на починке. Чёрные, как смоль, волосы, неожиданно показавшиеся из одного прямка, выдали Фариду.

– Эй, ты что, голодной смертью решил помереть? – крикнул Витя на ходу. – Я на обед в столовку. У меня харчей только на один ужин осталось.

– Я с тобой тогда. У меня тоже только хлеб да курт⁴³, – ответил Фарид, выбрался на поверхность и ухмыльнулся. – Ну и рожа у тебя!

– А что?

– Чернее моей головы.

– Думаешь, у тебя лучше, что ль?

– Какие планы на вечер? Небось, на свиданку с Шолпан?

– Нет, на следующей неделе. Пригласил её в кино.

– Быстро! Только вчера же познакомились. А сколько ей? Ты так и не рассказал.

– Восемнадцать.

– Старше тебя?

– Ну и что. Красивая зато.

Они поравнялись с остальными рабочими. Мужики шли на обед медленно, вразвалочку, на ходу закуривая и дымя папиросами. Фарид, Витя и другие пацаны, доармейские, не курили,

⁴² Афганец – сухой, пекущий ветер, с пылью и песком, который дует в Центральной Азии. Дует от нескольких суток до нескольких недель. Очень опасен.

⁴³ Курт – сухой кисломолочный продукт, похожий на сыр, обычно представляет собой белые шарики (иногда приплюснутые).

плелись сзади старших молча, угрюмо. Вдруг один из слесарей приложил ладонь козырьком ко лбу, всмотрелся вдаль и сипло произнёс:

– Похоже, афганец идёт.

Все остановились, посмотрели на небо. Те, кто постарше, со знанием дела заговорили:

– Да, похоже на то.

Как внимательно Витя ни вглядывался в сторону, куда показывали другие, он видел лишь тонкую дымку, расстилающуюся над голой землёй между сопками. Только мизерная тёмная точка виднелась вдали над горизонтом. Зато солнце ликовало. Огромным тяжёлым ядром нависло оно над посёлком; оно дышало, рассыпая вокруг себя ядовитые, смертельные лучи зноя, и пыталось уничтожить не только всё живое на планете, но даже воздух. Над сопкой, той самой, на склоне которой сельчане каждый год выкладывали белыми камнями «Миру – Мир», плавился эфир, переливался, будто живая прозрачная лава.

«Не может быть, чтобы такая маленькая тучка оказалась афганцем», – засомневался Витя, но втайне обрадовался: он ждал и надеялся, что будет буря. Ему хотелось приключений, он мечтал об афганце с самой первой командировки в Мулалы.

Старожилы рассказывали, что этот ветер за пару часов мог уничтожить несколько гектаров пшеницы, и наносил такие барханы песка, что невозможно было открыть дверь и выйти из дома. Но Вите не везло. Как назло, за всё время его работы не произошло ни одной бури, ничего героического, чем можно было бы гордиться. Никого не надо было спасать, рисковать своей жизнью – изо дня в день только изнуряющие зной и духота, доводящие до отчаяния.

«Наконец-то! Наконец-то! – думал Витя, чуть ли не прыгая от счастья. – Лишь бы это оказался афганец, лишь бы он!»

Мужики перебрасывались скупыми фразами:

– Часа через два-три здесь будет.

– Если не раньше.

– Да, и солнце багряное, вчера такое же было, верная примета.

– Ага, прям как кровь.

– Надо начальству сказать, чтоб отпустили.

– Надо, надо, – соглашались другие. – Пусть пайки выдадут.

Через пять минут после начала обеда в столовую вошли Прохор Васильевич и Захар. Старший мастер постучал вилкой по стакану и громко объявил:

– Прошу внимания, товарищи!

Все повернулись в их сторону. Заговорил Прохор Васильевич:

– Братцы, пришла радиосводка, что в нашу сторону движется юго-западный ветер со скоростью двадцать–двадцать пять метров в секунду. Может продержаться до двух суток. Прошу всех запастись едой и водой, не меньше четырёх литров на нос. Закройте все окна на замки, всё хорошенько проверьте. И в бытовках, и на базе. Ответственным за мастерские назначаю Кудряшова Захара. Шофёрам – отогнать машины за здания, расставить с подветренной стороны. Проверьте, чтобы каждая машина стояла на ручном тормозе и передаче. Вопросы есть?

– А еду выдадут?

– Пайки получите на раздаче. Во время бури из вагончиков по возможности не выходить. Всё ясно?

Старшие загудели:

– Да понятно, не впервой.

После обеда рабочие выстроились в очередь. Каждому выдали по полбуханки ржаного хлеба, банке кильки, сгущённого молока и «завтрака туриста».

Витя и Фарид помогли закрыть окна в столовой, а потом с пайками и наполненными водой канистрами вышли на улицу. Было душно и пасмурно, в воздухе пахло электричеством. Казалось, природа в одночасье замерла: клёны в садике, перекасти-поле, чахлые кусты саксаула

– ни единого шороха, ни единого вдоха. Не летали птицы, исчезли бродячие собаки. Шевелилась только земля. Она дрожала.

– Ты это слышишь? – спросил Фарид.

Витя прислушался. Зловещий низкий гул над автобазой равномерно заполнял всё пространство. Какие-то утробные, клокочущие звуки раздавались гулко и далеко, но явно приближались, и приближались быстро. Витя осмотрелся. Электрические провода, натянутые над вагончиками, вибрировали, подсвечивались слабыми голубыми искрами, а там, откуда доносились эти леденящие кровь звуки, горизонта не было. Тяжёлая свинцовая плита насадала на село с неба, погружая землю под собой в непроглядную гнетущую темень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.